AMERICAN RESEARCH PRESS

А. И. Фет

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 7-ми томах

Том 4-й

ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

American Research Press

Абрам Ильич Фет

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 7-ми томах

Том 1-й
Инстинкт и социальное поведение

Том 2-й
Пифагор и обезьяна: роль математики в упадке культуры

Том 3-й
Заблуждения капитализма

Том 4-й
Польская революция

Том 5-й
Письма из России

Том 6-й
Интеллигенция и мещанство

Том 7-й
Воспоминания и размышления

Rehoboth, New Mexico, USA
— 2015 —

All correspondence and orders of printed copies of the books should be addressed to Ludmila P. Petrova, the copyright holder of A. I. Fet and the Editor-Compiler of the Collected Works in 7 volumes. E-mail: aifet@academ.org

This book was typeset using the LaTeX typesetting system.

Cover image: "Lech Wałęsa at the Working Meeting", the original photograph by unknown photographer (pictured in 1980–1981). This image is the fair use, found in the internet.

ISBN 978-1-59973-395-1

American Research Press, Box 141, Rehoboth, NM 87322, USA
Standard Address Number: 297-5092
Printed in the United States of America

American Research Press

А. И. Фет. Собрание сочинений в 7-ми томах

Том 4-й

◊

ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

◊

Rehoboth, New Mexico, USA
— 2015 —

Оглавление

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

А. И. Фет. Собрание сочинений в 7-ми томах

ПОЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

— Том 4-й —

От редактора

“Польская революция” написана по горячим следам польских событий 1980–81 гг., в обстановке “железного занавеса” и цензуры, когда добывать сведения можно было только из допущенных к распространению источников. “Имея дело с газетными и журнальными сообщениями, надо было искусно сплетать их и искать в них правду, сопоставляя одно с другим, оставляя в стороне пропагандистское вранье”, — вспоминал А. И. Фет.

В 1983 г. книга была издана в Мюнхене, в сборнике “Материалы самиздата” как сочинение анонимного автора, а спустя два года опубликована лондонским издательством Overseas Publications Interchange Ltd. Редакторы издательства проделали огромную работу по сверке текста с цитируемыми источниками, но авторский текст оставили нетронутым. Все свои комментарии и исправления они разместили в постраничных сносках.

Лондонское издание — это документ эпохи, который мы воспроизводим с возможной точностью. Сохранены в первоначальном виде все сноски анонимных редакторов, именной указатель, предисловие Марио Корти, а также некоторые особенности типографского набора документов того времени.

Предисловие

к книге А. И. Фета “Польская революция”

Настоящая книга — не первая и не последняя самиздатская работа, посвящённая польским событиям последних лет, написанная в Советском Союзе.

Об огромном интересе, который эти события вызвали и всё ещё продолжают вызывать во всех слоях советского общества, имеется довольно много свидетельств. Среди них — захватывающие репортажи американских корреспондентов Дэвида Саттера и Кевина Клоза из шахтёрского города Донецка, опубликованные соответственно в Лондонской газете “Файнаншел таймс” и в “Вашингтон пост” в начале 1981 года. Опрашивая рабочих Донецка “на автобусных остановках, на пустынных площадках перед шахтами и в коммунальных квартирах, в которых вода просачивается из потолка”, западные корреспонденты получили возможность убедиться, с каким огромным вниманием советские рабочие следят за событиями, разыгрывавшимися тогда в Польше. Из Самиздата известно, что во время забастовок, которые имели место в 1981–1982 годах на автобусном заводе (ПАЗ) г. Павлово Горьковской области, циркулировал лозунг: “Если норма будет больше, то мы сделаем, как в Польше”. Борьба польских рабочих за экономические, социальные и политические права довольно подробно освещалась в советском Самиздате, в частности, в Информационных бюллетенях Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. И это естественно, ибо СМОТ единственный действующий ещё по сей день в СССР зачаток независимых профсоюзов.

О реакциях на польские события советских граждан разного социального положения можно ещё судить по ответам на вопросы анкеты парижского журнала “Альтернатива”, тоже получившим распространение в Самиздате.

Чтобы не обременять далее читателя этим длинным перечнем, напомним лишь одну работу, имеющую хождение в Самиздате. Это “Письмо русским рабочим по поводу польских событий” московского математика Вадима Янкова, ныне отбывающего четырёхлетний срок в советских застенках. В этой работе Янков пытается проводить определённые аналогии между польской ситуацией и советской, а также найти приложение опыту движения польских рабочих

к проблемам их советских собратьев. К сожалению, снисходительно-наставнический тон Янкова снижает общее положительное впечатление, которое производит его работа.

Но из всех известных нам самиздатских трудов, посвящённых польским событиям, нам кажется, что публикуемое здесь сочинение превосходит все остальные не только по объёму и насыщенности информацией. Оно их превосходит ещё по степени понимания исторических предпосылок, сделавших возможным появление в Польше такого массового, подлинно народного движения, которое именуется “Солидарностью”.

Неудивительно поэтому, что бóльшая часть книги посвящена разбору событий, разыгрывавшихся в Польше в годы после нападения гитлеровской Германии. Мучительный процесс, приведший в конце концов к образованию Польской Народной Республики, рассматривается как на фоне различных международных факторов, которые сыграли немаловажную роль в её становлении (особое внимание уделяется, естественным образом, ключевой роли Советского Союза), так и в диалектике развития внутриполитических и общественных сил. В частности, автор подробно исследует взаимодействие тех социальных сил, которые оказались наиболее жизнеспособными в сложной политической жизни Польши: католическая церковь, интеллигенция, крестьянство и городской пролетариат. Он чётко выделяет их основной связующий элемент — повышенное национальное чувство поляков, сплотившее их сначала в борьбе с немецким оккупантом, а затем в сопротивлении навязанному извне режиму. Делая акцент именно на противоречиях между обществом и аппаратом власти, и описывает автор различные этапы внутриполитического развития Польской Народной Республики.

Разумеется, не мог он обойти экономической ситуации страны как одной из основных причин общественных конфликтов и слишком частых для социалистического общества политических кризисов. Экономические трудности Польши объясняются как субъективными, так и объективными причинами. Среди последних отмечена главным образом зависимость польской экономики от поставок советского сырья и продовольствия и от западных кредитов. Одну из субъективных причин этого автор видит в неспособности польских правителей разрабатывать и проводить в жизнь реалистическую и здоровую экономическую программу.

Таким образом, объединённые общим национальным чувством и исходя из безвыходности экономического положения, основные об-

щественные силы Польши стали оказывать всё большее воздействие на режим, постепенно добиваясь немаловажных уступок. Именно то, что польские правящие круги вынуждены были в разное время считаться с требованиями сопротивляющихся общественных сил, и определило особое положение Польши в социалистическом лагере. Она стала самой "либеральной" — и в то же время самой нестабильной — страной советского блока вплоть до прихода к власти генерала Ярузельского.

Переломным моментом в новейшей истории сопротивления польского народа автору представляется создание в 1976 г. "Комитета защиты рабочих" (КОС-КОР), организации интеллектуалов, ставшей центром притяжения рабочих. С этим событием он связывает возникновение в Польше подлинного политического сопротивления. Он не скрывает своего восторга перед организованностью КОРа, его методами ведения борьбы как легальными, так и нелегальными, комбинацию которых автор книги и считает самой плодотворной формой сопротивления тоталитарному режиму. Благодаря разъяснительной работе, проведённой КОРом в среде рабочих, "впервые в истории коммунистической системы значительные слои рабочего класса осознали, что их экономические интересы не могут быть защищены без политических гарантий".

Как видно, схематичным, но достаточно исчерпывающим историческим введением автор добивается двойной цели: определить, хотя бы в общих чертах, те узкие геополитические рамки, в которых Польша вынуждена действовать в послевоенное время, а также показать изменения, имевшие место в современном польском обществе — включая, в первую очередь, создание профсоюза "Солидарность" — в их исторической перспективе.

Итак, национальное единство основных сил, составляющих польское общество, католическая церковь как элемент сплочения и пристанище рабочих и крестьян, союз интеллигенции с массами трудящихся, ведение борьбы организованной, структурированной и сознательно политической — вот те элементы, которые — по мнению автора — способствовали становлению подлинной оппозиции режиму в Польше, сделали возможным то, что он называет "польской революцией". Было бы ошибочным полагать, будто автор считает такую схему приложимой sic et simpliciter к советской ситуации. Наоборот, есть все основания считать, что он чётко понимает, что польское развитие не может служить парадигмой или сценарием для возможного будущего развития советского общества. Слишком уж разнятся исторические условия.

И всё же, несмотря на отсутствие в СССР исторических предпосылок, аналогичных тем, которые в Польше способствовали появлению “Солидарности”, то, что произошло в Польше до объявления военного положения, и то, что происходит сегодня, сможет оказать определённое влияние на развитие советского общества. Чтобы содействовать этому влиянию, нам кажется, и была составлена эта книга. Как пишет её неизвестный автор: “Муза истории говорит сегодня по-польски. От нас зависит научить её русскому языку”.

Марио Корти[1]

[1] М. Корти работал в 1972–1975 гг. в итальянском посольстве в Москве. Был составителем нескольких сборников документов о советском инакомыслии, опубликованных в Италии. Его статьи о правозащитном движении и инакомыслии в СССР печатались и продолжают печататься в разных странах западного мира.

1. Что происходит в Польше?

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые![1]

События в Польше, происходящие на наших глазах — или, вернее, намеренно и систематически скрываемые от наших глаз — имеют важнейшее историческое значение. Особые обстоятельства, в которых находится Польша, не позволяют и самим полякам называть вещи их именами. Но уже произнесено единственно правильное слово: в Польше происходит *революция*. Я оставляю в стороне вопрос, хорошо или плохо делать революцию. Вопрос этот так же бессмыслен, как если бы кто-нибудь стал спрашивать, хорошо или плохо, когда в жизни происходит глубокая перемена. Всё дело в том, какова эта перемена — хотим мы её или нет. Психология людей, отвергающих *всякие* революции, очевидна: это люди, боящиеся любых серьёзных событий, бессознательно признающие свою несостоятельность перед лицом серьёзных перемен. Впрочем, революция входит в мир, ни у кого не спрашивая разрешения.

Давно уже не было подлинных революций. Поколения, выросшие в духоте, боятся освежающей грозы. Люди не понимают, что всё подлинно новое тем и ново, что не похоже на бывшее прежде, что в истории нет повторения. Польская революция до сих пор была почти бескровной. Было бы наивно предполагать, что так будет до конца, до установления нового строя жизни. В истории нет повторений, но есть глубокие аналогии. Бескровным было начало французской революции, почти бескровно прошла февральская 1917 года. К сожалению, революции всегда имели кровавое продолжение. Вовсе не обязательно, чтобы так было и дальше. Но в случае нынешней Польши за бескровное продолжение нельзя поручиться.

Я ставлю себе в этих заметках очень ограниченную задачу: рассказать о польских событиях моим друзьям. Информация, имеющаяся в моем распоряжении, очень неполна, её было бы недостаточно, чтобы составить последовательную летопись происшествий. Не сомневаюсь, что теперь этим занимаются сами поляки. Моя цель состоит скорее в истолковании того, что произошло, хотя бы в самых общих чертах. Это спешная работа, неточности и прямые ошибки в

[1] Ф. И. Тютчев, “Цицерон”, ППС, СПб., 1913, с. 78.

ней неизбежны. Каждый день приносит новые события — следовательно, многое произойдёт за время, когда я буду писать.

Мы переживаем величественный момент истории. Слышите ли вы

> ...Клии страшный глас
> За сими страшными стенами?

Муза истории говорит сегодня по-польски. От нас зависит научить её русскому языку.

---

2. Польское наследство

Польша — страна крайне несчастной судьбы. В восемнадцатом веке польское королевство стало добычей соседних держав. Польшу четыре раза делили, но ей суждено было воскреснуть после первой мировой войны. Последний период её независимого существования был с 1918 по 1939 год. Гитлер задумал напасть на Польшу после ряда захватов в Европе, удавшихся ему без применения силы, путём надувательства и шантажа. Дальнейшее продолжение таких захватов угрожало интересам Англии и Франции, и эти страны предоставили Польше гарантии, то есть обязались защищать её в случае нападения. Всё же Гитлер напал на Польшу 1 сентября 1939 года, рассчитывая на слабость и пассивность западных стран. Тем пришлось выполнить свои обязательства; так началась вторая мировая война. Гитлер боялся войны на два фронта. Он не посмел бы напасть на Польшу, если бы ожидал вступления в войну Советского Союза. Но ему удалось избежать этой опасности. Англия и Франция вели переговоры с Москвой с целью привлечь Россию к сопротивлению фашистской агрессии. Но они не доверяли Сталину, опасаясь, что он использует ситуацию, чтобы под видом помощи захватить соседние страны, и Польшу в том числе. Польское правительство не знало, какого врага ему больше бояться — с Запада или с Востока. Кроме того, после кровавых репрессий Сталина, разгромившего командование Красной Армии, английские и французские военные специалисты не принимали её всерьёз как боевую силу. По этим причинам западные державы затянули переговоры о союзе с Россией. И тогда Сталин, боявшийся Гитлера и не веривший в намерения западных стран, начал тайные переговоры с германским диктатором. В августе 1939 года Сталин заключил с Гитлером пакт о "ненападении". В секретном протоколе к этому пакту предусматривался раздел Польши: западная часть её предоставлялась Германии, а восточная должна была отойти к Советскому Союзу. Поэтому Гитлер не боялся войны на два фронта, нападая на Польшу: когда поляки отчаянно сопротивлялись, Сталин нанёс им удар в спину, захватив свою часть добычи. Так совершился пятый раздел Польши.

Чувства поляков к России, впрочем, установились и до этого раздела, потому что она была участницей и руководящей силой четырёх предыдущих. В конце XVIII века Польша перестала суще-

ствовать как самостоятельное государство и была разделена между Пруссией, Австрией и Россией. Русской части Польши, названной "царством Польским", было навязано несколько смягчённое самодержавие. В 1831 году поляки восстали против русской власти. Восстание было подавлено, и Польша потеряла все остатки своих вольностей. Началась принудительная "русификация", гонения на польский язык и культуру. В 1863 году поляки снова восстали. Царские войска затопили восстание кровью. У поляков не было никакой надежды изменить своё положение мирным путём. Польша вернула себе независимость, когда Германия и Россия ослабили друг друга в первой мировой войне — в 1918 году. Польша превратилась в непрочное, раздираемое противоречиями, но всё же независимое от иностранной власти государство. И вот в 1939 году она снова была разделена.

Германия захватила западную и центральную часть Польши, где жила большая часть польского народа. Во власти Гитлера оказалась столица Польши Варшава и важнейшие польские города — Краков, Познань, Лодзь, Гданьск. Последний из них (по-немецки Данциг) в прошлом долго принадлежал Германии, и немцы составляли значительную часть его населения. Притязания Гитлера на Данциг послужили ему поводом к войне. Гитлер не оставил полякам никакой самостоятельной жизни: они были попросту порабощены, превращены в рабочую силу немецкой военной машины. Западные области страны были присоединены к Германии, а остальная часть была превращена в "генерал-губернаторство" с немецкой администрацией. Для поляков была устроена варварская система управления, более жестокая, чем в оккупированных немцами странах Западной Европы. Согласно принятой в гитлеровской Германии расистской теории славяне считались людьми очень низкого сорта, и жизнь поляков не ставилась ни во что. Часть из них предполагалось онемечить, а большинство обратить в потомственное рабство или, за ненадобностью, истребить. Немедленному истреблению подлежали евреи, составлявшие значительную часть населения страны. Польская интеллигенция, вызывавшая у гитлеровцев особые опасения, расстреливалась без всякого предлога, в качестве предупредительной меры: таким образом хотели обезглавить польский народ.

Гитлер избрал Польшу в качестве испытательного полигона для своей машины умерщвления: на польской земле были устроены гигантские лагеря уничтожения, куда вывозили обречённых из всех стран Европы. Это были евреи и цыгане, осуждённые на смерть за

своё происхождение, участники антифашистского сопротивления, коммунисты, социалисты и либералы, а также советские военнопленные, которых Гитлер исключил из международного права. В лагерях были газовые камеры, где евреев регулярно удушали ядовитым газом, насколько это позволяла производительность “душегубок”. В камеры шли также “нарушители режима”, продолжавшие и в лагере сопротивляться. Остальное население лагерей должно было умереть голодной смертью, отдав немецкому Рейху остаток своих сил. Ежедневно сжигали тысячи трупов; для этого были построены крематории, где работали команды заключённых. Время от времени эти команды сменяли, отправляя отработавшую смену в печь. Одежду и вещи смертников сортировали и аккуратно хранили. Отрезали волосы для матрацев, вырывали золотые зубы, из остатков человеческого жира пробовали делать мыло. На живых узниках ставили самые невероятные опыты; этим занимались гитлеровские учёные и врачи. Охрана лагерей и команды палачей состояли из эсэсовцев и украинских националистов. Самый крупный лагерь был около Освенцима; дым от крематориев закрывал в этом городе небо, и запах сожжённых трупов был частью повседневной жизни. В Польше всё знали. Попасть в лагерь можно было за малейшее нарушение немецкого режима, в качестве заложника за действия других или просто по прихоти какой-нибудь немецкой власти. Нетрудно понять, какой жизнью жил в это время польский народ. В немецких лагерях погибло больше шести миллионов польских граждан, то есть пятая часть населения страны.

В этих условиях возникло польское Сопротивление. В нем участвовали десятки тысяч людей, ежедневно рисковавших жизнью. В оккупированной Польше, где миллионы людей пытались выжить в условиях голода и террора, борцы Сопротивления не рассчитывали на личное спасение. Война шла от поражения к поражению; казалось, над Европой сгущалась бесконечная тьма. Поляки шли на смерть во имя идеи отечества, ставшей уже почти абстрактной; в Польше всегда находились люди, не жалевшие своей крови ради абстрактных идей, и во время оккупации обнаружилось, что польская традиция жертвенности и героизма по-прежнему сильна. Польша покрылась сетью конспиративных боевых организаций, считавших себя продолжением польской армии, принявших военную структуру и подчинявшихся эмиграционному правительству в Лондоне. Так, сразу же после поражения, возникла “Армия Крайова” (“Национальная Армия”). Костяк её составляли избежавшие плена польские офицеры; в этом была её сила и слабость. Слабость была в том, что

офицеры приносили с собой в Сопротивление характерные черты касты, к которой принадлежали: консерватизм, слепое повиновение приказам, нередко — барские привычки. Трудно было найти более храбрых людей, но они совершили много ошибок. Национального единства достигнуть не удалось. В польском Сопротивлении оказалось много людей, для которых "Армия Крайова" была слишком правой: даже в оккупации продолжалась политическая борьба. Дальше мы увидим, как этим воспользовался Сталин.

В восточной части Польши водворилась сталинская машина террора. Для захвата этих территорий не было никакого приличного предлога, никакой видимости права. И вот советская пропаганда вдруг забыла свою доктрину "пролетарского интернационализма" и заимствовала у фашистов новый для неё язык. Дело в том, что восточную Польшу населяли украинцы и белорусы. Многие из них придерживались своей национальной идеологии, но одни лишь коммунисты желали соединения с Россией. Поскольку в Советском Союзе тоже жили украинцы и белорусы, было объявлено, что они — наши "единокровные братья", что "панская Польша" втянула их в свою авантюру и бросила на произвол судьбы, а потому их надо спасти, присоединив к одноимённым республикам Советского Союза (спасать поляков не считалось нужным, вероятно, потому, что у них чужая кровь!). Так в марксистскую фразеологию была введена гитлеровская "магия крови".

Военная защита захваченных областей была поставлена из рук вон плохо, что впоследствии облегчило Гитлеру его задачу. Зато весьма энергично действовало воинство Берия, вездесущий аппарат НКВД. Захваченные территории прочёсывались в поисках "потенциального врага". Сотни тысяч людей были согнаны в лагеря, посажены в теплушки и вывезены в Сибирь и Среднюю Азию: хватали всех, кто занимал какое-то место в жизни польского государства, проявил какую-нибудь активность, всё равно в каком направлении, или просто что-нибудь имел. Относительной гарантией благонадёжности была безграмотность, пассивность и наёмный труд. Польские коммунисты, восторженно встретившие своих "освободителей", были почти все истреблены. Евреи, бежавшие от Гитлера на Восток, тоже не внушали доверия и высылались в дебри Сибири. Советские чиновники, имевшие доступ в оккупированную зону, как саранча набросились на польские города. После пролетарского оскудения они купались здесь в буржуазном изобилии: самые бедные области Польши были для них богаты. Мародёрство не наказывалось, честные большевики давно сгнили в братских могилах.

Особую проблему составляли пленные польские офицеры. Большею частью это были мобилизованные в армию интеллигенты, элита польского народа и возможная основа его будущего возрождения. Чтобы не допустить этого возрождения, их надо было истребить. Сталин приказал собрать их в отдельные лагеря, и в марте 1940 года десятки тысяч польских офицеров были расстреляны в Катыни, близ Смоленска. Уцелели немногие, попавшие в общие лагеря; будущей польской армией командовали люди, которых Сталин не успел расстрелять.

В таком положении Польша встретила германо-советскую войну. Война эта была для поляков одновременно бедствием и надеждой. Бедствием потому, что война должна была прокатиться по истерзанной польской земле, потому, что война означала для них принудительный труд, насильственную отправку на работы в Германию и усиление террора. Надеждой потому, что Советский Союз воевал теперь на стороне западных демократий и можно было верить, что Польша, ради которой они начали войну, после мирного урегулирования вернёт себе независимое существование. Мы увидим дальше, как была обманута эта вера.

Поляки могли понять, что нападение Гитлера было несчастьем для русского народа. Поляки могли отделить русский народ от сталинской системы правления, как прежде лучшие из польских мыслителей умели отделить его от царского самодержавия. Это было нелегко, потому что не каждый может быть мыслителем, и спокойное мышление трудно даётся в час национальной катастрофы. Но были вещи, которых поляки понять не могли, пока не испытали на себе безумия сталинского террора. Поляки считали, что в смертельной опасности Россия должна забыть свои прежние захватнические планы, своё прежнее недоверие и протянуть руку своим союзникам в борьбе против общего врага. Поляки рассчитывали на некоторую лояльность, без которой нельзя вместе вести войну. Эти заблуждения можно объяснить естественной установкой приписывать другому человеку свои собственные мысли и побуждения. Но Россия не была этим "другим человеком", ибо Россия к тому времени не имела уже ни голоса, ни лица. В России всё решал Сталин, и критерии западной политической мысли не могли объяснить его поведения. Был ли Сталин сумасшедшим, представляет лишь академический интерес. В описываемое время он был, вероятно, не более сумасшедшим, чем все известные из истории тираны. Сталин жил не в реальном мире, а в мире своих собственных представлений, связанном с реальностью параноидальной психикой отщепен-

ца. У него никогда не было друзей, ему всюду виделись враги. И, как все тираны, он не выносил никаких иных, даже близких позиций и точек зрения, видя в них коварные козни, направленные против него. В 1938 году Сталин распустил польскую коммунистическую партию, обвинив её в троцкизме, и уничтожил почти всех польских коммунистов, бывших в пределах досягаемости. К началу войны с Германией в Польше не осталось организованной силы, на которую он мог бы опереться. Срочно собрав уцелевших в Советском Союзе польских коммунистов, он забросил по воздуху в оккупированную немцами Польшу организаторов коммунистического подполья. Почти все они погибли, но сделали своё дело. Новотко и Фидлер, именами которых названы теперь многие польские улицы и заводы, были из этих недобитых Сталиным коммунистов. В Польше начало развиваться коммунистическое подполье, создавшее свою вооружённую силу — "Армию Людову" ("Народную Армию"). По отношению к "Армии Крайовой" она составляла меньшинство; в неё вошли искренние коммунисты и сочувствовавшие им левые, ставившие "классовые" задачи на первый план и подозрительно относившиеся к "правому" подполью. Разумнее было бы отложить политические счёты до конца войны, но здесь Сталин мог использовать наследие социальной несправедливости, угнетавшей довоенную Польшу, и традиционную преданность коммунистов, всё ещё смотревших с надеждой на Москву.

Из коммунистического подполья вышли новые люди, не подосланные советским аппаратом. К их числу принадлежал Гомулка, начавший этим свою политическую карьеру.

Между "правым" и "левым" подпольем установились отношения недоверия и вражды. "Аковцы"[1] считали "людовцев" агентами Москвы, "людовцы" подозревали "аковцев" в защите своих классовых интересов даже ценой соглашения с врагом. Ни те, ни другие не понимали, что им предстоит. Аковцы ожидали, что Сталин выполнит соглашения с союзниками, заключённые в 1941 году. По этим соглашениям раздел Польши, совершенный в 1939 году, объявлялся недействительным, и за нею вновь признавался государственный суверенитет. Под давлением англичан Сталин установил дипломатические отношения с лондонским правительством, и в Советском Союзе начала создаваться польская армия. Её командующий, генерал Андерс, был извлечён из лагеря вместе с другими уцелевшими польскими офицерами. Предполагалось, что эта армия будет сра-

[1]От АК — Армия Крайова. *Прим. автора*

жаться с немцами на восточном фронте; англичане и американцы поставляли ей оружие и снаряжение. Но скоро обнаружилось, что Сталин не доверяет полякам и не хочет использовать польскую армию в виде самостоятельной оперативной единицы, как это делается обычно с войсками союзных наций. Он хотел разделить эту армию на части и растворить их в советских подразделениях, что было оскорбительно для поляков и неприемлемо с точки зрения польских интересов. Польское правительство и командование польской армии защищали интересы независимого польского государства, которого Сталин не хотел. Кроме того, можно понять чувства польских офицеров по отношению к их недавним палачам. Кончилось тем, что под нажимом союзников армия Андерса была выведена через Иран на Ближний Восток; впоследствии она сражалась с немцами на итальянском фронте, понесла тяжёлые жертвы и покрыла себя славой.

Отношения Москвы с лондонским правительством резко ухудшились, и вскоре произошёл разрыв. В 1943 году польское правительство в Лондоне получило бесспорные доказательства преступления в Катыни. Глава правительства, генерал Сикорский, был честный патриот, но в интересах победы готов был пойти на тяжёлую сделку с совестью и промолчать о Катыни. Коллеги его думали иначе, и польское правительство потребовало расследования катынского дела. Сталин разыграл праведное негодование и порвал с лондонским правительством, обвинив его в сотрудничестве с врагом. Ему нетрудно было найти предлог, поскольку немцы захватили в начале войны архив смоленского НКВД, раскопали катынские могилы, и Геббельс обвинил русских в неслыханных зверствах, имея в руках объективные факты.

Порвав с лондонским правительством, Сталин начал создавать из польских беженцев новую польскую армию по собственному вкусу. В ней всем заправляли агенты НКВД, подготовленные для этой цели, и она должна была бороться не за независимость Польши, а за её порабощение; солдатам, конечно, говорили другое, и польские символы были сохранены. В том же сорок третьем году советские войска вступили на польскую территорию. За армией "освободителей" следовал второй эшелон, всё то же воинство НКВД, и за немецким террором последовал русский, на этот раз на всей польской земле. Прежде всего расправлялись с "лондонским" подпольем. Части "Армии Крайовой", наивно выходившие навстречу "союзникам", немедленно разоружались и отправлялись в лагеря, а командиры, по инструкции, расстреливались на месте. Как только об этом узнали в ещё не "освобождённых" польских районах, позиция "Армии

Крайовой" изменилась: в русских теперь видели врагов. В этой обстановке восстала Варшава.

Произошло это летом 1944 года, когда советские войска уже стояли на другом берегу Вислы, в немногих километрах от польской столицы. С военной точки зрения восстание могло бы сыграть важную роль, если бы было согласовано с советским наступлением на Варшаву. Но это было невозможно, потому что Сталин скрывал свои планы. Советская армия остановилась за Вислой и, по-видимому, готовилась к штурму Варшавы. "Армия Крайова" имела в Варшаве организованные силы и начала восстание, не дожидаясь советского наступления. Решение было принято в Лондоне, и нетрудно понять его мотивы. Главной целью польского правительства и командования "Армии Крайовой" было восстановление независимого польского государства. Ввиду неизбежного разгрома гитлеровской Германии главным врагом польской независимости был Советский Союз. Победоносное восстание в Варшаве могло поставить мир перед свершившимся фактом — польским временным правительством, вышедшим из Сопротивления. С таким фактом Сталину пришлось бы считаться, и это усилило бы позиции западных союзников на послевоенных переговорах. Конечно, своими силами восставшие не могли устоять против немецкой армии, но они рассчитывали вызвать наступление советских войск, для которых восстание в тылу у немцев представляло неоценимое преимущество. Сталин этим преимуществом пренебрёг. Человеческие жертвы — и с советской, и с польской стороны — были ему безразличны. Он хладнокровно выждал, пока немцы подавили восстание, и ничего не сделал, чтобы ему помочь. Более того, он саботировал попытки американцев и англичан сбросить варшавянам оружие и боеприпасы: не разрешил их самолётам посадку за линией советского фронта. Из-за этого самолёты союзников должны были летать без посадки через всю Германию и обратно, что было на пределе технических возможностей тогдашней авиации. Варшавяне не получили почти ничего. Под конец восстания советские самолёты тоже сбросили для вида кое-какие грузы, но они почти все попали в руки врага — случайно или нет? Повстанцы сопротивлялись, сколько могли, даже после того как район восстания был расчленён на изолированные части. Они сообщались между собой по линиям городской канализации. Наконец, командующий восстанием, генерал Бур-Комаровский, сдался с остатками своих частей. Немцы выселили всё население Варшавы. Ко времени вступления советских войск Варшава дважды испытала немецкую осаду — в первый раз в 1939 году. От центра города оста-

лись одни руины. Но Сталин добился своего: на развалинах столицы подняли польский флаг не бойцы “Армии Крайовой”, а подготовленные для этой операции, нарочно отобранные поляки. Ещё раньше он устроил в Люблине правительство для Польши из этих людей. Возглавил его никому до того не известный Берут — по-видимому, человек НКВД.

Итак, к моменту окончания войны Польша имела два правительства. Эмиграционное правительство в Лондоне считало себя законным преемником правительства довоенной Речи Посполитой (республики). В эмиграции власть передавалась с соблюдением юридических формальностей, и из деятелей довоенных политических партий было сформировано совещательное собрание, нечто вроде парламента в эмиграции. Это придавало лондонскому правительству вид конституционной власти. Его поддерживала не только “Армия Крайова”, но и большая часть населения страны. Вопреки утверждениям советской пропаганды, лондонское правительство не было английской или американской агентурой. Руководители польской эмиграции были люди разных взглядов и разного достоинства, но все убеждённые, даже фанатически непримиримые патриоты. Конечно, эмиграция поставила их в неизбежную зависимость от западных союзников, но эта зависимость была им тяжела. У них уже не было сильного лидера: генерал Сикорский погиб в авиационной катастрофе. А главное, реальная власть в Польше принадлежала Сталину, поскольку его армия оккупировала всю страну.

С другой стороны, люблинский “Комитет национального освобождения” состоял из тёмных, никому не известных личностей, якобы вышедших из антифашистского подполья. Всем было ясно, что это марионетки, которыми Сталин хочет воспользоваться, чтобы управлять Польшей по своему усмотрению. С ними не хотели сотрудничать ни лондонские политики, ни уцелевшие политические силы внутри страны, и лишь немногие некритически ориентированные на Москву коммунисты готовы были их поддержать. А так как западный мир не принимал этих людей всерьёз, то у них был поистине жалкий политический кредит. Но они были выдвинуты Сталиным, имевшим над Польшей реальную власть, и этот факт невозможно было изменить.

Однако западные союзники не хотели мириться с этим фактом.

Польский вопрос почти непрерывно обсуждался во время войны, и о нем никак не удавалось договориться. Даже в самые мрачные дни войны Сталин не хотел уступить ни пяди польской земли, полученной им от Гитлера по бесчестному дележу. Да ему и неза-

чем было уступать её: союзники всё равно должны были воевать с Германией и помогать советской России — в собственных интересах. Во время встреч "на высшем уровне" в Тегеране в 1943 году и Ялте в 1944-ом военная обстановка уже прояснилась, и союзники попытались нажать на "дядю Джо". Правда, Рузвельт не очень понимал, что представляет собой советский диктатор, и надеялся найти с ним общий язык, постепенно разъясняя ему долговременные интересы России. Но Черчилль, разгадавший к тому времени некоторые черты кремлёвского владыки, понимал, что Сталина может остановить только сила. И всё же союзники помнили, что война началась из-за Польши, и считали независимость Польши важной гарантией безопасности в Европе. В Ялте им удалось добиться от Сталина некоторых обещаний. Он обещал включить в люблинское правительство, переехавшее вслед за советским фронтом в Варшаву, нескольких представителей "лондонских" поляков и обещал провести в Польше свободные выборы. Впрочем, он обещал это и для других оккупированных стран, и по поводу этих обещаний ни у кого не было иллюзий. Но союзники рассчитывали, что политическая обстановка в послевоенной Польше не позволит Сталину навязать ей "советский" режим: предстояла оккупация ряда стран Восточной Европы, население которых было враждебно России, Польша лежала непосредственно в тылу ещё более враждебной "восточной зоны" Германии, между тем как советская армия была обессилена долгой войной, а советская экономика была на грани истощения. Очевидный политический расчёт должен был подсказать Сталину некоторые уступки, чтобы избежать в Польше гражданской войны. Мы увидим, как Сталин всё это рассчитал. Он вызвал в Польше войну, подготовил почву для мятежа в "восточной зоне", а разорением России пренебрёг. В польском вопросе разумный политический расчёт ещё раз (который раз уже!) столкнулся с примитивной силой безумия. Можно ли думать, что это больше не повторится?

Впрочем, позиция союзников в этих переговорах зависела и от других соображений. Война ещё продолжалась, и если было уже маловероятно, что Сталин заключит с Гитлером сепаратный мир, то от него зависело замедлить наступательные операции и затянуть войну; наконец, оставалась Япония, и со Сталиным нельзя было рассориться, потому что требовалось его участие в дальневосточной войне. Надо было сначала выиграть войну, а потом уже спасать Европу от русского нашествия.

Война близилась к концу, и союзники настаивали на выполнении соглашений. Сталин не отказывался выполнять их, но не выполнял;

он без конца затягивал переговоры, чтобы выиграть время. Польша была в его руках, и он принялся прочёсывать и организовывать её теми же методами, как всегда. Ему надо было обескровить и обесцветить её, подавить в ней всякую волю к сопротивлению, а затем уже разыграть комедию выполнения ялтинских соглашений. Наконец, лондонские поляки были приглашены. В “люблинское” правительство было включено несколько министров, представлявших умеренные политические течения, и деятель крестьянской партии Миколайчик стал заместителем премьера.

Очень скоро обнаружилось, что “лондонские” министры могли контролировать лишь собственные кабинеты. Всякая попытка вмешаться в дела управления сталкивала их с налаженной машиной надувательства и террора. Всё это называлось Польшей, сохранялось знамя, сохранялся польский орёл, сохранялись даже законы республики, но за этими фикциями стояла реальная власть Москвы. Советский маршал Рокоссовский, поляк по происхождению, был переведён в польское гражданство и командовал Войском Польским. Все ключевые посты в администрации заняли поляки, подготовленные и проверенные аппаратом Берии. Конечно, и в Польше был создан такой аппарат, и во главе его Берия поставил своих людей. “Армия Крайова” и другие организации сопротивления были объявлены иностранной агентурой, сотрудничавшей с врагом. Люди некоммунистического подполья были исключены из общественной жизни, а те из активных деятелей, кого ещё не успели расстрелять, ждали своей очереди за колючей проволокой новых лагерей. Самые энергичные, впрочем, ушли “до лясу” (в лес) и снова начали партизанскую войну, на этот раз против русских оккупантов и их польских “сторонников”. “Сторонники” эти были в большинстве польские рабочие и крестьяне, мобилизованные в армию, и полицейские силы режима. Часть из них искренне поддерживала этот режим, перенося на возникшую ситуацию традиционные концепции классовой борьбы: это были коммунисты и сочувствовавшие им люди левой ориентации. Должно было пройти время, чтобы эти люди поняли, какой станет новая Польша и каков будет её “правящий класс”.

В Польше шла гражданская война, и длилась она четыре года: последние очаги вооружённого сопротивления были подавлены в 1949 году. Разумеется, исход этой войны был решён советской оккупацией.

“Лондонские” министры вскоре были вытеснены из правительства, и Польша приняла обычные черты “народной демократии”. Прежде всего была организована “правящая партия”. Как уже гово-

рилось, подлинную коммунистическую партию Польши Сталин распустил в 1938 году, так как она была недостаточно покорна ему. В 1942 году взамен её была создана ППР ("Польская рабочая партия"), в которую вошли многие старые коммунисты и сочувствовавшие им левые. Одним из таких сочувствовавших был и Гомулка, ранее работавший в профсоюзах (если верить его официальной биографии). Таким образом, хотя ППР была основана по приказу из Москвы заброшенными по воздуху людьми, в эту возрождённую коммунистическую партию вошли многие поляки, вовсе не считавшие себя орудием иностранной власти, а искренне верившие в идеи социальной справедливости и интернационализма. Они не понимали, что на родине Октябрьской революции эти идеи уже потерпели[1] поражение, сторонники их были расстреляны, а власть захватил провокатор с тёмным прошлым, возглавивший новый правящий класс — советскую бюрократию. Понять это было нелегко, потому что контрреволюция в России пользовалась революционным языком.

Вначале Сталину выгодно было использовать остатки левого энтузиазма. Он допустил даже на некоторые должности людей, в самом деле вышедших из подполья, а не из московских питомников НКВД. Энтузиасты должны были выполнить грязную работу — расправиться со всеми остатками "буржуазной" Речи Посполитой, а потом их можно было убрать. Трудно судить, был ли Гомулка когда-нибудь убеждённым коммунистом. Поскольку ему достался пост первого секретаря ППР, он был скорее всего с самого начала ловким игроком. Но он проиграл свою игру: вместе с другими "вышедшими из подполья" он был обвинён в "буржуазном национализме" и в 1948 году посажен в тюрьму. Ему нетрудно было понять, что его ждёт. В том же году остатки некогда сильной партии социалистов (ППС) были принудительно включены в ППР посредством "объединительного съезда", сформированная таким образом организация была названа "Польской Объединённой Рабочей Партией" (ПОРП). Так началась история этой "правящей партии" современной Польши. Согласно нынешней официальной истории ПОРП *в том же 1948 году* начались "бюрократические извращения" и "отклонения от принципов социализма". Таким образом, в "неизвращённом" виде ПОРП никогда не существовала: с самого своего возникновения она превратилась в бюрократическую машину того же рода, что и в Советском Союзе. Описание такой машины, пожалуй, излишне: её знают все. Чтобы сохранить видимость выполнения со-

[1] В тексте "понесли".

глашений, была устроена бутафорская “многопартийная система”: для крестьян была приготовлена “Крестьянская партия”, носившая имя действительно существовавшей до этого партии польских крестьян (“Стронництво Людове”), а для интеллигенции — Демократическая партия” (“Стронництво Демократычне”). По образцу Верховного Совета был устроен Сейм, где ПОРП имела, конечно, абсолютное большинство, но все партии всегда голосовали единогласно. Выборы устраивались так же, как у нас, и вообще неожиданности шли не снизу, а сверху. Рабочие были лишены всяких прав и загнаны в казённые профсоюзы. Крестьяне были загнаны в колхозы и совхозы. Органы безопасности занимались теми, кто не был в восторге от таких порядков.

Началось безумие “индустриализации”, бессмысленное лихорадочное строительство “тяжёлой индустрии”.

Теперь уже вся Польша была в лагере — в “лагере социализма”.

Вряд ли надо подробно описывать систему, навязанную Польше после войны. Система эта должна была подготовить страны Восточной Европы к полному лишению государственного существования — они должны были, как только позволит международная обстановка, превратиться в “республики” СССР. “Плебисциты” в Прибалтике и присоединение “единокровных братьев”, Западной Украины и Западной Белоруссии, не оставляли сомнения в том, как это должно произойти. Сталин не видел внутренних слабостей своей империи; он вообразил себя великим полководцем и стремился к её безграничному расширению. Страны Западной Европы поняли нависшую над ними угрозу, создали вместе с Соединёнными Штатами военный союз и решительно воспротивились попытке Сталина захватить Западный Берлин. Но Восточную Европу им пришлось оставить Москве: для защиты её не было ни физических, ни моральных сил. Таким образом, вторая мировая война, начатая для защиты Польши от гитлеровского господства, завершилась тем, что и Польша, и вся Восточная Европа оказались под властью другой тоталитарной диктатуры. Англичане, американцы и французы могли торжествовать победу, позабыв о *причинах* войны. Но поляки их забыть не могли.

---

3. Польский характер

Сталинская система просуществовала в Польше с конца войны до осени 1956 года. Она не достигла целей, поставленных диктатором, но вовсе не потому, что сменившие его правители России добровольно отказались от контроля над своей империей. Они постепенно теряли этот контроль по не зависевшим от них причинам. В Польше были силы, тормозившие и затруднявшие её советизацию.

Самой очевидной из этих сил — и единственной, сохранившей самостоятельную организацию — была католическая церковь. Польша была католической страной тысячу лет. Это наложило глубокий отпечаток на весь склад польского мироощущения. Апологеты православия обычно утверждают, что их религия глубже католической, больше связана с непосредственным религиозным переживанием, тогда как католическая более поверхностна, больше связана с внешним авторитетом, с ритуалом и механизмом церковной организации. Конечно, это неверно: здесь допускается неправомерное сравнение своего "хорошего" с чужим "плохим", причём "плохим" объявляется, естественно, то, чего своему недостаёт. Католическая церковь соединяет религиозную глубину с культурой и организацией, которых православию всегда не хватало. Сверх того, она всегда ревностно защищала свою независимость от любой светской власти, никогда не преклонялась перед нею, имея собственную власть в Риме. Вам может нравиться или не нравиться католическая культура и организация, но вы не можете ею пренебречь — в особенности в такой стране, как Польша, где очень долго не было своей государственности и церковь стала единственным хранителем национальной традиции. Большинство поляков отождествляет национальное чувство с религиозным, и это придаёт церкви особую силу. Отсюда вовсе не следует, что большинство поляков сохранило до нашего времени религиозный пыл и благочестие былых времён. Религиознее всего в Польше крестьяне, потому что в деревне в наибольшей степени сохранилась средневековая традиция семейной и общинной жизни, в которой церковные обряды были связующим началом, а священник — учителем и советчиком во всех трудных делах. Несмотря на значительное разложение этих отношений, польская деревня остаётся католической в своих привычках и в чувстве принадлежности к церкви, составляющем для польского крестьянина важный эле-

мент его самопонимания. Поскольку преследование церкви производилось теми же властями и в то же время, что и коллективизация, ясно, что церковь приобрела для крестьянина особое обаяние мученичества, и судьба церкви связалась в его представлении с его собственной судьбой. Можно сказать, что крестьяне в Польше не более религиозны в своих чувствах и мыслях, чем их предки, значительно менее религиозны в своей повседневной жизни, но составляют естественным образом крестьянскую католическую партию. И понятно, почему нынешние польские власти так отчаянно сопротивлялись возникновению этой партии под именем “независимого крестьянского профсоюза”.

В Польше городское мещанство[1] испытало в XIX веке те же культурные влияния, что и в других странах Европы, и в большинстве своём стало достаточно равнодушным к религии. Но после второй мировой войны, вследствие “коллективизации” и “индустриализации”, произошла массовая миграция крестьян из деревни в город, разбавившая рабочий класс крестьянским элементом. Поэтому в молодом поколении послевоенных рабочих — теперь старшем поколении — католические тенденции были достаточно сильны.

Наконец, польская интеллигенция всегда была разделена на “радикальный”, как правило, безбожный, и “консервативный”, как правило, католический, лагерь (в отличие от России, где вся интеллигенция была радикальной, а консервативная партия всегда была неинтеллигентной). Во время войны и после неё радикальная польская интеллигенция понесла большие потери. Католическая же интеллигенция, при всех её жертвах, продолжала воспроизводиться, потому что в Польше никогда не исчезало традиционное религиозное воспитание.

Таким образом, католическая церковь сохранила в Польше всё своё влияние. Она сохранила и свою *организацию*. Мы в России плохо представляем себе, что такое организованная церковь, потому что русская православная церковь унаследовала от Византии раболепие перед светской властью, со времён Петра Великого лишилась даже формальной автономии и подчинилась правительственному учреждению — Синоду. У католиков всё иначе. Католическая церковь исторически сложилась как независимая иерархическая система с единым центром — папской курией в Риме, и единым главой — Папой Римским, которого пожизненно избирают высшие сановники церкви изо всех стран мира — кардиналы. В средние века и даже в

[1] В тексте “Польское городское мещанство”.

новое время, до итальянской революции, существовало независимое папское государство, обширная область в Средней Италии со столицей в Риме. Лишь в 1870 году папское государство было упразднено, войдя в состав объединившейся Италии, но и после этого католическая церковь сохранила свой суверенитет над папской резиденцией, обширным Ватиканским дворцом с его окрестностями, где папские учреждения недоступны контролю светских властей. Католическая иерархия только выиграла в отношении организации и сплочённости, лишившись светских владений: священники и монахи, епископы, архиепископы и кардиналы не имеют личных интересов и личного имущества и неразрывно связаны с церковным аппаратом. Это единая армия, управляемая из Рима. Чем слабее бывало правительство какой-нибудь католической страны, тем большую роль играла в ней церковь. Между тем Польша всегда имела слабое правительство, даже во времена независимого королевства, поскольку Польша была единственной в своём роде феодальной республикой с выборным, ненаследственным королём, зависевшим от выбиравшего его дворянства, так называемой шляхты. При такой системе не было преемственности власти. Тем более не было её в послевоенной Польше, где правительство, чуждое подавляющей части народа, держалось лишь поддержкой советского оружия. Преемственность была у католической церкви. И с церковью приходилось считаться.

Другой силой, резко враждебной сталинскому режиму, было польское крестьянство. Его, конечно, загнали в колхозы и совхозы, но это была лишь видимость коллективизации. Крестьянин больше всех связан с индивидуальным, традиционным способом производства, он никогда не забывает своего клочка земли, с которым были неразрывно связаны его предки. Должно пройти несколько поколений, чтобы прервалась эта связь с землёй, как это произошло с Россией — и там, где это произошло, могут быть ещё люди, занимающиеся сельским хозяйством, но крестьянина уже нет. Между тем в Польше со времени насильственной коллективизации (1948—49 гг.) до крушения сталинского режима (1956 г.) прошло всего несколько лет. Отсюда видно, что в Польше не было наших “колхозников”, а были *крестьяне* в подлинном исторически сложившемся смысле этого слова. Мы говорили уже, как сильно было влияние в польской деревне католической церкви. Но там были и другие виды организации, возникшие в промежутке между войнами. В первые годы после восстановления независимой Польши (1918 г.) она была парламентской республикой, где могли легально существовать партии и

общественные организации. Даже после военного переворота, когда к власти пришли диктатор Пилсудский и его "полковники", всё же осталось достаточно места для некоммунистических организаций, поскольку режим должен был маневрировать, нуждаясь в поддержке и нейтралитете общественных сил. В польской деревне укрепилась Крестьянская партия, имевшая представительство в не особенно влиятельном, но сохранившем свою формальную роль польском парламенте — Сейме. Далее, в польской деревне ещё раньше утвердились различные виды взаимопомощи и кооперации. Этого не было, конечно, в части Польши, принадлежавшей России, но были и другие части, под властью Австрии и Германии, где кооперация, а также культурная и даже политическая организация крестьянства не были запрещены. Несколько поколений польской интеллигенции шли "в народ", чтобы помочь крестьянам преодолеть вековую темноту, развить их инициативу в борьбе с бедностью и бесправием. Об этих польских народниках рассказал классик польской литературы Жеромский. У нас в России народники были вытеснены так называемой "революционной демократией". Это была часть интеллигенции, возлагавшая надежды на быстрые насильственные формы политического переустройства — революцию и террор. С психологической стороны — это верно в отношении большинства, если и не всех представителей радикальной интеллигенции — революционное движение было движением нетерпеливых. У народников, напротив, было терпение. Они не верили в быстрые, управляемые сверху перемены, в искусственные, насаждаемые властью или внешним попечительством формы объединения крестьян. Они верили в "органическую" работу, в медленное развитие сельских объединений, в котором лишь первоначальные стимулы и вспомогательные средства могут прийти извне, из города, а в дальнейшем всё движение должно перейти в руки крестьян, стать добровольным, демократическим процессом общественного самоуправления и самовоспитания. В нынешней атмосфере неверия и цинизма эти надежды могут показаться наивными. Но для нашего рассказа важно не то, верит ли им читатель; важно, что "органической" работе в деревне отдали свою жизнь поколения польских интеллигентов — учителей, врачей, агрономов. И работа их не прошла бесследно. Польскому крестьянству были привиты некоторые навыки кооперативной и социальной организации. И когда прежние "органические" виды крестьянского объединения и самоуправления были заменены фиктивными, бюрократическими, вроде наших сельсоветов, колхозов или комсомола, польские крестьяне могли оценить, чего они лишились: у них был

уже некоторый опыт общественной жизни. Конечно, мы очень далеки от какой-либо идеализации польского крестьянства. Оно не лучше и не хуже, чем может быть по своей истории и условиям своего существования. Зародыши общественной жизни, воспитанные в польской деревне жертвенной работой интеллигенции и лучших людей крестьянской среды, часто теряются на фоне худших крестьянских традиций — узкого собственнического подхода, инертного отношения ко всем переменам и просто темноты, невежества и культурной отсталости, с которыми не справились ни народники-энтузиасты, ни тем более герои коллективизации. Церковное влияние тоже неоднозначно. Оно сохраняет, конечно, в польской деревне остатки честности и моральной ответственности, поддерживает семью, трудолюбие и любовь к земле. Но, с другой стороны, церковная опека не даёт крестьянину стать независимой личностью, выделиться из общины и превратиться в самостоятельного человека. Церковь не является формой объединения самостоятельных людей: пастыри предполагают стадо.

Решающей силой, определившей весь ход событий в Польше и непосредственно вызвавшей падение сталинского режима в Польше, был польский рабочий класс. Важно отдать себе отчёт в том, насколько и чем этот рабочий класс отличается от рабочего населения нынешней России. Прежде всего, у польских рабочих *не столь долгий* опыт рабства и страха. Вот несложный хронологический расчёт, объясняющий, в чём тут дело. Представим себе польского рабочего, которому в 1939 году — в год порабощения Польши, германской и советской оккупации — было 25 лет. Этот рабочий вырос в условиях относительной профессиональной (и даже политической) свободы. Несмотря на режим "санации" ("оздоровления", как демагогически называла свою власть военная клика), в довоенной Польше существовали профсоюзы и политические партии, легальные и нелегальные, в зависимости от их направления и методов действия. Весьма вероятно, что наш молодой рабочий был связан с одной из профессиональных организаций на своём предприятии и, во всяком случае, хорошо знал, что он не беззащитен перед своим работодателем, что у него есть испытанное оружие для защиты своих интересов — забастовка. Он не только слышал об этом, но, возможно, участвовал в забастовках. Таким образом, у него был некоторый опыт организации и добровольной дисциплины. Да и вообще у него был опыт жизни относительно свободной, когда высказанное мнение не обязательно приводит в тюрьму и сопротивление угнетению и унижению не обязательно наказывается смертью. Как бы ни бы-

ла узка гражданская свобода в довоенной Польше, по сравнению с послевоенной в ней было *много* свободы! Затем наступают годы войны и террора, когда наш молодой рабочий, сцепив зубы, выносит всё, что ему пришлось вынести, и работает, чтобы жить. В 1956 году, в момент познанского мятежа, ему *42 года.* Таким образом, самое ядро польского рабочего класса, поднявшегося против сталинского режима, самая зрелая, квалифицированная и энергичная часть его состояла из людей, имевших личный и коллективный опыт более свободной жизни и борьбы за свои права. События в Познани приводят к падению режима сталинских марионеток. При Гомулке жизнь становится свободнее — за мысли и слова *не сажают.* Правда, рабочих удаётся надуть патриотической фразеологией, Гомулка распускает колхозы, замедляет темп "индустриализации", и жизнь становится более сносной. Но неизбежные законы "социализма" заводят польское общество в тупик. В 1968 году на этот политический и моральный тупик бурно реагируют самые чуткие элементы народа — творческая интеллигенция и студенческая молодёжь. Рабочий класс не поддерживает их, даже поддаётся демагогическим трюкам Гомулки. Увы, он более чувствителен к "базису", чем к "надстройке"! Но вот перед новым 1971 годом "базис" социалистического общества преподносит полякам рождественский подарок — общее повышение цен. И тогда происходит мятеж на Побережье — в Гданьске, Щецине и Гдыне. Гомулка приказывает стрелять в рабочих. Войска госбезопасности стреляют, но оказывается, что на армию нельзя положиться. Гомулка теряет власть. Приходит Герек — снова с покаянием, снова с "обновлением". Но уже в 1976 году происходит мятеж "в Радоме", а в действительности — демонстрации рабочих по всей Польше против объявленного Гереком повышения цен. В Радоме были самые бурные события — взяли штурмом ненавистные отделения милиции и партийные учреждения. Герек удержался, отменив повышение. Он попытался повысить цены на мясо в 1980 году, и это кончилось революцией. Итак, 1956, 1968, 1970, 1976, 1980! Польский рабочий имеет возможность передать свой опыт, свои чувства младшему поколению. А это младшее поколение растёт при Гомулке и Гереке, не всегда в сытости, но уже без прежнего страха. Это поколение, выросшее при *беспосадочном* социализме. Не сажают за разговоры, не глушат радио, свободно ездят за границу. Таким образом, бытие польского рабочего определяет его сознание.

(Здесь уместно грустное сравнение. Русскому рабочему, которому в 1917 году было 25 лет, сейчас было бы 88. Его уже нет в живых.

Потомство его выросло в безмолвии и страхе. Поэтому мы не можем рассчитывать на успех, следуя польским образцам. Всё же многому можно у поляков поучиться.)

Наконец, надо представить себе польскую интеллигенцию. Она тоже очень мешала установлению и укреплению сталинского режима. Мы уже упоминали об особом виде интеллигенции, не имевшем аналога в истории России, — о католической интеллигенции, для которой пришлось даже создать особую псевдопартию — Стронництво Демократычне. Была речь и о польских народниках, похожих на русских народников умеренного направления — земских деятелей, сельских учителей и врачей. Однако большая часть польской интеллигенции была настроена радикально и примыкала к одной из существовавших в довоенной Польше политических партий. Были и правые, националисты и консерваторы, хотя по-русски их интеллигентами и не назовёшь. Эта часть польской интеллигенции в значительном большинстве погибла во время войны и обеих оккупаций или оказалась в эмиграции. Демократически настроенная интеллигенция держалась левой ориентации. Если не считать коммунистического меньшинства, судьба которого уже описана выше, польские интеллигенты были в основном либералы и социалисты. Главное отличие польской радикальной интеллигенции от русской — её психологическая установка. Русский интеллигент не ценил свою индивидуальность. Если он был малокультурен, слишком близок к своим крестьянским или мещанским предкам, к семье священника и духовной семинарии, откуда он вышел, он присоединялся обычно к какому-нибудь сложившемуся общественному направлению, слепо разделяя его программные догмы, вкладывая в коллективную деятельность свою наивную, невыработанную личность. Если же русский интеллигент обладал более развитой личностью, то он часто считал себя обязанным принести её в жертву принятой доктрине. Итак, русский радикальный интеллигент был по преимуществу коллективист. По сравнению с ним польский радикальный интеллигент всегда был индивидуалистом. Здесь сказалось, безусловно, шляхетская традиция. Шляхта в Польше была весьма многочисленна — несколько сот тысяч — и в подавляющем большинстве бедна. Только она и пользовалась в польском королевстве гражданскими правами, была "политической нацией". Крестьяне и ремесленники не участвовали в политической жизни, рассматривались как "быдло", нечто вроде рабочего скота. И очень слабо было в Польше "третье сословие", буржуазия. Для решения государственных дел — например, для выбора короля или объявления войны — созывался Сейм, собра-

ние представителей шляхты. Съезжалась многочисленная толпа, от всесильных магнатов до полунищих и безземельных, едва способных прилично одеться. И было на польских сеймах право вето: его мог наложить любой шляхтич, выкрикнув традиционный запрет: “Не позва́лям!” (“Не разрешаю!”). При несогласии сеймы делились на враждующие части — “конфедерации”, и спор завершался гражданской войной. Такая конституция не содействовала прочности польского государства. Она привела его к гибели. Но чувство независимости, готовность постоять силой оружия за своё мнение всегда были неотъемлемыми чертами польской шляхты. Русское дворянство, в основном служилое, этими чертами не отличалось, да и родовое дворянство не выбирало царей, а гнуло перед ними спину. Шляхта с её глубоко укоренившимся, даже болезненным чувством чести, с её воинственными воспоминаниями и неистовым патриотизмом была одним из главных источников польской культуры и польской интеллигенции, наложила на неё свой отпечаток. Нынешние польские интеллигенты, сохранившие эту традицию, понимают её слабые стороны. Они стараются действовать обдуманно и рационально, обуздывают свои увлечения, всю романтическую сторону своей натуры; они пытаются подражать буржуазной деловитости своих западных коллег. Во многом они преуспели. В нынешней трудной ситуации польские интеллигенты проявляют трезвый расчёт, разумный политический подход. Они знают, что политика — “искусство возможного”. Но в основе своей это всё та же польская интеллигенция, с её жгучей ненавистью к унижению. Ни репрессии сталинского режима, ни воровская система Гомулки и Герека не сломили польского интеллигента. При первой возможности дух его распрямляется, как пружина, он стряхивает с себя свои оковы. Эти свойства уцелели не только в польской интеллигенции, они сохранились и во всей массе польского народа. Как бы ни развивались дальше польские события, Польша дала нам великий урок.

Мы описали главные черты польского общества, сделавшие его столь неподходящей почвой для сталинского режима. Общественными силами, враждебными этому режиму и сопротивлявшимися ему, сознательно или бессознательно, были католическая церковь, крестьянство, рабочий класс и интеллигенция. Психологическая установка в Польше всегда была иная, чем у нас. Там лишь небольшое меньшинство населения объясняет трудности жизни “отдельными недостатками” в работе системы. Большая часть населения сознательно отвергает всю систему в целом, не ждёт от неё ничего хорошего, понимает возможность другой системы — той, кото-

рую у нас называют “капитализмом”, а на Западе — “системой частной инициативы”. Это не обязательно означает, что польский народ хочет восстановления довоенной системы власти или ей подобной. Он вряд ли задумывается так глубоко, а просто хочет иметь экономическую систему, которая “работает”, обеспечивает элементарные условия существования. “Социалистическая” система очевидным образом “не работает”, не эффективна и расточительна. Для простого человека этот вопрос предшествует всякой философии и идеологии. (Для марксиста — тоже, если он понимает свою доктрину.) Итак, поляки не были и не являются народом мыслителей и борцов, не изобрели и не знают никакой новой философии для человека. Они попросту хотят жить.

Партийные и государственные кадры не составляют в этом отношении исключения. Они хотят, конечно, жить за счёт чужого труда, но прежде всего они хотят жить. По этой причине они тоже не вполне поддерживали и даже кое в чём саботировали сталинский режим в Польше, к которому мы сейчас вернёмся. Дело в том, что при таком режиме ни один человек не мог быть уверен не только в своей должности, но и в своём существовании. Призрачные сцепления идей в голове диктатора приводят к периодическим судорогам террора, охватывающим всю страну. В этих сюрреалистических условиях сколь угодно важный чинуша, наслаждающийся весь день отведённой ему властью и воровскими привилегиями, по ночам ждёт стука в дверь, означающего его “физическую ликвидацию”. Аппарат хочет спокойно переваривать свою добычу. Энтузиасты ушли в лагеря, сделав своё дело, и на всех местах остались люди вроде Берута, желавшие прежде всего остаться в живых. Поэтому они пассивно сопротивлялись непрерывному потоку безумной деятельности, исходившему из Москвы. Так было везде, даже в самой Москве. Конечно, страшно было не выполнить указания, но страшно было и выполнить их. Лучше всего было делать вид, что указания выполняются, и тем временем “спускать на тормозах”. В Польше, как и у нас, были “процессы”, приговоры и расстрелы. Но вот очень долго Берут не “судил” Гомулку, держал его в тюрьме, но не “судил”, и на неоднократные напоминания из Москвы врал, будто Гомулка болен, при смерти… Почему это? Никак нельзя поверить, чтобы человек вроде Берута хотел спасти Гомулку с риском для себя; скорее всего он хотел спасти себя с риском для кого угодно. Зная повадки Сталина, можно предполагать, что на “процессе” Гомулки “выяснились” бы “улики” против других, кто работал с Гомулкой, подписывал с ним документы и т. д. Естественно, Берут и

его коллеги тормозили вращение мясорубки, потому что не хотели в неё попасть. Гомулке повезло: Сталин умер, и он остался жив. На следующем этапе эволюции режима пришлось воспользоваться бывшими узниками, престиж которых состоял в том, что их держали в тюрьме и пытали их товарищи по партии. Так появились Гомулка, Кадар и Гусак.

Это лишь наиболее яркий пример того процесса “торможения”, который возникает в сложившемся аппарате и имеет целью самосохранение этого аппарата. Здесь нет ничего специфического для Польши, так же обстояло дело и у нас. Без этого явления нельзя понять обстоятельства последних лет жизни Сталина и его смерти. Разница была в том, что Сталин встретился, по существу, *с одним только* сопротивлением аппарата. Народ был доведён до повиновения, не оставлявшего желать лучшего, и мечта диктатора разбилась о кибернетический запрет, не дозволявший желательную ему систему власти, — сопротивление аппарата было попросту законом природы. Тираны всех времён разбивались об этот закон — увы, натворив перед этим много дел.

В Польше было, сверх того, сопротивление народа. Едва наметилось после смерти Сталина ослабление террора, как пружина начала распрямляться. По-видимому, первой усилила сопротивление церковь, лучше всех осведомлённая и организованная сила. Примечательно, что примас польской церкви кардинал Вышиньский был арестован в *сентябре 1953 г.*, через полгода после смерти Сталина. Напряжение в стране нарастало, и даже внутри партийного аппарата чувствовалось приближение катастрофы. В июне 1956 г. восстали рабочие Познани. Гнев их был направлен в особенности против сотрудников госбезопасности, и теперь вызывающих в Польше сильные чувства. Их избивали, а некоторые были убиты. Мятеж был подавлен, войска стреляли в рабочих. 75 человек были убиты, ранено свыше 500. Но в аппарате чувствовали, что это лишь начало неизбежного процесса, который силой задержать нельзя. Прямая поддержка Москвы могла бы ускорить общий взрыв, а в этом польские аппаратчики уже тогда не были заинтересованы. Если восстание будет подавлено оккупационными войсками, то русские, конечно, перестроят весь аппарат, и от уже сложившейся системы мало что останется, а деятели этой системы смогут поразмыслить о своих ошибках в камерах МГБ под Москвой. Бесцеремонность, с которой Москва устраняет отслужившие свой срок орудия, позволяет понять очень осторожное отношение польского руководства к перспективе “братской помощи” с Востока — и прежде, и теперь.

Давление снизу привело к перестройке аппарата. Гомулка был освобождён из тюрьмы и восстановлен в должности первого секретаря. “Мученик” сталинского режима должен был провести “обновление” партии и государства, сохранив по возможности структуру власти и привилегии партийных бюрократов. Поскольку утвердивший это пленум ЦК произошёл в октябре 1956 года, первое польское “обновление” стало называться “польским октябрём”.

---

4. Механизм растления

Что принёс Польше этот "октябрьский переворот"? Прежде всего, это был переворот *сверху*, с целью предотвратить народное движение и обмануть польский народ. Гомулка пошёл на некоторые уступки, проявив несомненный демагогический талант в их пропагандистской эксплуатации. В особенности он использовал национальные чувства. Чувства эти были направлены главным образом против русских, и использовать их надо было осторожно, чтобы не вызвать раздражение Москвы. В первый момент Хрущёв хотел, повидимому, вмешаться, как он вмешался в Венгрии, но не решился: может быть, его остановили размеры страны или воспоминания о польском сопротивлении. В конце концов Хрущёву пришлось пожать Гомулке руку и предоставить этому ренегату-оппортунисту устраивать внутренние дела по своему усмотрению.

Гомулка не пытался изменить внешнеполитическое положение Польши. "Варшавский пакт", названный по имени польской столицы, остался в силе, более того, необходимость была превращена в добродетель, и военный союз с Москвой был изображён как единственная гарантия независимости Польши и неприкосновенности её послевоенных границ. Эта пропагандистская выдумка Гомулки используется польским партийным аппаратом и по сей день, а потому заслуживает отдельного рассмотрения.

"Послевоенное урегулирование" дало Польше новые границы. Западная Украина и Западная Белоруссия, входившие до "разделов" в Польское королевство, отошли к Советскому Союзу после комедии "всенародного голосования". Чтобы прервать исторически сложившиеся связи с Польшей, значительное польское население этих территорий было переселено в Польшу. Изгнание коснулось многих сотен тысяч людей, предки которых жили в этих местах; как обычно, никто не интересовался их мнением, но в послевоенных условиях многие поляки и сами предпочли уйти из родных мест, чтобы иметь, по крайней мере, возможность говорить на родном языке. В густо населённой и разорённой Польше этих людей трудно было разместить. Сталин решил "компенсировать" Польшу восточными областями Германии и направить туда поток бездомных поляков. Этим одновременно достигалось несколько политических целей. Прежде всего, можно было говорить союзникам на Потсдамской конферен-

ции, что Польша не так уж обижена, что после насильственной перекройки она вышла не меньшей, чем была, что она получила Силезский угольный бассейн, важный для неё доступ к морю с портами Гданьском (Данцигом) и Щецином (Штеттином), и т. д. Затем, можно было внушать полякам, что им возвратили исконные польские земли, некогда захваченные немцами при их завоевательном "Дранг нах Остен" ("стремлении на Восток"). Это была правда, но, как мы увидим дальше, не вся правда. И, наконец, отделение значительной части Германии должно было довершить расчленение этой страны, ещё более затруднить её воссоединение.

Трудно сказать, был ли здесь ещё провокационный замысел — стравить между собой немцев и поляков; может быть, подозревать такой замысел значило бы слишком уж переоценивать дальновидность диктатора, вовсе не хотевшего дать Польше развиваться в неизвестном направлении, а видевшего в ней одну из будущих союзных республик. Но так уж выходило у Сталина, что все его затеи неизбежно превращались в провокации. Дело в том, что "возвращённые польские земли" принадлежали немцам несколько столетий, и немцы, родившиеся и выросшие на этих землях, считали их, естественно, своей родиной. Такие чувства предшествуют, конечно, всякой политике, и человек с такими чувствами вовсе не обязательно фашист. Конечно, когда-то Бреславль (Бреслау) был польским городом, и ещё в прошлом веке от этого польского происхождения оставались заметные следы. Конечно, задолго до Гитлера существовал немецко-польский антагонизм, и с обеих сторон было шовинистическое воспитание. Но даже самый просвещённый и гуманный немец, родившийся в Бреслау, мог считать его своим родным, *немецким* городом, слышал там немецкую речь и не особенно задумывался над историей. Вообще, так называемая историческая справедливость — весьма абстрактная конструкция, всегда сталкивающаяся с конкретной человеческой справедливостью. Русскому, родившемуся в Ленинграде, могут сказать, что это, собственно, финская земля, захваченная несколько веков назад, да и Москва — слово финского корня. И совсем уже легко представить себе массовое выселение русских из Риги или Ташкента. Кстати, финны и в самом деле вспоминали во время второй мировой войны, на чьей земле стоит Ленинград, а латыши и узбеки могут в один прекрасный день выразить свои чувства по поводу не столь отдалённой истории. Изгнание целых народов под предлогом восстановления исторической справедливости или под каким-нибудь другим предлогом — это и есть подлинный фашизм, и отсюда только один шаг до *истребления*

целых народов, под каким угодно предлогом. Неважно, под каким предлогом выселяли чеченцев и крымских татар: здесь уже нельзя было сказать, что они жили на исконно русских землях. Важно, что при "переселении" погибла треть или половина этих народов. Такова была сталинская "справедливость".

К моменту вступления советских войск "исконные польские земли" были эвакуированы гитлеровцами. Немецкое население угнали на запад, в глубь Германии, угрожая ему зверствами русских солдат, и поведение этих солдат в "логове зверя", как называла Германию сталинская пропаганда, наглядно подтверждало эти угрозы. Но несмотря на повальный грабёж и массовые насилия над женщинами, намеренно допущенные советским командованием, немцы не хотели покидать родные места. Может быть, половина населения осталась в Силезии и Померании, и этих упрямых немцев пришлось выселить в "восточную зону" Германии, которой предстояло превратиться в ГДР. Сталин лгал на Потсдамской конференции, будто эти земли обезлюдели и их надо срочно заселить поляками перед весенним севом. Он, видите ли, заботился об урожае! Между тем немецкие крестьяне готовы были всё стерпеть и не двигались с места, как в былые времена жители осаждённых крепостей, отданных на разграбление солдатам. Они были изгнаны, и была восстановлена, в конечном счёте, "историческая справедливость": "древние пястовские земли", некогда принадлежавшие полякам, получили польское население и польские названия. Но немецкие беженцы не могли забыть свои родные очаги. Они образовали в ФРГ "союзы изгнанников", землячества, требующие возвращения на родину. Тем временем на этой их старой родине выросло уже новое поколение поляков, и всем, кроме этих упрямых стариков, понятно, что исправить прошлое уже нельзя. Таковы плоды сталинского произвола над народами. Можно лишь надеяться, что в нынешней Германии, во всяком случае в её независимой западной части, этот произвол не вызовет фашистской реакции, как это было после Версальского мира.

К счастью, для таких опасений нет основания. В отличие от Веймарской республики, бывшей лишь эпизодом между двумя эпохами немецкого шовинизма, нынешняя парламентская система в ФРГ опирается на реальные перемены в психологии немецкого народа. Немцы теперь не авторитарны и не воинственны, хотя, конечно, какая-то часть стариков цепляется за прошлые понятия, и небольшие группы молодёжи поддерживают их на фоне общего равнодушия.

Гомулка сумел извлечь из этой грустной истории немалый политический капитал. Уже при режиме Берута полякам втолковывали, что их извечным врагом является Германия — и только Германия, а не Россия. Но при Беруте история фальсифицировалась очень уж грубо, так что всякое участие России в польской истории рассматривалось чуть ли не как "братская помощь", а восстания поляков против России замалчивались или объявлялись реакционными затеями шляхты и аристократии. Гомулка повёл дело тоньше. Как мы увидим, он восстановил многие страницы польской истории — конечно, не из любви к правде, а опять-таки для эксплуатации национального чувства. Но, во всяком случае, немцам отводилась гораздо худшая роль, чем русским, всё немецкое демонизировалось, а антинемецкие настроения всячески подогревались. Конечно, история немецкой экспансии на Восток, немецкого шовинизма и фашизма давала для этого обильный материал. Широко использовалась история немецкой оккупации, ужасы гитлеровских лагерей смерти. Всё это должно было отвлечь внимание от того, что делали советские оккупанты, например, от Катыни. Многолетняя кампания по разоблачению гитлеровских преступлений опиралась на подлинные факты и апеллировала к человечности, эта кампания могла сыграть некоторую положительную роль в сохранении исторической памяти людей и недоверия к идеологическому безумию. Но цель этой кампании была совсем иная. Гомулку мало беспокоила судьба мучеников фашизма: он доказал это впоследствии, устроив в 1968 году травлю оставшихся в Польше евреев. Он проделал это в стиле, достойном Геббельса, как только ему понадобилась такая провокация! Цель систематической кампании против "немецкого империализма" состояла в создании у поляков некоторого образа немца — жестокого, высокомерного, бесчеловечного хозяина и угнетателя, построившего чуть ли не всё своё благополучие на эксплуатации поляков и подавлении польской культуры. У поляков искусственно создавалось впечатление, что "немецкий реваншизм" всё ещё представляет грозную политическую силу, которая может при удобном случае захватить власть в ФРГ и вновь привести мир к военной катастрофе. Подхватывалось каждое слово, сказанное каждым немцем по поводу войны и послевоенной истории. Смешивались в одну кучу бредни ничему не научившихся нацистов и серьёзные мысли людей, не разделявших польскую "государственную точку зрения". Вся эта линия в польской публицистике была рассчитана на легковерного человека, не знакомого с реальными условиями в ФРГ и склон-

ного распространять на *всех* нынешних немцев то, что когда-то было верно для *некоторой части* немцев и что другим немцам, как и полякам, приходилось терпеть. В общем, это была шовинистическая демагогия, подстрекавшая "свой" народ против "чужого" народа, и строилась эта демагогия на разоблачении "чужого" шовинизма! Как и всякая демагогия, это политическое надувательство не брезговало ничем. Однажды немецкие католические епископы сделали коллективное заявление, некий жест доброй воли, направленный к полякам, и в заявлении этом содержались слова: "Мы вас прощаем и просим у вас прощения". Какой вопль подняла польская пропаганда! Подумать только, эти наглецы, представители "преступной нации", осмеливаются не только "просить прощения", но и "прощать", и кого же — "нацию-мученицу", их собственную жертву! Между тем епископы всего лишь воспользовались канонической церковной формулой, они не могли выразиться иначе. И так дурачат людей в католической стране, где любой священник мог бы всё это объяснить.

Создание пугала "немецкого реваншизма" преследовало вполне определённую политическую цель. Если между Рейном и Эльбой возрождается немецкий милитаризм, если этот милитаризм точит зубы на "исконные польские земли", на Щецин, Вроцлав и Гданьск, то единственной защитой, единственным гарантом польской независимости и неприкосновенности польских границ оказывается Варшавский пакт — военное покровительство Москвы. Поэтому всякий, кто отвергает это покровительство и не питает к Москве надлежащих чувств — не относится к ней, как младший брат к старшему брату, — должен рассматриваться как вредный авантюрист, подрывающий польскую государственность, польскую "рацию стану". По той же причине надо терпеть в Польше — в мирное время — советские войска, проводить с ними совместные маневры, готовить польскую армию к отражению нападения с *Запада*, но никак не с Востока. Недаром даже на польском гербе клюв польского орла повернут теперь налево, а не направо, как в былые времена. Фикция опасности с Запада, угроза немецкого империализма и миф о советской гарантии, единственно обеспечивающей Польше возможность государственного существования, нужны были Гомулке, чтобы оправдать не только его политику в отношении Москвы, но и весь его режим. Полякам исподволь внушали, что союз с Москвой неизбежен, что вне его Польша не может существовать, — а тогда, естественно, в Польше может быть лишь такая система власти, какую потерпит Москва, лишь такие правители, какие внушают ей

доверие. Эта психология рабства выдавалась за “реализм” и должна была служить *независимости* страны. Мы описали ее подробно, потому что польский партийный аппарат и по сей день без конца прибегает к той же демагогии, кивая на своих русских хозяев. Далее, эксплуатируя национальные чувства поляков, Гомулка принялся за срочный ремонт польской истории. Надо было представить польское национальное движение как нечто респектабельное и заслуживающее стать частью национальной традиции, в виде естественного продолжения которой предлагался новый режим. Для этого была сделана нарочитая выборка имён и событий польской истории, одобряемых в качестве “прогрессивных”, и эти имена и события были отделены от других, осуждаемых в качестве “реакционных”. Операция эта должна была создать видимость некоей единой линии развития, естественно приведшей от неопределённого “гуманизма” и “свободомыслия” просветителей эпохи возрождения и XVIII века к “стихийному материализму” и “утопическому социализму”, затем к рабочему движению и марксизму и, наконец, к коммунистической партии, как увенчанию всего этого исторического процесса, причём, разумеется, “очищенный” и “исправленный” вариант коммунистического режима, представляемый Гомулкой и его кликой, выдавался за подлинный образец коммунизма, согласного с национальной традицией. Прошлое было пересмотрено, как это изобразил Оруэлл в деятельности своего “Министерства Правды”: польская монархия, шляхетские “конфедерации”, подвиги поляков на службе Наполеона, кровавые восстания против царя — всё это было реабилитировано, вытащено из забвения и окружено романтическим ореолом. Заново вычищенная польская история, восстановленные польские мундиры, всевозможные символы польской особенности и независимости были пущены в ход, чтобы обмануть польский народ, внушить ему ложное представление, будто он по своей воле воссоединяется со своим прошлым и строит своё будущее. Вся эта демагогия не прошла, однако, без следа: она упала на благоприятную почву, и были стимулированы процессы, поддержавшие польское национальное самосознание — в школе, среди интеллигенции, в массах польских тружеников, наконец, в Войске Польском, получившем новое командование и новую “политическую подготовку”. Важно заметить, что молодое польское офицерство воспитывалось в духе этой гибридной идеологии, соединявшей преклонение перед национальной традицией с гораздо менее говорившей его сердцу марксистской догматикой. Оппортунизм Гомулки сослужил Польше некоторую службу, хотя клика его заботилась только о собственных интересах.

Католическая церковь больше всего раздражала Гомулку. Конечно, католическая иерархия, далёкая от наивности человека с улицы, видела насквозь его маневры, да и все верующие могли убедиться, что у власти остались те же люди, гонители церкви, отнюдь не добровольно переменившие свои приёмы. Но церковь предъявила свои требования, и Гомулка понимал, что политика есть искусство достигать компромисса. Вышиньский был освобождён и получил возможность вернуться к исполнению обязанностей примаса польской церкви. Были сделаны некоторые послабления в контроле над церковной жизнью, облегчены связи с Римом. Но партия ревниво оберегала от церковного влияния народные массы, особенно школьников и молодёжь. Церкви разрешено было издавать пару еженедельных газет и журналов, ничтожными тиражами и под строгим контролем цензуры, стремившейся ограничить содержание католической печати узкими рамками культа. В Сейм была допущена горсть специально отобранных католических депутатов, всегда покорных и молчаливых. Наибольшие трудности вызвало религиозное воспитание детей. Вначале Гомулка хотел, чтобы оно происходило в рамках обычной школы, для лучшего контроля над ним со стороны властей. Это не получилось, так как структура "советизированной" школы была несовместима с таким чужеродным ей явлением, и постоянно возникали конфликты. Пришлось допустить религиозное воспитание при церквах. Но, конечно, власти постоянно во всё вмешивались и всему мешали. Отношения между церковью и государством приняли характер изнурительной повседневной войны.

Кардинал Вышиньский был непримиримым, несгибаемым вождём польских католиков; он использовал все открывшиеся возможности для восстановления и укрепления церковного аппарата, для распространения религии. Усилия его не были безуспешны. Гомулка и его люди не были способны на широкий, честный компромисс с церковью. Они были мелочны и недальновидны, недооценивали роль церкви, её значение для польского народа. Они были не столь уж проницательные политики и пытались отделаться от действительности полумерами, лишь отсрочившими надвигавшийся кризис — и в этом вопросе, и во всех других. Это были мелкие политиканы, пытавшиеся продлить свою власть и не заглядывавшие в завтрашний день. А церковь ещё имеет в Польше завтрашний день.

Гомулка разыграл спектакль "демократизации" польской жизни. Газеты и радио стали говорить более "человеческим" языком, были в значительной степени устранены обязательные речевые штампы.

Теперь можно было служить марксистской идеологии, пользуясь "своими словами". В явлениях повседневной жизни признавалась теперь некоторая сложность, и не обязательно было уже считать, что всё сложное — плохо. Было нарушено казённое целомудрие, и о человеческих отношениях можно было говорить теперь с некоторой свободой, больше напоминавшей западные, чем советские образцы. Нравы от этого не стали лучше, но лицемерная распущенность сменилась откровенной, и наивный наблюдатель мог бы подумать, что произошло внезапное разрушение этических норм. Развод и внебрачные отношения перестали быть предметом публичного разбирательства на собраниях. В действительности партия выпустила из рук бразды общественной морали, и одна церковь продолжала о ней заботиться. В журналах появились фотографии кинозвезд и вообще популярных красавиц, одетых и обнажённых. Была разрешена популярная музыка западного образца, "абстрактная живопись" и другие инфантильные виды искусства. Весь этот поток грязи, естественно, должен был создать более податливую, размягчённую, глупую популяцию. Использование грязи в политических целях было в Польше гораздо более сознательной политикой, чем у нас.

Всё это создавало видимость освобождения культуры. "Соцреализм" был осмеян, и художники, работавшие в старомодной манере, уже не пользовались государственной монополией. Но формальные ухищрения художников не могли скрыть их духовную пустоту. В музыке разрешены были все трюки и причуды, но композиторы, в лучшем случае, робко возвращались к церковным сюжетам. В театре и в кино был допущен некоторый натурализм, но больше в направлении порнографии. В литературе свободы было меньше всего, и серьёзные вопросы жизни по-прежнему оставались вне цензурно дозволенного писательства, но можно было дурачить людей формальными экспериментами. Всё стало "современным", грязным и плоским, как на Западе, но с тем различием, что на Западе эта "современность" обеспечивалась коммерческим путём, а в Польше — подражанием Западу и бдительностью начальства. "Игра в Европу" всегда составляла некоторую часть польской культуры; теперь полякам разрешено было играть в эту игру сколько душе угодно — лишь бы дело не касалось *серьёзного мышления*. Оно как раз и было запрещено.

Был облегчён выезд за границу. Теперь поляки могли ездить за границу, если у них была валюта, и иметь валюту было разрешено. Конечно, власти ограничивали это право для политически неблагонадёжных, а обмен польских злотых на валюту почти не допускал-

ся. И всё же поляки стали ездить по свету, привозя из-за границы тряпки, порнографию, но иногда также и новые понятия. В общем, эти поездки привели к значительному приближению польских вкусов к западным мещанским образцам: поляки стали гоняться за вещами и меньше беспокоиться о высоких идеалах. Но, в частности, поблекли и идеалы "социализма" у той части населения, которая подверглась обработке в годы сталинского режима.

Как обнаружилось в нынешних событиях, этот процесс вырождения польского общества, поощрявшийся режимом Гомулки (и потом Герека), не смог убить в польском народе его традиционный дух независимости и сопротивления унижению.

Были "демократизированы" выборы в Сейм. "Мы хотим не голосовать, а выбирать" — можно было прочесть в польских газетах. Для этого на каждое место в Сейме выдвигался теперь не один кандидат, а целых три. Все три кандидатуры назначались партийным аппаратом, и один из них особо "рекомендовался", вполне официально; желающие могли теперь выразить свою "оппозиционность", проголосовав за одного из "нерекомендованных" кандидатов, и объявлялось, что эти последние получили несколько процентов голосов; но выбирался всегда "рекомендованный" кандидат. Если кто-нибудь надеялся, что такая "демократия" будет постепенно расширяться, то такие надежды не оправдались: всё так и осталось. Были сделаны некоторые коррективы в образе партийного функционера. Он старался выглядеть "демократичнее": ему разрешалось носить джинсы или что-нибудь в этом роде, участвовать в умеренной выпивке, танцевать западные танцы. Стиль жизни аппарата стал все более равняться на западные образцы. А для этого надо было больше красть.

Познанский мятеж был сигналом, которым нельзя было пренебречь: надо было успокоить рабочий класс. Для этого Гомулка был подходящим человеком: ведь он был профсоюзным деятелем до войны, борцом Сопротивления во время войны, а потом узником сталинского режима. Это был человек, которому рабочие могли доверять, — и Гомулка обещал им много прекрасных вещей. Он обещал *обновление* — обновление в партии, на предприятиях, во всей стране. Рабочие должны были стать хозяевами своих предприятий, и для этого на каждом заводе было создано "рабочее самоуправление". Это не были профсоюзы, потому что в казённые профсоюзы никто уже в Польше не верил. Новые органы рабочей власти назывались "рабочими советами"; их выбирали с большой торжественностью, но они не имели никакой реальной власти. Предприятия по-прежнему контролировались министерствами, а права "ра-

бочих советов" не были юридически определены. Предполагалось, что они превратятся в безобидные совещательные органы, которым в первое время можно будет предоставить видимость инициативы, дав им возможность вволю поговорить, выразить свои чувства. Когда же возбуждение улеглось, безвластными "советами" легко было манипулировать, изолировав их от рабочей массы и подкупая их членов. Очень скоро "рабочее самоуправление" полностью атрофировалось, выродившись в ещё один бюрократический аппарат. Эта операция удалась Гомулке потому, что "рабочие советы" организовывались *сверху*, а не *снизу*: он сумел перехватить инициативу рабочей массы и, используя остатки доверия к власти, уцелевшие иллюзии "левого" рабочего движения и свой личный престиж, подменить подлинные рабочие организации поддельными. Так было выиграно время. Это время Гомулка употребил для самых необходимых экономических реформ.

Гомулка понимал авантюрный характер "индустриализации". Он снизил темпы развития тяжёлой промышленности и уделил больше внимания производству потребительских товаров. Это не означало какого-нибудь радикального изменения в управлении польской промышленностью: с помощью того же бюрократического аппарата были исправлены лишь самые очевидные нелепости. При этом наметились две тенденции, сохранившиеся надолго и важные для дальнейшего: сотрудничество с Советским Союзом и ориентация на торговлю с Западом.

Польша никогда не была замкнутым хозяйством и всегда нуждалась во внешней торговле для обеспечения своих потребностей. Бедная земля не позволяла ей производить достаточно хлеба, и хлеб всегда ввозился, главным образом из России. В Польше почти нет полезных ископаемых. Уголь в отошедшей от немцев Силезии и немного меди — вот и все её богатства. Поэтому польская промышленность всегда зависела от импортного сырья. Ещё до 1914 года, когда главной отраслью польского производства были текстильные фабрики, хлопок приходилось ввозить из-за океана: единственным резоном существования этого производства была дешёвая рабочая сила, нищие польские крестьяне, бежавшие в город из голодавших деревень. С 1945 года сырье, естественно, пришлось получать из России. Такая связь с советским снабжением ставила Польшу в сильнейшую экономическую зависимость от Москвы. Но особые свойства "социалистической системы" делали из этой зависимости нечто совсем другое: аппарат подкармливания стран Восточной Европы за счёт России. С самого начала советской оккупации эконо-

мическое положение этих стран было отчаянным: они были вконец разорены. Марионеточные правительства, поставленные Сталиным, взывали к нему о помощи, опасаясь голода, разрухи и неизбежных социальных последствий — реакции ещё не приученного к рабскому повиновению населения. Сталин понимал, что надо укрепить эти слабые звенья системы, а сделать это можно было только за счёт "сильного звена" — России, где голодная смерть уже не вызывала волнений: с Россией можно было делать что угодно, например, вывозить из неё хлеб, когда его не хватало для пропитания. Впрочем, вряд ли Сталин когда-либо отдавал себе отчёт в подлинном положении вещей. Он был уверен в неистощимости России; когда надо было послать куда-нибудь хлеб, он попросту приказывал послать, и никто не рисковал сказать ему, что этого хлеба нет. Так же обстояло дело со всем другим. Вновь захваченные страны имели приоритет, а Россия должна была за всё платить. В этих странах создавались экономические системы, не дававшие им возможности себя прокормить, и тогда кормить их должна была Москва. Не щедро, но приходилось кормить. Такие отношения, сложившиеся после войны, отчасти сохраняются и по сей день. Но теперь уже *нечем* кормить — не потому, что Россия стала беднее, чем была в последний день войны, а потому, что режим уже не имеет прежней власти доводить её до голодной смерти.

Итак, из России везли всё, чего не имели завоёванные страны: хлеб, руду, нефть; Россия затыкала все дыры в послевоенном хозяйстве своих колоний, и делалось это вне всякого экономического расчёта. Это была единственная в своём роде колониальная империя, приносившая *одни расходы*. Польша была частью этой империи и тоже была на постоянном довольствии Москвы. Казалось бы, "польский октябрь" должен был привести к исправлению этого уродства. Но Гомулка вовсе не собирался отказаться от "московского питания", да и не мог бы отказаться, не меняя своей системы. Напротив, он мог использовать сложившийся колониальный режим — может быть, лучше было бы сказать: антиколониальный режим — для собственных целей. Дело в том, что каждое социальное движение в захваченных странах автоматически приводило к добавочной "помощи" Москвы, к новым потокам продуктов питания, топлива, сырья с целью поддержать тот или иной пошатнувшийся режим. Так было с ГДР после берлинского мятежа 1953 года, так было с Венгрией и Польшей в 1956 году, с Чехословакией в 1968 году, то же происходит и с Польшей теперь. Мятежников сначала расстреливают, затем подкармливают. Делается это для сохранения политиче-

ского контроля над взбунтовавшейся страной. Со временем остаётся лишь фикция политического контроля, но Москва не может отказаться от этой фикции, готова платить за одну *иллюзию* власти, потому что *в системе нет обратной связи.* Правда, платить уже нечем, и приходится как-то латать Тришкин кафтан, поддерживая самые опасные места.

Ясно, что угроза рабочего мятежа, полного развала польского коммунистического режима произвела в Москве сильное впечатление. Ведь Польша — не только крупнейшая страна Варшавского пакта (который пришлось бы, пожалуй, переименовать!), но и коммуникация с Германией; Польша занимает центральное место во всей империи. Каков бы ни был Гомулка, он поддерживает в Польше просоветский режим, совершает ритуальные поклоны в сторону Москвы, остаётся в Варшавском пакте. Лучше Гомулка, чем полный выход Польши из "лагеря социализма". Вот механизм, позволивший Гомулке доить Москву — элементарный механизм шантажа. Таким образом, последствием познанского мятежа и "польского октября" была усиленная экономическая (лучше сказать, пожалуй, *неэкономическая*) поддержка польского режима со стороны Москвы. То же повторяется и теперь.

Другая тенденция связана с экспортом на Запад. "Индустриализация" превратила Польшу в промышленную страну — пусть отсталую, с устаревшими машинами, с неуклюжей организацией производства, но всё же промышленную, а не аграрную страну. Конечно, промышленные товары можно продавать на Восток, т. е. России. Но открывается заманчивая перспектива продавать их также на Запад и выручать за них *валюту.* Это может со временем уменьшить патологическую связь с Россией, а пока — позволит покупать товары, столь жадно поглощаемые рынком, "привлекательные товары", как говорят поляки. Известно, что этих прекрасных вещей не получишь с Востока, их надо покупать за доллары, фунты и т. д. На наших глазах в Испании произошло "экономическое чудо", неожиданный промышленный расцвет; а что есть у Испании? То же, что и в Польше — *дешёвая, нетребовательная рабочая сила.* Так родилась мечта о польском экономическом чуде. Но если механизм доения Москвы работает и до сих пор, со всеми его нездоровыми последствиями, то валютный дождь так и не пролился на бедную польскую землю — дальше мы увидим почему. Итак, Гомулка начал стимулировать производство "на экспорт", придавая ему приоритет перед всеми другими. Имелся в виду "валютный" экспорт, то есть экспорт на Запад, требующий высокого качества, умения торговать,

правильного выбора направлений. Что касается экспорта на Восток, то здесь можно давать товары похуже, а торговля происходит сама собой, в рамках общих соглашений. Русские привезут и хлеб, и нефть, и всё другое, а возьмут, что им предложат: иначе они не получат ничего, не так ли?

Экстренная помощь Москвы позволила Гомулке оттянуть кризис. А главное, ему удалось отсрочить продовольственный кризис — на этот раз с помощью очень серьёзной реформы.

Самой серьёзной переменой, на которую вынужден был пойти Гомулка, был *роспуск колхозов*. Это пришлось сделать, поскольку иначе нельзя было решить продовольственный вопрос — даже с помощью Москвы. Но вряд ли эта радикальная мера была бы принята без назревавшей угрозы крестьянского мятежа. Гомулке и его людям *пришлось* пойти на уступки: они знали, что не сумеют подавить своими силами народное восстание, а прибегнуть к "братской помощи" Москвы они боялись. Гомулка помнил застенки НКВД и знал, что его ждёт участь Имре Надя, венгерского Гомулки, расстрелянного Хрущёвым. Впрочем, не следует приписывать ему особую мудрость: он имел очень ограниченный выбор и спасал, как мог, свою шкуру.

Как уже было сказано, польский крестьянин не привык ещё к колхозной системе, не забыл своего куска земли, и в этих условиях роспуск колхозов имел ясный смысл: каждый должен был получить *свою* землю, стать снова хозяином, как было раньше, и производить продукты — под контролем государственного аппарата, но всё же самостоятельно, а не по команде, по собственному разумению, а не по установленному шаблону. Избавившись от колхозов, польский крестьянин получил возможность прокормить себя и свою семью. Увеличилось также количество товарной продукции. Сверх обязательных поставок, крестьянин мог вывозить часть продуктов на рынок. Продовольственное положение несколько облегчилось. Но, как мы увидим дальше, частное крестьянское хозяйство не могло развиваться в условиях коммунистической бюрократии. Сверх того, не следует забывать, что Польша всегда зависела от покупного хлеба и что этот хлеб поставлял ей Советский Союз. В Польше не осталось колхозов, осталось лишь значительное число "ПГР"[1] — совхозов, устроенных, как правило, на месте бывших помещичьих имений. Эти совхозы продолжали работать плохо и причиняют вред до сих пор.

[1] Panstwowe gospodarstwo rolne (Гос. сельскохозяйственные предприятия).

Итак, Польша стала единственной социалистической страной, где нет колхозной системы, где земля составляет частную собственность крестьян.

До "октябрьского переворота" Польша имела такую же систему госбезопасности, как другие захваченные Сталиным страны, т. е. устроенную по образцу Советского Союза. Однако в странах Восточной Европы эта система имела любопытную особенность, существенную для объяснения некоторых дальнейших событий. Читатель уже знает, что мероприятия сталинского режима были не столь актами рациональной политики, сколько продуктами болезненного воображения диктатора и услужливой деятельности людей, пытавшихся угодить ему во всех его затеях. А затеи Сталина все были провокациями — совсем не обязательно выгодными для него или обещавшими какой-нибудь успех. Так вот, Берия, устраивавший органы госбезопасности в захваченных странах, применил — без сомнения, с одобрения своего хозяина — следующий трюк. Во главе этих органов он, как правило, ставил евреев. Это был очень простой, типично восточный расчёт. Люди, которые должны были выполнять в этих странах самую грязную работу для своих хозяев, были отделены от их населения барьером расового предрассудка. Это не позволяло им пустить корни в стране, найти себе сторонников и друзей. Их все должны были ненавидеть, и Берия как раз этого хотел — чтобы его еврейские агенты могли рассчитывать только на него и были ему верны. С другой стороны, неизбежная ненависть населения к "органам" переносилась на всех уцелевших евреев, и это открывало возможность дальнейших провокаций.

В Польше во главе госбезопасности был поставлен некий Якуб Берман, еврей; евреи заняли и некоторые другие руководящие посты в этом учреждении. В Польше была вековая традиция антисемитизма, и провокация удалась, хотя и не принесла её авторам никакой пользы. Как мы увидим, плоды этой грязной затеи впоследствии пожал Гомулка.

Гомулка снял с должности Якуба Бермана с его сотрудниками. Не было сказано, за что, но в Польше всё знали. Берман и его люди преследовали людей "Армии Крайовой", убивали их в лесах, расстреливали в тюрьмах и лагерях. Они устраивали провокационные дела, вели выдуманные процессы. Жертвами этих палачей пали многие доблестные борцы Сопротивления, принципиальные противники режима и просто ни к чему не причастные люди, случайно попавшие в списки обречённых. Берман и другие евреи усердствовали таким образом в то время, когда в Советском Союзе евреев травили

под кличками сионистов и космополитов и готовилось их физическое уничтожение. Конечно, потом пришла бы очередь польских евреев, и Берман хорошо понимал, что его ждёт. В этой дьявольской машине и жертвы и палачи были одинаково обречены. Это не снимает, конечно, вопроса о наказании, но, насколько известно, никто из этих людей не был наказан. Да и как можно было их наказать? Следовало избегать самого вопроса об ответственности. Ведь у власти остались те же люди, заслонившись "мучеником" Гомулкой, и люди эти не хотели ворошить прошлое. В Познани было расследование после расстрела. Вели его премьер Циранкевич и член Политбюро Герек. Первый остался премьером при Гомулке, второй сменил его на посту первого секретаря. Убийцы рабочих были связаны круговой порукой, и прошлое было задёрнуто завесой молчания. Циранкевич и Герек выглядели вполне прилично. Они фигурировали на международной арене, им жали руки дипломаты, министры и президенты. Впрочем, мы слишком хорошо знаем это по опыту нашей страны, хотя польские убийцы выглядели более элегантно, умели себя вести в обществе и даже читать без бумажки написанные для них речи. Итак, нельзя было искать виновных, потому что виновные остались у власти. Можно было говорить о жертвах, но не слишком много, и дело изображалось так, как будто они погибли от стихийного бедствия. Нельзя было сказать ни слова о Катыни: надо было повторять лживую версию Сталина, а лучше — молчать.

Ненависть к госбезопасности приняла в Польше столь острый характер, что Гомулка вынужден был реформировать польский репрессивный аппарат. В начале 1956 года был знаменитый XX съезд КПСС, с хрущёвским разоблачением "культа личности" и "нарушений социалистической законности". В Советском Союзе была проведена, таким образом, некоторая политическая кампания, смысл которой состоял в обеспечении безопасности правящего класса; отныне деятелей партийной верхушки можно было лишь снимать с должности (что, по молчаливому уговору, делалось очень редко), но нельзя было их расстреливать. Естественно, в Польше после "октября" была принята та же система. Но в Советском Союзе не было столь серьёзного давления снизу, как в Польше, и "восстановление законности" вызывалось преимущественно внутренними законами функционирования аппарата. В Польше, после познанского мятежа, партийный аппарат испытывал уже не только страх "сверху", но гораздо больше "снизу". Поэтому потребовалось "восстановить законность" и ограничить произвол госбезопасности в гораздо большей мере, чем это было сделано в СССР. Гомулка провёл эту операцию

очень искусно. В Польше не были ещё до конца перерезаны корни довоенной системы правосудия. Многие законы, изданные до войны, оставались в силе, если они не мешали интересам новой власти; сохранились кадры адвокатов и юристов довоенной подготовки и некоторые навыки формального судопроизводства, принимающего во внимание буквальный смысл закона. Устранение всех этих пережитков требует времени, а времени прошло немного, так что уголовные и гражданские дела (в отличие от политических) решались в судах с участием старых деятелей и нередко по старым законам. Гомулка сумел внушить полякам, что польская юридическая традиция будет восстановлена. Многие выжившие юристы были вновь назначены на судебные должности, были устранены некоторые вопиющие нарушения судебной процедуры. Как и в Советском Союзе, эта реформа правосудия не должна была задевать интересов правящего класса, а главный его интерес состоял в том, чтобы безнаказанно красть. Поэтому были приняты меры, чтобы дела о коррупции не доходили до суда: для этой цели у Гомулки была милиция, прокуроры и следователи, и в этих органах партийный контроль действовал достаточно эффективно. Как всегда при "реальном социализме", роль "контроля" состояла не в том, чтобы мешать злоупотреблениям, а в том, чтобы регламентировать и охранять их. Итак, были приняты меры, чтобы аппаратные воры никогда не предстали перед судом; тем более не отдавались под суд виновные в политических преследованиях. Но уж если дело попадало в суд, то соблюдались все приличия, и поляки могли думать, что в стране господствует закон. Как мы увидим, все эти затеи их не обманули.

Наиболее важной стороной этого "восстановления законности" было резкое смягчение и изменение форм политического преследования. Если до "Польского Октября" обращение с действительными или мнимыми противниками режима мало чем отличалось от аналогичной практики в Советском Союзе, то при Гомулке их перестали расстреливать и даже почти перестали сажать. Впервые в истории был испробован "беспосадочный социализм"; как мы увидим, этот опыт некоторое время казался удачным, но в конечном счёте провалился, так что Гомулка и в этом отношении был оппортунистом, преследовавшим лишь ближайшие цели. Берут не успел перевести в Польше всякую оппозицию: она жила и в массах польского народа, и — в особенности — в польской интеллигенции. Важное благо человека — говорить без опасения. Конечно, Гомулка не ввёл никакой свободы печати, но вид польских газет и журналов заметно изменился, как мы уже видели выше. Что касается част-

ных разговоров, то они были практически безнаказанны, и поляки приучились говорить свободно. Деятельность госбезопасности свелась преимущественно к наблюдению за подозрительными лицами и составлению досье. Особенно активным людям по мелочам докучали: устраивали обыски, изымали печатные материалы и бумаги, иногда затевали судебные дела, но сажали очень редко и ненадолго; главной репрессивной мерой было лишение работы по специальности, но люди устраивались, находили себе заработки. Если в этом была какая-то политика, то целью ее было не допустить широкого распространения оппозиционных взглядов: небольшое число людей, на которых не влияли ни деньги, ни карьера, можно было изолировать и игнорировать. Такая тактика, заимствованная из практики "буржуазных" демократий, оказалась опасной в условиях "реального социализма". Дело в том, что правящие системы ("истеблишменты") западных стран весьма устойчивы по отношению к любому личному мнению, даже к деятельности отклоняющихся групп; между тем "социалистический" режим крайне чувствителен к малейшей идеологической инфекции и нуждается в немедленном изъятии всех возникающих зародышей несогласия. Но всё это должно было обнаружиться лишь впоследствии. Пока же в Польше можно было говорить что угодно.

В качестве кратковременного политического средства такая система себя оправдала. Сравнительная свобода общения и более широкая информация в печати смягчили общее нервное напряжение берутовских лет. Что касается оппозиционных организаций, то наиболее активные люди, способные их создать, эмигрировали или были истреблены. После многократной политической прополки Польша казалась Гомулке хорошо ухоженным огородом, где уже не вырастет никакой сорняк. Некоторое время он мог, таким образом, проявлять великодушие: Гитлер и Сталин дали ему такую возможность. Но время шло, и люди росли.

Иногда госбезопасность во что-нибудь вмешивалась, задерживала какие-нибудь почтовые отправления, высылала какого-нибудь неприятного иностранца. Но все это не могло вызвать достаточного страха, того парализующего *страха*, который сковывает человека в нашей стране и по сей день. Значительное снижение уровня репрессий привело в Польше к *снижению уровня страха*.

Правление Гомулки длилось четырнадцать лет. Вначале "польское обновление" вызвало некоторые надежды — и в Польше, и за рубежом. Это была первая серьёзная реформа коммунистического режима, устранившая его прямые методы насилия и, казалось, обе-

щавшая интересное продолжение. Наивные люди рассчитывали, что в Польше будет найден, наконец, долгожданный способ соединения социальной справедливости и свободы. Они приезжали в Варшаву смотреть и учиться, точно так же, как после русского Октября приезжали в Москву. Но надежды их не могли сбыться. Гомулка проводил свои реформы *сверху*, бюрократическим способом, и ревниво следил за тем, чтобы никакая инициатива снизу не вызвала нежелательного развития событий. За исключением отдельных поправок, весь аппарат власти сохранился, и всем народным хозяйством управляли те же министерства. После всех косметических мероприятий осталась та же бесконтрольная, хищническая власть, кооптировавшая молодых карьеристов тем же способом, как это делается у нас. И остались те же неразрешимые противоречия режима. Гомулка лишь отсрочил неумолимо надвигавшийся кризис.

Польская промышленность, построенная после войны по советским образцам и советскими методами, оказалась устаревшей уже на стадии планирования. При этом, как мы уже рассказывали, на первый план выдвигались количественные показатели, выполнение планов: строили быстро и плохо, и точно так же было поставлено производство. Ясно, что изделия польской промышленности можно было сбывать только на "социалистическом" рынке — в основном они шли в Советский Союз. При Гомулке эти изделия подверглись также некоторым косметическим процедурам: предметы широкого потребления имели "западный" вид. Но польские товары, как у нас все знают, были ненадёжны и непрочны. Это неудивительно, поскольку вся польская система производства была скопирована с советской, и сбыт польских товаров на восток не сталкивался с конкуренцией. Итак, основная масса польского производства была ориентирована на восток, что увековечивало отсталость и экономическую зависимость Польши от Москвы.

Попытка выхода на западный рынок не принесла успеха. Для этого, прежде всего, надо было переоборудовать хотя бы отдельные отрасли промышленности, но не было средств: современное оборудование можно было получить лишь у капиталистов. В отдельных областях польские рабочие и инженеры кое-чего добились — главным образом, в изготовлении дешёвых товаров для "развивающихся" стран. Но Польша и сама оставалась такой "развивающейся" страной или, пользуясь более старым термином — "слаборазвитой". Польше хронически не хватало валюты. Между тем расширившиеся связи с "буржуазным" Западом, поездки за границу выработали у поляков более требовательные вкусы и привычки. Чтобы их удовле-

творить, надо было приобретать валюту любым путём, и это стало ещё одним стимулом коррупции.

Сельское хозяйство тоже не процветало. Оно оставалось почти столь же отсталым, как и до войны, и давало мало товарной продукции. Как мы уже видели, Польша никогда не обеспечивала себя хлебом, а польское животноводство не могло развиваться из-за недостатка кормов. Поскольку государство заботилось только о совхозах, крестьянин попросту ничего не мог купить. Лесов и пастбищ в Польше мало, и без кормов мясо получить нельзя. Это вечная проблема "реального социализма" — даже в нашей стране с её гораздо более щедрой природой. Польша держала в те годы сомнительный рекорд — первое место в мире по потреблению картофеля на душу населения. Голода не было, но сытость поддерживалась напряжёнными усилиями при постоянном подкармливании с Востока.

Всячески используя описанную выше систему шантажа, демонстрируя лояльность по отношению к Москве, Гомулка ухитрялся сводить концы с концами. Но у этого оппортуниста не было никакой экономической программы, никаких широких планов. Забавно, что впоследствии, после провала Герека с его промышленной авантюрой, Гомулка стал похваляться именно тем, что ничего особенного не придумал. Польская экономика погрузилась в оцепенение (на учёном языке это называется *стагнацией*).

Между тем отремонтированный Гомулкой аппарат власти продолжал жить по своим внутренним законам — законам бесконтрольной бюрократии. Как мы уже видели, в Польше можно было всё критиковать на словах, но ни на что нельзя было влиять. Аппарат, существующий в таких условиях, неизбежно подвергается коррупции. Прежде всего, этот аппарат практически несменяем: если и меняются иногда министры и другие важные лица, находящиеся на виду у высшего начальства, то все средние и низшие звенья практически неуязвимы, не отвечают за результаты хозяйственной деятельности и выполняют лишь ритуализованные функции, производя казённые бумаги. Польский аппарат отличается от нашего тем, что жил более открыто, у всех на виду. В Польше все знали, кто, где и сколько крадёт и каким образом проживает краденое.

Естественно, этот прогнивший аппарат раздирали внутренние распри. Авторитет Москвы опускался всё ниже по мере ослабления московского режима и его контроля над странами Восточной Европы. Неудачные эксперименты Хрущёва в последние годы его правления, внутренний конфликт в советском руководстве, завершившийся в 1964 году "дворцовым переворотом", утверждение новой

правящей группы — всё это создавало условия, в которых Москве было не до Варшавы, и Варшава стала всё меньше оглядываться на Москву. В польском правящем аппарате усилилось шовинистическое крыло, лидером которого был Мочар, возглавлявший тогда польскую госбезопасность. Из всех видов польского шовинизма этот был самым отвратительным, поскольку *партийные* шовинисты, конечно, должны были публично демонстрировать свою лояльность по отношению к "старшему брату" и Варшавскому пакту; эти люди вели свою политику исподтишка, понимающе подмигивая друг другу и продвигая своих людей на влиятельные посты.

Псевдопатриотическая демагогия Гомулки в начале его правления упала на благоприятную почву: в Польше усилилось стремление к независимости, восстановилась связь с национальной традицией. Так как Гомулка под давлением нараставшего экономического кризиса всё сильнее связывался с Москвой, это патриотическое настроение, в значительной мере возбуждённое его же пропагандой, обратилось теперь против него. Шовинистическое крыло Мочара использовало это настроение публики в своих интересах. В конце шестидесятых годов Гомулка растерял личное обаяние и свой политический авторитет; он изо всех сил пытался удержаться у власти. Как всякий "несменяемый" руководитель, он стал терять ловкость, стал терять чувство действительности, стал делать глупости. Когда в одной студенческой компании был разыгран спектакль с Гомулкой в виде комического персонажа, первый секретарь реагировал на это истерической мерой: главного виновника приговорили к трёхлетнему заключению. Прежде такие пустяки оставлялись без внимания.

В обстановке нараставшего общественного возбуждения и подспудной борьбы за власть любая случайность могла привести к взрыву. Негодование было особенно сильно среди интеллигенции и студентов. Из них главным образом и состояла публика варшавского драматического театра, поставившего в марте 1968 года историческую эпопею Мицкевича "Дзяды" ("Деды"). Мицкевич изобразил в своей пьесе подавление польского восстания и ужасы русского террора. Понятно, что места текста, направленные против русского господства, вызывали сочувственную реакцию зрительного зала, а у молодёжи эта реакция приняла характер политической демонстрации. Тогда Гомулка распорядился снять спектакль и напечатать в газетах строгое внушение. На польскую публику эта мера произвела сильное впечатление: давно уже не было прямого гонения на патриотизм в его классическом выражении. Но Гомулка должен был

как-то сдерживать этот патриотизм, потому что боялся Москвы. И вот начались беспорядки в Варшавском университете, а затем и в других вузах. Студенты устраивали митинги в аудиториях, демонстрации на улицах; к ним присоединилась некоторая часть преподавателей, значительная часть польской интеллигенции выражала им сочувствие. Это и был "мартовский контрреволюционный мятеж", на который теперь ссылаются официальные историки Польши. Не было и тени мятежа, не было никакой оппозиционной организации — было проявление настроений, какие бывают всюду, где не боятся репрессий.

Гомулка использовал студенческие волнения, чтобы устроить крупную провокацию. Послушная ему печать подняла вопль, обвиняя во всех возможных грехах профессоров, плохо воспитывавших молодёжь. Шесть профессоров Варшавского университета были уволены со своих должностей с очевидным нарушением законности, которую Гомулка когда-то клялся восстановить. Вокруг студенческих волнений была развёрнута разнузданная демагогическая кампания, построенная на грязных инсинуациях. Среди вожаков студенческих демонстраций оказались евреи — дети тех самых деятелей госбезопасности, о которых была речь выше, а некоторые из преподавателей, присоединившихся к студентам, тоже были евреи, пришедшие с востока вместе с советскими войсками и активно участвовавшие в борьбе с "контрреволюционным подпольем". Это дало Гомулке повод к истерической антисемитской травле. Конечно, слово "евреи" заменялось прозрачным термином "сионисты"; менее прозрачны, но столь же понятны были польской публике намёки на чуждых Польше людей, пришедших за *чужой армией* с востока. Эта кампания была рассчитана на сочувствие человека с улицы и в значительной степени достигла цели. Интеллигенция и молодёжь не получили общественной поддержки.

Замечательно (и очень характерно для польской политики) двуличие этой кампании. Вместе с намёками на этих привезённых с Востока агентов громко демонстрировалась преданность и дружба с Советским Союзом. Предполагалось, что все поляки понимают и *одобряют* такое лицемерие! Лицемерие выставлялось как высокий образец патриотизма, но *не патриотично* было выражать те же чувства честно и открыто. Вероятно, история знает и другие примеры подобной гнусности, но их надо, пожалуй, искать вне круга европейской культуры. В Европе рабство никогда не рассматривалось как естественное состояние нации, а пресмыкательство перед сильным врагом — как гражданская доблесть.

Провокация Гомулки вызвала поток грязи, показавший всему миру, какое растление стояло за фасадом его показного либерализма. Чувствуя предстоявшую перетряску кадров, партийные и беспартийные чинуши соревновались в низости, пытаясь попасть в тон провокации. На пленуме ЦК ПОРП говорилось с трибуны, что в неудачах польской коммунистической партии были виновны проникшие в её руководство евреи, такие, как Роза Люксембург. В учреждениях были развешаны плакаты "Разгромим гнезда сионизма!", и немногих оставшихся в Польше евреев поголовно гнали с работы. Почти все они (30 или 40 тысяч) эмигрировали, лишив этим будущих правителей Польши простейшего способа разрешения возникающих проблем.

Между тем под шум пропаганды Гомулка провёл меры, ради которых и была затеяна провокация. Представ перед публикой в виде националиста и антисемита, он перехватил у Мочара ветер, раздувавший его паруса. Мочар потерял свою особую позицию и влияние. А главное — Гомулка снял с должности маршала Спыхальского, военного министра, и разогнал весь генералитет. Это позволяет нам правильно оценить смысл мартовской провокации. По-видимому, в армии назревал военный переворот — в духе лучших польских традиций, — и старый хитрец Гомулка сумел нанести предупреждающий удар. Итак, в марте 1968 года Гомулка совершил государственный переворот, прикрывшись дымовой завесой демагогии.

Избавившись от соперников, он правил теперь почти как диктатор. Он сбросил маску национализма и стал всё более ориентироваться на поддержку Москвы. Военным министром был назначен генерал Ярузельский, которого он сделал в 1964 году начальником политуправления польской армии. Очевидно, это и был его главный агент в армии: должность, которую занимал Ярузельский, и связанные с нею функции не вызывают сомнений. Через два года, когда позиции Гомулки ослабли, этот верный человек его предал.

В последние годы своего правления Гомулка изображал из себя нечто вроде диктатора. Он полагал, что польское общество достаточно запугано и опозорено весной 1968 года, а в партии все ключевые посты были заняты людьми, всячески заявлявшими ему преданность и послушание. Польские газеты стали скучней и глупей: не было никакой новой демагогии, и приходилось пробавляться смесью блудливо-подмигивающего национализма и лакейских реверансов в сторону Москвы. Госбезопасность обнаглела, запугивали всех, кого можно запугать, но не было новых массовых кампаний: Гомулка знал, что это опасное средство, и без крайней необходимости к нему

не прибегал. Впрочем, это было и трудно, потому что польское общество давно уже не верило никаким лозунгам, а для террора на сталинский манер в Польше не было покорных жертв и верующих исполнителей. Террор вообще несовместим с атмосферой цинизма и воровства, он предполагает добросовестность и серьёзность. Итак, Гомулка правил без славы и достоинства, никто его не любил, и его не особенно боялись. Поэтому он не был диктатором, как не был им и наш политический комедиант Хрущёв. Диктатура непременно должна опираться на террор, на страх, и есть лишь одно средство внушить людям достаточный страх, чтобы они её терпели; это средство — смерть. Чтобы стать диктатором, надо начать с безжалостного истребления своих политических и личных врагов, всё равно под каким предлогом, привести этим население в состояние шока, а затем поддерживать оцепенение общества периодическими казнями. Макиавелли изложил технику диктатуры в своём трактате "Князь", но тираны всех времён знали её, даже если не умели читать. Очень важно, что никакие более мягкие меры не достигают цели. Человек, боящийся убивать, не может быть диктатором. Лишение заработка или несколько лет тюрьмы запугают тех, кто не опасен, но не остановят тех, кого надо бояться. Недовольные останутся всегда, но есть лишь одно средство держать их разобщёнными и, тем самым, бессильными: это страх немедленной смерти. Хрущёв не был диктатором, он вообразил себя таковым. Не может быть диктатором и нынешний правитель Польши генерал Ярузельский, и власть его будет непрочной. Не могут быть диктаторами и московские старцы, делающие вид, будто управляют Россией.

Гомулка не был диктатором, но не встречал уже открытого сопротивления, а это вызывает всегда одну и ту же диктаторскую болезнь: он потерял чувство реальности. По-видимому, у него притупилась бдительность, этот матёрый интриган прозевал новую враждебную ему клику внутри аппарата. И ничем другим, кроме потери чувства реальности, нельзя объяснить новогодний подарок Гомулки польскому народу: общее повышение цен, объявленное в декабре 1970 года. Гомулка забыл, что цены следует повышать понемногу и украдкой, забыл о польской традиции, о рождестве, забыл о познанском расстреле, приведшем его к власти.

Ответом был рабочий мятеж на Побережье. Рабочие Гданьска, Щецина и Гдыни вышли на улицы. Навстречу им вышли войска "безпеки", польская госбезопасность, у них был приказ стрелять, и они стреляли. Было убито 45 рабочих, ранено около 500. Ворота № 2 Гданьской верфи имени Ленина, где пролилась рабочая кровь,

запомнились польскому народу. Теперь там стоит памятник, и правящая клика еще не решилась его снести.

Многое не ясно в декабрьских событиях. Ответственность за них легла на Гомулку, который, безусловно, должен был отдать приказ. Трудно будет распутать это дело, аппарат ревниво хранит свои тайны. Немногие, говорившие тогда по телефону или с глазу на глаз, знают, что им лучше молчать. Шестнадцать месяцев польской свободы не приоткрыли завесы над механизмом декабрьского побоища. Назвать какое-нибудь имя значило бы начать необратимый процесс, лавину разоблачений. Партийные чинуши были связаны круговой порукой, только этим они могли спасти свою шкуру. Убийство было осуждено, но убийц не разрешалось назвать — как и у нас после "двадцатого съезда". Но у ворот № 2 должен был начаться поворот истории.

Мятеж на Побережье был только началом, а между тем армейские части были ненадёжны. В некоторых местах, где их пытались использовать против рабочих, они отказались стрелять. Впоследствии в Польше говорили, что на запрос Гомулки, можно ли использовать армию, генерал Ярузельский дал отрицательный ответ; с этого заявления, подлинного или мнимого, и началась его популярность.

Когда армия отказывается стрелять, приходит конец власти. Партийные деятели, объединившись против Гомулки, сняли его с должности первого секретаря. Было объявлено, что он подал в отставку "по состоянию здоровья". Поляки узнали, что их новым начальником будет Эдвард Герек, до того — первый секретарь в Катовицком воеводстве.

---

5. Механизм разорения

Биография Герека началась необычно для партийного чиновника: он был вначале рабочим; более того, он вырос во Франции, знал французский язык, понимал европейские нравы и среди коммунистических деятелей мог сойти за джентльмена. Одной из особенностей перенаселённой и нищей Польши была массовая эмиграция. Польские крестьяне спасались от голода, и различные благотворительные общества облегчали им отъезд. Так создалась "Полония": это латинизированное название Польши означает польскую эмиграцию, насчитывающую теперь около десяти миллионов. Поляки направлялись больше всего в Соединённые Штаты, а из европейских стран — во Францию, связанную с Польшей традиционной дружбой. За границей они брались за самую чёрную работу, поскольку это были преимущественно крестьяне без квалификации. Во Франции поляки становились главным образом шахтёрами лотарингского угольного бассейна; уже и в то время, с конца прошлого и начала нынешнего века, европейские рабочие уступали нищим эмигрантам с Востока тяжёлые и грязные работы, особенно под землёй. Герек был шахтёром во Франции и приехал в Польшу после второй мировой войны. К полякам, приехавшим с Запада, в послевоенной Польше относились подозрительно. По-видимому, Герек был очень ловким человеком; он не стал больше работать под землёй, а устроился в партийном аппарате и продвигался по службе столь успешно, что, как мы видели, производил вместе с Циранкевичем официальное расследование после познанского расстрела. Циранкевич остался при Гомулке председателем Совета Министров, а Герек был членом Политбюро; ясно, что оба они принадлежали к числу деятелей, сделавших выводы из познанских событий и поддержавших "польский октябрь". Герек был первым секретарём в Катовицах, т. е. главным начальником Силезского угольного бассейна, от которого зависела вся польская энергетика. В качестве бывшего шахтёра он искал, разумеется, популярности, и в партийных кругах полагали, что он был у себя в Катовицах популярен. С шахтёрами в Польше всегда была особая проблема. Чтобы удержать людей на этой тяжёлой работе, им создавали всякие льготы и привилегии, давали относительно высокую зарплату. Как мы увидим дальше, это была бесстыдная политика эксплуатации, понуждавшая шахтёров отдавать

за эти подачки своё здоровье. Во всяком случае, Герек справлялся со своей задачей, как-то удерживал силезских шахтёров в спокойном состоянии, и потому в партийных кругах его считали ловким человеком. Что касается шахтёров, то я думаю, что они и тогда уже имели о таких людях собственное мнение.

Герек провозгласил второе "обновление". Было признано, что "польский октябрь" не оправдал возложенных на него надежд, что партия снова впала в бюрократические извращения, опять оторвалась от рабочего класса, *потеряла доверие народа.* Это второе покаяние партии уже не вызывало никакого сочувствия. Если в октябре 1956 года в Гомулку поверили многие, в том числе бывшие коммунисты-подпольщики, интеллигенты старого склада, даже иностранцы, искавшие в Польше того, что чехи потом назвали "социализмом с человеческим лицом", если Гомулке удалось временно успокоить польских крестьян, отдав им землю, и на какое-то время обмануть польских рабочих, посулив им заводское самоуправление, то демагогия Герека производила с самого начала жалкое впечатление. Даже в польских газетах это второе "обновление" выглядело неловким маскарадом. Чувствовалось, что сами журналисты, подрядившиеся служить Гереку, решительно ни во что не верят; это были те же люди, которые служили своим пером Гомулке и окончательно изолгались, обслуживая его пропаганду на всех стадиях её разложения. Они едва связывали концы с концами в своих статьях; было в этих статьях что-то вымученное и надрывное, вроде заклинаний отъявленного алкоголика, что он никогда больше не возьмёт в рот спиртного. Эта болтовня никого уже не могла обмануть: аппарат оставался на месте, и весь смысл происходящего был в том, чтобы партийные воры могли по-прежнему безнаказанно красть. В 1971 году в Польше ни у кого больше не было иллюзий. Поэтому Герек не слишком полагался на свою пропаганду, а искал выхода из экономического тупика. Некоторый временный выход он нашёл; ему могло казаться, впрочем, что он нашёл радикальное лечение для своего режима. Вероятно, биография Герека содействовала этому выбору, поскольку он вырос на Западе и не так боялся соблазнов "капитализма", как наши московские старцы.

На первый взгляд план Герека мог показаться разумным. Он видел, что Польша со всей своей послевоенной индустриализацией, превратилась в техническое захолустье, что качество польских изделий и самый ассортимент их не позволяет Польше выйти на мировой рынок, а это не даёт ей использовать единственное её богатство — дешёвую рабочую силу. На глазах у всего мира Испания

пережила в шестидесятых годах “экономическое чудо”: эта страна, столь же бедная, как Польша, источниками сырья, с такой же неблагодарной землёй, сумела создать современную промышленность и повысить свой жизненный уровень благодаря тому, что испанские рабочие и стремившиеся в города крестьяне привыкли довольствоваться немногим и готовы были трудиться за небольшую долю того, что получали их собратья в более развитых странах. И они не могли потребовать слишком много, потому что полиция Франко опекала их не хуже польской “безпеки”. Почему бы не устроить польское экономическое чудо? Польские рабочие тоже получат от него какие-то выгоды, обзаведутся малолитражными машинами и оденут своих жён в модные тряпки, и всё равно они останутся *дешёвой* рабочей силой, — в этом весь фокус!

Чтобы правильно оценить план Герека, надо понять производственную систему, сложившуюся в Польше после войны, и отношение этой системы к современному мировому рынку. Как мы уже знаем, в Польше была проведена “индустриализация” по советскому образцу. Такая же индустриализация была у нас в тридцатые годы, она очень дорого стоила нашей стране, и полезно напомнить, к каким результатам она привела. По принятым тогда сталинским догмам создавалась преимущественно тяжёлая индустрия, главной целью которой было производство машин. Должно было быть как можно больше тяжёлой промышленности, а о лёгкой думали очень мало; иначе говоря, промышленный процесс не был направлен на удовлетворение человеческих потребностей, а рассматривался как самоцель. Иностранцы впоследствии назвали эту экономическую систему “производством без потребления”. Важнейшими “плановыми показателями” были *количество* выплавленной стали, *число* сделанных подшипников, тракторов и автомобилей. При этом никого не беспокоило, что сталь расходовалась впустую, подшипники не нужны были для изготовляемых машин, а тракторы и автомобили ржавели в снегу, потому что для них никто не запланировал построить сарай. Важно было лишь количество, число и проценты. Это называлось “плановым хозяйством” и противопоставлялось капитализму с его “анархией производства”. Согласованность производства должна достигаться в такой системе необычайной тщательностью планирования; но она никогда не достигается, если нет обратного воздействия потребления на производство, то есть свободного рынка. На нынешнем кибернетическом языке это называется “системой без обратных связей”. Всё это началось в годы первых “пятилеток” и продолжается по сей день.

Тяжёлая промышленность была создана ценой чудовищных жертв и лишений. Были построены тракторные, автомобильные, станкостроительные заводы. Оборудование этих заводов поставили и смонтировали иностранные фирмы — главным образом американцы. Наша официальная история предпочитает об этом не вспоминать, приписывая всё это отечественной технической мысли. По тем временам это были неплохие заводы, но уже при самой постройке они успели устареть, а технология их эксплуатации никогда не отвечала принятым на Западе нормам. Затем уже некогда и не на что было всю эту технику обновлять: невозможно было выжать из населения ещё больше валюты, и вскоре началась война. Польская индустриализация равнялась на "передовую технику страны социализма", которая была в действительности музеем американского старья. Это старье и должны были воспроизводить польские инженеры, многие из которых были квалифицированные специалисты, понимавшие, что происходит.

Если исключить военное производство, *в конечном счёте* из этой системы должны были выйти товары, и кто-то должен был эти товары покупать. Польша давно уже стала промышленной страной, вынужденной вывозить свои изделия, чтобы ввозить продовольствие и сырье. Единственным рынком для польских товаров мог быть *восточный* рынок, главным образом, советский; на *мировом* рынке польские изделия не выдерживали конкуренции по той же причине, что и наши.

Дело в том, что мировой рынок представляет собой в наше время необычайно сложную систему, с точнейшей специализацией и обязательной международной кооперацией. В прошлом веке и ещё в начале нынешнего почти всё производимое в данной стране могло быть сделано из составных частей, сделанных в ней же; ввозились только некоторые виды минерального сырья. В наше время так работать нельзя. Весь мировой рынок представляет теперь единое хозяйство, в котором каждый материал, каждая машина, нередко отдельная деталь вырабатывается в определённых местах, определёнными предприятиями, специализирующимися на этих предметах. Их огромный технический опыт, накопленный десятилетиями, их капиталовложения, их часто уникальное оборудование позволяют им делать тот или иной предмет лучше, быстрее и дешевле, чем где-либо в другом месте. Воспроизвести или заменить всё это оказывается очень дорого, а в ограниченное время просто невозможно. Поэтому всякий, кто хочет построить завод, изготовить машину или наладить производство какого-нибудь потребительского то-

вара, должен знать, где выгоднее всего купить нужные для этого изделия. Сплошь и рядом желательный производитель находится в другой стране; приходится покупать множество всяких вещей за границей. Всё решает экономический расчёт. Кто не следует этому расчёту и пытается сделать всё собственными средствами из собственных материалов, у того качество товаров будет ниже, а затраты на их производство — выше. Но такие товары не смогут выдержать конкуренцию на мировом рынке, где спрос всегда вызывает обильное предложение. Впрочем, замкнутое народное хозяйство (автаркия) теперь невозможно уже из-за недостатка сырьевых ресурсов. Одна Россия обладает всеми видами возможного сырья, другие страны вынуждены импортировать, чтобы производить. Но и при самых богатых недрах автаркия ведёт в тупик. Страна с замкнутой системой производства или включённая в систему нескольких стран, но изолированная от мирового рынка, вскоре превращается в музей устаревшей техники, и отсталость её неизбежно растёт. Она производит плохие и дорогостоящие товары, которые приходится защищать от конкуренции с помощью таможенных запретов или государственной монополии внешней торговли. И, конечно, без коренной реорганизации своей промышленной системы такая страна не может выйти на мировой рынок. Но такая реорганизация требует больших капиталовложений, а необходимую для этого валюту можно выручить лишь на мировом рынке, продавая свои товары. Таким образом, автаркия заводит экономику страны в заколдованный круг.

Мы просим у читателя извинения за эти избитые истины, вероятно, известные ему по опыту нашей собственной страны. Некоторые истины столь важны, что их следует повторять, не спрашивая, насколько они известны. Согласно пословице, повторенье — мать ученья, и как раз в экономике самым очевидным образом расплачиваются те, кто не хочет учиться.

Что же делать, если нет денег на капиталовложения? Можно попытаться их занять. По этому пути и пошёл Герек. Впрочем, он был не так уж оригинален. Влезли в долги и другие “страны социализма” — Венгрия, Румыния, ГДР. К тому же средству хотел прибегнуть и Брежнев — в то же время, в начале семидесятых годов; план его был скромнее плана Герека, но в том же роде, и главным содержанием его были займы. Брежнев выпрашивал займы в Америке, в Японии, в ФРГ, но ему почти ничего не дали. А Герек получил крупные займы, смог развернуть свой план и довёл его до логического завершения.

На занятые деньги Герек хотел модернизировать польскую промышленность, купив на Западе новейшие машины и технологические разработки. Он ориентировал страну на трудоёмкие, тонкие виды производства, требующие больших затрат квалифицированной рабочей силы, но небольшого количества сырья. Так всегда поступали страны с плотным населением и бедными ресурсами, а Польша была как раз такая страна. Польша должна была изготовлять сложные машины и приборы, электронное оборудование, всё самое современное, производить всё это современными методами в массовых масштабах — словом, подражать уже не испанцам, а японцам, которые и приводились полякам в пример, как образец трудолюбия, бережливости и практического смысла. Предполагалось, что поляки должны будут при этом довольствоваться, подобно японцам, скромным доходом, так что современные изделия будут дёшевы и пойдут на мировой рынок, принося Польше валюту. Тогда можно будет и расплатиться с долгами, а пока, во время реконструкции, на занятые деньги можно и кормиться. Это значит призанять немножко из будущего богатства, а раз это богатство неизбежно придёт — стоит ли экономить на мелочах!

Может показаться странным, что Гереку дали деньги на эту авантюру. Но он получил немалые деньги, 27 миллиардов долларов, что в расчёте на душу населения представляет тяжкое бремя. Герек занял столько денег на Западе, что трудно представить себе, когда Польша сумеет выплатить свои долги. Возникает вопрос: почему Гереку удалось получить так много денег? Почему ему верили в долг?

Чтобы понять это, нам придётся снова припомнить несколько избитых истин, на этот раз касающихся кредита.

Кредитор не делает одолжения своему клиенту, он вкладывает деньги с целью извлечения дохода. Это значит, что он получает с должника проценты, которые тот обязуется выплачивать в установленные сроки. Но это обычно не единственная и даже не главная цель кредита. Ростовщический кредит — торговля деньгами безотносительно к тому, на что они пойдут, — в наше время очень редок, и это совсем не тот вид кредита, который нас теперь интересует. В наше время обычно запрашивают кредит для определённой цели, для оплаты каких-нибудь закупок или проведения какого-нибудь проекта. Кредит предоставляет учреждение, заинтересованное в этих закупках или в этом проекте. Иногда это бывает фирма, желающая сбыть свою продукцию: она поставляет свои товары в долг, в обмен на обязательство выплатить этот долг в определённый срок, иногда

через много лет; тем временем покупатель выплачивает фирме проценты, так что в итоге товар обходится ему дороже, чем в случае покупки за наличные. Ясно, что фирма заинтересована в таком повышении стоимости товара: возвращения долга приходится ждать, но это не беспокоит фирму, поскольку тем временем поступают платежи по другим кредитам, предоставленным много лет назад. Таким образом расширяется круг покупателей: наряду с "предусмотрительным" покупателем, накопившим нужные деньги и оплачивающим наличными, появляется "перспективный" покупатель, не имеющий пока наличных, но рассчитывающий их заработать за время контракта. В этом смысле надо понимать крылатую фразу "кредит — двигатель торговли". Впрочем, предоставление кредита непосредственно фирмой, заинтересованной в сбыте своей продукции, — не очень распространённый случай в наше время. Теперь кредиты на покупку какого-нибудь товара предоставляет обычно банк, связанный с фирмой, выпускающей этот товар. Деловые отношения между банком и фирмой, которую он финансирует, доставляют банку не только проценты, поступающие от должника, но и другие выгоды, происходящие от расширения или поддержания производства. Наконец, существует ещё государственный кредит, предоставляемый правительством той или иной страны через контролируемые им банки. Государственный кредит тоже даётся под проценты, но эти проценты обычно меньше, чем в случае частного кредита, и цели его не столь прямолинейны. Он может, например, ставить себе целью стимулирование какой-нибудь отрасли промышленности своей страны или общее оживление деловой обстановки (конъюнктуры). В таких случаях кредит предоставляется для закупки изделий определённой фирмы или же вообще товаров своей страны. Это не значит, что государство получает за это от промышленности какое-то вознаграждение: стабилизация экономики часто является одной из главных целей внутренней политики. В других случаях государственный кредит преследует внешнеполитические цели и предназначается для стабилизации или развития экономики чужой страны или для неэкономических целей.

Ясно, что предоставление кредита, в особенности иностранному клиенту, требует гарантий. Если речь идёт о фирме или учреждении в той же стране, то, очевидно, кредит может быть предоставлен в сумме, не превосходящей стоимости всего имущества клиента, с учётом всех его возможных обязательств. В случае неплатежеспособности клиента — неуплаты процентов или основной массы долга в установленные договором сроки — кредитор обращается в суд, ко-

торый налагает арест на имущество клиента и, в случае надобности, распоряжается о продаже этого имущества с аукциона: вырученные деньги идут на покрытие долга. Неплатежеспособный клиент называется *банкротом.* Дела о банкротстве по закону подлежат публикации, так что фирма, не выполнившая своих обязательств, сразу же теряет всякий кредит, в соответствии с первоначальным смыслом этого слова (“доверие”); обычно она прекращает на этом своё существование. Лица, виновные в умышленном банкротстве, подлежат уголовной ответственности. Таким образом, гарантией кредита служит имущество клиента.

Сложнее обстоит дело в случае иностранных кредитов. Если клиентом является фирма или учреждение, то, в принципе, долги могут быть взысканы через суд той страны, в которой действует эта фирма или учреждение, но для этого нужны юридические условия, создаваемые с помощью государственных договоров. Вопрос о гарантиях особенно осложняется, когда клиентом оказывается иностранное государство. Поскольку нас интересуют так называемые “социалистические” страны, где вся промышленная деятельность, финансы и внешняя торговля составляют государственную монополию, мы дальше рассматриваем именно этот случай. Возникает вопрос: каким образом можно взыскать долги с иностранного государства, когда оно отказывается платить? Легко понять, что это почти невозможно; во всяком случае, нельзя добиться уплаты долгов мирными средствами, войну же в качестве средства урегулирования платежей можно в наше время не принимать в расчёт. Конечно, “государственное банкротство” представляет собой редкое явление в новой истории; в Европе когда-то бывали короли, отказывавшиеся платить долги, но это было очень давно. В XIX веке оказались банкротами Турция и Египет, монархии средневекового типа, попавшие в долговую зависимость к европейским кредиторам. Поскольку эти кредиторы имели решительное военное превосходство над должниками, они навязали им международную финансовую опеку.

Первым примером государственного банкротства в двадцатом веке была советская Россия. Как известно, советское правительство отказалось платить “царские долги”, объяснив это идеологическими мотивами. Но международное право всегда связывало долг не с физическим, а с юридическим лицом должника: люди смертны, правительства не вечны, и тот, кто наследует имущество должника, тем самым наследует долг. Легко понять, что в противном случае вообще нельзя было бы вести дела. Поэтому и кредиторы России

— государственные и частные банки — настаивали на преемственности русского долга, полагая, что советское правительство, унаследовавшее имущество царского правительства и вдобавок имущество всех частных предприятий, обязано уплатить то, что им причиталось. Банкиры нечувствительны к идеологии, они должны удовлетворить акционеров, доверивших им свои деньги. Октябрьская революция разорила не столько банкиров, сколько мелких держателей акций, особенно французских рантье, вложивших в русские займы свои сбережения. Финансовое банкротство советской России оставило тяжёлый отпечаток на истории её международных отношений. Оно задержало её дипломатическое признание (в случае США — до 1933 года) и, главное, лишило её кредита. Практически все заказы на оборудование приходилось оплачивать *наличной валютой.* Ценой первых "пятилеток" была жизнь людей, из которых выжималась эта валюта, главным образом, голодающих крестьян, у которых насильственно изымались продукты для "демпинга" — продажи по любой цене на мировом рынке. Ужасы коллективизации имели, таким образом, экономическую причину: непосильные расходы на "индустриализацию" при невозможности получить кредит.

Во второй мировой войне Советский Союз оказался на стороне "западных демократий", и им приходилось поддерживать его военную силу. Советское правительство получало оружие, материалы, продовольствие главным образом от Соединённых Штатов — в виде займа, подлежавшего возврату после войны; это был так называемый "ленд-лиз". Ленд-лиз сыграл важную роль в победе над фашистской Германией; поскольку были периоды, когда в Советском Союзе полностью прекращалось производство важнейших стратегических материалов, сомнительно, чтобы эта победа была вообще возможна без ленд-лиза. Конечно, во время войны надо было любой ценой предотвратить крушение восточного фронта, и вопрос о гарантиях не возникал. Когда же война была выиграна, Сталин отказался платить долги по ленд-лизу, опять по идеологическим мотивам. Нас не интересует здесь основательность его рассуждений; достаточно отметить тот факт, что второе банкротство советского правительства не улучшило его шансы на кредит и обрекло хозяйство нашей страны на бесконечное прозябание автаркии.

Примеру советского правительства последовали правительства других "социалистических" стран, также отказавшихся платить довоенные и военные долги, а затем и некоторые некоммунистические режимы, возникшие после государственных переворотов. Во всех

таких случаях ответственность за долги сваливалась на экспроприированных бывших хозяев, а поскольку у тех больше не оставалось имущества, то кредиторам приходилось подсчитывать всё новые потери. Ясно, что в таких условиях ни одна фирма, ни один банк не хотел верить в долг "социалистическим" странам: они требовали *гарантий.*

После смерти Сталина советское правительство приложило много усилий, чтобы изменить это крайне невыгодное для него положение вещей. На Западе старательно поддерживалось впечатление, что "обычные", не очень старые и не военные обязательства советское правительство всё же выполняет. Действуя таким образом, Москва добилась некоторых краткосрочных кредитов для покупки самых необходимых товаров. Но это было слишком уж мало. Ведь теперь Россия должна была ввозить хлеб из Америки и Канады, мясо из Аргентины и Австралии, много такого, без чего раньше можно было обойтись. Ситуация в стране существенно изменилась: уже нельзя было доводить население до голодной смерти. Но кредитов недоставало, и приходилось из года в год отдавать за границу почти всё добытое золото. Мы стали страной без хлебных и золотых резервов. Всё это надо знать, потому что вскоре нам придётся встретиться с вопросом: может ли московское правительство прокормить разорившуюся Польшу, и если не может, то почему?

При таких условиях не могло быть и речи о коренной перестройке хозяйства и выходе из технического тупика. Московскому правительству нужны были очень крупные и долгосрочные кредиты, и к началу семидесятых годов Брежнев начал хлопотать о таких займах — в то же время, что и Герек. Когда требовались капиталовложения, соразмерные с потребностями России, число возможных кредиторов сразу же свелось к минимуму. Кое-чем могли помочь ФРГ и Япония, но необходимо было получить финансовую поддержку самой богатой страны в мире — Соединённых Штатов. Естественно, американское правительство с осторожностью рассматривало перспективу модернизации своего главного политического врага, хотя бы и на деньги частных компаний. Да и частные компании, при всей соблазнительности нетронутого рынка, неисчерпаемых источников сырья и дешёвой, покорной рабочей силы России, не торопились прийти на помощь Брежневу: они требовали *гарантий.*

Хотя внешняя торговля и составляет сравнительно небольшую часть американской экономической системы, механизм внешнеторговых операций давно установился, и вопрос о гарантиях решён американским законом. Американское правительство, заинтересован-

ное в поддержании деловой активности, может предоставить такие гарантии американской компании, намеревающейся вложить свои деньги за границей. По закону гарантии предоставляет Экспортно-Импортный Банк Соединённых Штатов. Этот государственный банк может принять на себя обязательство компенсировать американского инвестора (вкладчика капитала) в случае, если его иностранный партнёр откажется выполнить свои обязательства, как это бывает в результате государственного переворота, национализации и т. п. Более того, Экспортно-Импортный Банк может, по его уставу, и добавочно поощрить некоторое капиталовложение, предоставив тому же клиенту *государственный* заём, не превышающий суммы частного займа. Но по тому же уставу банк имеет право предоставить гарантии лишь в том случае, когда капитал вкладывается в стране, пользующейся “*режимом наиболее благоприятствуемой державы*”.

Вокруг этого вопроса вращается вся машина отношений между двумя блоками, и уместно разъяснить, что означают только что приведённые слова.

Первоначально они означали определённый таможенный режим. Правительства двух стран заключали договор, устанавливавший таможенные тарифы на товары, ввозимые из одной страны в другую. Если впоследствии какая-нибудь третья страна вела переговоры с последней, то она обычно настаивала, чтобы тарифы на её товары были не выше, чем установленные ранее. Постепенно выработалось требование, чтобы тарифы для данной страны были не выше, чем для любой другой страны, заключившей ранее таможенное соглашение; это и называлось “режимом наиболее благоприятствуемой державы”. Такой режим приходилось, естественно, предоставлять всем странам, с которыми не было особенных конфликтов; таким образом, речь идёт не о какой-нибудь привилегии, а об общем правиле, и отступление от этого правила означает особое наказание для страны, не пользующейся этим режимом. Наказание может объясняться экономическими причинами (например, особой опасностью какого-нибудь товара для внутренней конкуренции) или политическими причинами, не связанными с определённым товаром; поскольку наказываемая страна не пользуется “наиболее благоприятствуемым режимом”, торговля с нею облагается более высокими таможенными сборами, каждый раз по особому тарифу.

Конечно, таможенные сборы далеко не безразличны для московского правительства, тем более, что некоторые виды современной техники и технической информации вообще запрещено вывозить в

Советский Союз; но этот болезненный вопрос не может сравниться по значению с вопросом о займах. Москва много лет добивалась "режима наибольшего благоприятствования" ради американских кредитов. Американские компании всячески соблазнялись перспективами "экономического сотрудничества" с Россией — иначе говоря, эксплуатации народов России совместно с нашим правящим классом. Объективно у этого класса остался единственный выход: запродажа России иностранному капиталу, при котором партийные деятели могли бы сохранить за собой роль посредников (компрадоров). Но продать Россию трудно, да и колонизировать её нелегко. Пока московское правительство не хочет идти на политические уступки, а затевает авантюры во всех частях света, американские правящие круги полагают, что серьёзные сделки с Москвой приходится отложить. Москва не может добиться "режима наибольшего благоприятствования", а это значит — никаких гарантий и очень мало кредитов.

Посмотрим теперь, как выглядит вопрос о кредитах в применении к Польше. Польша всегда была слабым звеном советской системы, а с 1956 года в Польше были самые свободные, по меркам этой системы, условия внутренней жизни. Очевидно, всякая политика, ставящая себе целью ослабление советской системы, должна была ухватиться за это звено. Безусловно, такова была политическая линия каждой американской администрации, начиная с 1956 года, и это не могло быть иначе. Нынешняя советская пропаганда, жалующаяся на "подрывную деятельность" американцев по отношению к Польше, обвиняет их в том, что они преследуют свои собственные интересы, а не интересы Москвы. Но равновесие в мире может быть лишь результатом примирения интересов, и только советская пропаганда представляет его фантастической идиллией, в которой все народы жертвовали бы своими интересами для удовольствия московских правителей. Американцы преследовали свои интересы, но их интересы совпадали с интересами польского народа, стремившегося к независимости от России. И если при этом мог быть разрушен сложившийся в Польше "социалистический строй", то мы уже видели, каков был этот строй. Таким образом, американская политика ставила себе целью отколоть Польшу от советского блока, и с точки зрения польских интересов её можно упрекнуть лишь в том, что она была недостаточно последовательна, слишком оглядывалась на Москву.

Герек разыгрывал независимость от Москвы, и хотя Польша продолжала входить в Варшавский пакт, хотя в Польше продолжали

находиться советские войска, в этой игре Герека были, с западной точки зрения, определённые позитивные элементы. В самом деле, создание в Польше современной промышленности, ориентированной не на торговлю с Россией, а на мировой рынок, означало ослабление экономических связей Польши с Москвой. Как мы уже видели, мировой рынок представляет единую систему, и Польша, вмонтированная в эту систему, не могла бы без неё существовать. Каждый польский завод, построенный по западной лицензии, мог бы работать лишь при своевременной поставке материалов, оборудования и запасных частей, какие продаются лишь на западном рынке. Такое положение вещей могло быть выгодно Польше, если бы план Герека завершился успехом; но оно во всяком случае было выгодно его западным партнёрам, и прежде всего американцам, преследовавшим свои политические цели. Можно понять, почему Гереку с начала его правления был предоставлен "режим наиболее благоприятствуемой державы" и, тем самым, гарантированный кредит.

Американцы, безусловно, рассчитывали отколоть Польшу от советского блока, но вовсе не ставили себе целью её разорить. С их точки зрения, Польша могла извлечь выгоду из кредита, как извлекли её страны Западной Европы из плана Маршалла. Они вряд ли понимали, к чему могут привести щедрые кредиты, предоставленные "социалистической" стране. Вряд ли понимал это и Герек с его кликой, для которых это предприятие оказалось ловушкой. Герек и его люди думали только о себе. Они хотели спастись от хозяйственной катастрофы, но ухитрились её ускорить.

Понимала ли Москва, что происходит? Если не говорить о старцах, борющихся за первоклассное медицинское обслуживание, то эксперты в Москве, каковы бы они ни были, не могли не понимать, что Польша отплывает в сторону, ведёт свою собственную игру. Но к тому времени московским деятелям уже приходилось мириться с целым рядом таких явлений: каждая из "социалистических" стран мудрила по-своему в экономических делах, Венгрия ударилась в постоянный НЭП, Румыния совсем отбилась от рук, и приходилось довольствоваться жестами политической покорности, закрывая глаза на внутренние дела своих собратьев. Проще всего было не говорить старцам, что в Польше происходит что-то особенное. Не сомневаюсь, что именно таков механизм нашего нынешнего правительства.

Герек принялся за дело с большим размахом. Он искал деньги повсюду, не только в Соединённых Штатах. То обстоятельство, что американское правительство гарантировало Польше кредиты, со-

здавало для неё благоприятную ситуацию и в других местах. Сотни частных банков и фирм решились принять участие в польском экономическом чуде; они всячески обхаживали разосланных повсюду польских эмиссаров, добиваясь заказов. Вокруг польской модернизации возник бум — небольшой по масштабам западной экономики, но для Польши совсем немалый.

У Герека были причины торопиться. Два или три миллиона молодых людей, оканчивавших средние школы, должны были оказаться без работы: Польша всегда была перенаселённой страной, и, как только выровнялись демографические последствия войны, эта проблема встала во весь рост. Чтобы устроить эту молодёжь, надо было создать миллионы рабочих мест. Это стимулировало гигантоманию, тенденцию к строительству огромных предприятий. Для этих предприятий строили новые здания, даже в тех случаях, когда можно было использовать старые: всё начиналось с фундамента, закладывалось одновременно множество фундаментов, и при этом очень мало думали, когда будут возведены здания на этих фундаментах, как будут связаны между собой построенные предприятия, куда они будут сбывать свою продукцию. Это был, как тогда выражалась польская пропаганда, "радостный творческий труд": рабочие руки были заняты, и тех же кредитов хватало, чтобы наполнить желудки.

Чиновники, как всегда, следовали духу времени. Сторонники решительных перестроек и широких масштабов могли рассчитывать на поощрение; осторожные люди, делавшие возражения и подсчёты, рассматривались как консерваторы, лишённые творческого воображения. В каждом проекте выбирался самый внушительный вариант: это было залогом быстрой карьеры. В то время как во всём мире отказывались от громоздких автомобилей и переходили к малолитражным, Польша заложила автозавод, рассчитанный на производство самых дорогих машин, пожирающих как можно больше бензина. Кузова этих машин должен был штамповать прокатный стан, производительность которого была несоизмерима с этим заводом и вообще ни с чем не сообразна: его пускали в ход лишь для демонстрации, по случаю приезда разных делегаций, и отштампованных таких образом кузовов хватало с избытком. В большинстве случаев, впрочем, новые предприятия вообще не действовали, строительство без конца затягивалось, зачастую дело ограничивалось возведением огромных зданий без оборудования, и даже здания редко доводились до конца: Герек оставил потомству руины недостроенных корпусов. Чиновники всячески старались выполнить планы, любыми средствами создать впечатление, будто они выпол-

няются. Нередко устраивались торжественные церемонии, изображавшие пуск какого-нибудь предприятия: приглашалась правительственная делегация, поворачивали рубильник, что-нибудь вертелось и стучало, а затем начальству подносили заранее припасённые изделия.

Дорогое оборудование, прибывавшее из-за границы, годами простаивало без употребления, а нередко, по хорошо известным образцам, ржавело под дождём и снегом. Тем временем польские министерства переживали свой высший час, время неслыханных возможностей. Все допущенные к дележу кредитов запускали руки в даровую валюту. Чиновники устраивали себе под любым предлогом заграничные командировки. Когда деятелям министерства машиностроения захотелось прокатиться в Японию, решили заказать там автоматическую линию для производства станков: впоследствии никто не мог объяснить, зачем понадобились эти станки. Потом шестнадцать месяцев польские газеты рассказывали подробности этой вакханалии, называли местности, даты, имена — все шестнадцать месяцев польской свободы. И сказана была лишь небольшая часть правды, потому что было слишком мало свободы.

О чём же думали банкиры? Чтобы понять, что может выйти из кредитов в руках партийного аппарата, понадобилось бы гораздо больше воображения, чем можно ожидать от банкиров. Банкиры совсем не умны, они всего лишь специалисты. А общественное мнение Запада следовало вечной привычке — судить о других по самим себе. Конечно, на Западе предполагали, что Польша, взвалившая на себя тяжкое бремя долгов, примется работать над своей реконструкцией, работать столь же расчётливо и усердно, как страны Западной Европы, получившие по плану Маршалла кредиты для послевоенного восстановления. Конечно, никому на Западе не приходило в голову, что эти занятые деньги, которые придётся в поте лица своего отрабатывать ещё и следующему поколению, будут расточены, пущены на ветер или просто украдены польским партийным балаганом. Самый коварный план разорения Польши не мог бы привести к столь разрушительным последствиям — но *не было такого плана*: как сказал некогда Наполеон, “нет ничего более редкого, чем план”.

В Польше был поставлен исторический опыт, поучительный и для России. Надо полагать, банкиры тоже сделают из него свои выводы. Впрочем, как знать? Ведь банкиры — всего лишь специалисты. Те, кто даёт им гарантии, тоже специалисты и тоже не станут платить из своего кармана. За всё рассчитается налогоплательщик.

Между тем в Польше была и прежняя промышленность, построенная в послевоенные годы или унаследованная от старых хозяев. Эту промышленность держали в чёрном теле, и она приходила в упадок. Правительство, устремлённое к валютному будущему, относилось к ней, как к неприятной обузе. Можно было подумать, что элегантные жулики, наслаждавшиеся жизнью в Варшаве, стыдились собственного прошлого, всех этих ударных строек социализма, работяг в дырявых ватниках и назойливой опеки с Востока.

Была, впрочем, одна старомодная отрасль промышленности, которой варшавские жулики уделяли внимание. Польша получила от Германии Силезский угольный бассейн, и это было для неё очень важно, поскольку страна лишена других источников энергии. В частности, в Польше практически нет нефти, и всё жидкое горючее поставлял ей Советский Союз, что было экономически выгодно, но политически опасно. Уголь же в Польше есть, и ценность этого угля в семидесятые годы резко возросла в связи с катастрофическим повышением цен на нефть. Теперь выгодно было экспортировать уголь, он приносил валюту, а это было для Герека важнее всего. Он хотел получить от силезских шахтёров как можно больше угля на экспорт, но вовсе не хотел обновлять шахтное оборудование: для этого надо было *вкладывать* в Силезии значительную часть поступающей от неё валюты, а это не имелось в виду. Как и вся "старая" промышленность, шахты ветшали, приходили в упадок. От технических условий зависит жизнь и здоровье людей, работающих под землёй. Герек, как все ренегаты, относился к своим бывшим товарищам по классу с циничным расчётом. Он подкупал их подачками и льготами: это было дешевле, чем модернизировать шахты или даже содержать их в приличном виде. При всех этих подачках польский шахтёр оставался самым дешёвым шахтёром в Европе — по этой причине польский уголь и мог выдержать конкуренцию на мировом рынке.

Когда силезские шахтёры уходили на пенсию, они были инвалиды, но далеко не все выдерживали до пенсионных пятидесяти лет. Ведь среди их болезней были силикоз, туберкулёз, искривление позвоночника. И ещё были взрывы и обвалы, потому что во всей Европе не было более запущенных шахт. В Силезском бассейне легче было получить квартиру, некоторые пытались развести огороды. Но воздух в угольных районах был так грязен, что овощи стали ядовиты: было официально запрещено их есть. Очень трудно было найти желающих работать на шахтах. Из семи подготовленных шахтёров оставался один.

Угольная политика Герека была не только преступлением против людей, но и технической авантюрой. Он стал на путь хищнической эксплуатации: приказано было разрабатывать шахты, не считаясь с потерями. На тонну добытого угля приходилось две или три тонны, похороненного в земле, потому что уголь нужен был как можно быстрее. Поскольку старые шахты истощались, а новые не закладывались, эта политика должна была привести к резкому падению добычи уже через десять-пятнадцать лет. Судьба польских шахт не вызывала сомнения: после Герека их ждал в буквальном смысле потоп.

Пока развёртывалась вся эта промышленная эпопея, поляков надо было кормить. Некоторое время можно было кормить их на занятые деньги, но, очевидно, это не могло продолжаться долго. Польша всегда нуждалась в привозном продовольствии, особенно хлебе. С каждым годом труднее было получать продовольствие с востока, потому что возможности Москвы уменьшались. Единственным выходом было развитие собственного сельского хозяйства. Но польское сельское хозяйство не развивалось.

Как мы уже знаем, после реформы 1956 года польские крестьяне получили обратно свою землю, и Польша стала первой "социалистической" страной без колхозов. Около 15% земли осталось в совхозах, но 85% принадлежало частным владельцам. Можно было ожидать, что такая политика позволит разрешить продовольственную проблему или, во всяком случае, уменьшить её остроту. В советской России эта проблема исчезла (единственный раз в её истории!) во время НЭПа, когда крестьянам — тогда ещё обыкновенным крестьянам, а не колхозникам — было разрешено продавать свои продукты. Первое время, казалось, польская деревня вздохнула свободнее, и можно было надеяться, что дела пойдут лучше. Но дела шли из года в год всё хуже.

Польша не похожа на Россию, и тем более нынешняя Польша на Россию двадцатых годов. Прежде всего, Россия богата плодородными землями и не очень густо населена, она всегда могла себя прокормить — до введения колхозной системы. В двадцатые годы подавляющее большинство населения жило в деревне и занималось сельским хозяйством, поэтому требовалось, в относительном выражении, не так уж много товарной продукции (избытка продукции, поступающего на рынок). Три человека, живших в деревне, могли прокормить одного горожанина даже с помощью примитивных методов хозяйства, без использования машин, химических удобрений и т. п. — достаточно было не мешать им производить продукты

и не преграждать этим продуктам путь на рынок.

В Польше мало хороших земель, и больше половины населения живёт теперь в городах. Сельское население всё ещё очень значительно, близко к городскому, но производство в крестьянских хозяйствах осталось почти столь же примитивным, как до войны. Конечно, после роспуска колхозов крестьяне не получили машин, их передали в совхозы. Формально крестьянин имеет право владеть сельскохозяйственными машинами, но ему их негде купить. Государственная промышленность производит их очень мало, ведь это старомодное производство, работающее для внутреннего потребления, и почти всё, что производится, получают те же совхозы (а от них, естественно, нет никакого проку). Власть всегда рассматривала крестьянина как классово чуждый элемент, потенциальный зародыш капитализма. Ясно, что незачем было вооружать его машинами: так он мог бы, пожалуй, разбогатеть, стать экономической и политической силой. Итак, польскому крестьянину негде было взять машины. Точно так же он не мог добыть химические удобрения и ядохимикаты, чтобы повысить урожайность своей земли. Наконец, он не мог найти строительные материалы: починить дом стало для него трудной проблемой, и совсем уже невозможно было построить помещение для скота. Если прибавить ещё, что в Польше невозможно было купить корма, то становится ясно, почему мясо превратилось в этой стране в социальную проблему и послужило поводом к революции.

Конечно, были исключения, для некоторых были обходные пути. В пригородных районах выгодно было торговать овощами; кое-кто преуспел, выращивая технические культуры. Появилась прослойка зажиточных крестьян, а при достаточных средствах в Польше можно было достать всё. Все дефицитные вещи продавались за валюту, причём валюту разрешалось иметь на руках, и никто не спрашивал, откуда она взялась. Наконец, можно было купить что угодно у воров, от которых зависело производство и распределение, но за это надо было платить, как выражаются поляки, "солёную цену". Такие пути были доступны немногим.

Крестьян всячески обременяли налогами и повинностями, им мешали продавать продукты, создавая всевозможные бюрократические преграды. Не допускалась никакая крестьянская самодеятельность — ни взаимопомощь, ни кооперация. Крестьянину трудно было купить даже самые обычные промышленные товары, потому что он вёл в значительной степени "натуральное" хозяйство, и если мог прокормить свою семью, то не имел свободных денег. Крестьянин

не имел даже того жалкого медицинского обслуживания, какое получают горожане; в случае болезни он оказывался жертвой дорогих частных врачей. Он не пользовался правом на пенсию, не получал пособий — короче говоря, его держали в чёрном теле, рассматривая как гражданина второго сорта.

Противоречие между городом и деревней достигло в Польше остроты, небывалой в современной истории Европы: она стала чем-то вроде кентавра с “социалистической” передней половиной и “частнохозяйственной” задней.

Так было при Гомулке, и при Гереке ничто не изменилось. Польская деревня впала в летаргию. Бедность товарной продукции означала также недостаток средств на простое воспроизводство: крестьянское хозяйство обветшало. В Силезии полякам достались после войны превосходные крестьянские хозяйства, но их ни разу не ремонтировали после немцев. Герек и его клика не извлекли уроков из декабрьского расстрела. Они как будто не связывали работу польского крестьянина с пропитанием польского народа, рассматривали его как внутреннего врага и старались подорвать его хозяйственную силу. Мало того, Герек начал отбирать у крестьян землю, используя всевозможные предлоги. Главным предлогом было строительство: фундаменты и котлованы, подъездные пути и полосы отчуждения, склады, бараки — всё это размещалось, по возможности, не на государственной и совхозной, а на крестьянской земле. Не обязательно было в самом деле строить, достаточно было заявить, что есть проект. У крестьян отбирали землю, испокон веку принадлежавшую их предкам, нередко улучшенную их трудом, и давали взамен негодную землю в неудобных местах или жалкое денежное вознаграждение. Это был крайне чувствительный удар для польского крестьянина — не только разорение, но и нравственное потрясение. Всем было ясно, что это начало зловещего плана, направленного на экспроприацию крестьянина, превращение его в городского или совхозного пролетария. Поскольку крестьянин не верил больше в долговечность своего хозяйства, он не стремился улучшить его, делая лишь то, что нужно было для пропитания семьи. Продовольствие всё больше приходилось ввозить из-за границы.

Если бы Герек намеренно планировал голод, заранее создавая для него все предпосылки, он не мог бы достигнуть лучших результатов.

В середине семидесятых годов ни у кого уже не было сомнений, что второе польское “обновление” провалилось. Занятые деньги были растрачены, а новая польская промышленность, задуманная Ге-

реком, большею частью оставалась в виде недостроенных зданий. Да и те заводы, какие удалось пустить в ход, не оправдали возложенных на них надежд. Прежде всего, ничего не получилось с мировым рынком.

Мировой рынок был переполнен всевозможной продукцией, не находившей сбыта, и переживал глубокий спад деловой активности. Ближневосточная война 1973 года дала повод нефтяным компаниям вздуть цены на нефть; хотя нефти было ещё много и не было никакой объективной угрозы, эта спекуляция вывела из равновесия неустойчивую экономику, давно вышедшую за рамки естественных возможностей. Шестидесятые годы были временем высшего расцвета для сложившейся после войны формы западной цивилизации, так называемого "общества массового потребления". Запад научился производить невиданные до тех пор массы товаров и смог создать в так называемых "передовых" странах высокий уровень потребления. Между тем западная культура, породившая всю эту техническую организацию, потеряла к этому времени смысл существования. Дело в том, что экономика не является замкнутой системой, а существует для человека. Не может быть производства, независимого от потребления, но потребляет человек, и человек производит. Свойства человека имеют решающее значение для экономической жизни, и без учёта этих свойств её невозможно понять. Когда-то экономическая жизнь была лишь частью человеческой жизни, даже не самой важной частью. Христианская культура, из которой вышла так называемая "западная культура" нашего времени, ставила перед человеком не материальные, а духовные цели. Потребление не было для культуры самоцелью: по её представлениям, человек был создан не для того, чтобы как можно лучше есть и одеваться, а вынужден есть и одеваться, чтобы достигнуть в своей земной жизни целей, поставленных богом. Я не пишу слово "бог" с большой буквы, потому что не верую в бога; но я пишу историю, а из истории бога выкинуть невозможно. Жизнь европейских народов была невозможна без бога, религия выработала некоторый тип человека. Как все религии, христианство воспитывало в человеке честность, трудолюбие и ту особенную ответственность за свои поступки, которую русский язык обозначает словом "совесть". Но христианство воспитывало в человеке также любознательность, хотя оно долго удерживало её в лабиринте богословия. Потом любознательность сбросила с себя богословскую опеку, принялась исследовать окружающий мир, и тогда возникла наука. Побочным продуктом науки была технология, умение делать разные вещи как можно лучше и

скорее, а главное — такие вещи, о возможности которых никто раньше не подозревал. За триста лет “технической цивилизации” весь человеческий мир переменился. Под влиянием науки и технических достижений изменился и сам человек: он потерял веру в бога и в духовные цели жизни. Потеряло смысл религиозное воспитание, в человеке не вырабатывались больше честность, трудолюбие и требовательная совесть. Гуманисты, социалисты и другие сторонники прогресса не смогли заменить религию новой системой духовных ценностей и сами втянулись в процесс общего разложения. Таким образом сложилось “общество массового потребления”. Человек, живущий в этом обществе, лишён каких-либо целей, кроме животных потребностей и жажды общественного признания. Жадность и тщеславие заставляют его исполнять свои общественные функции, но прежней энергии в нем нет: он ленив, избалован и изнежен. Он совсем не похож на своих предков, не способен к тяжёлому физическому труду, инициативе и ответственности, а попросту паразитирует на созданном предками богатстве.

Эта цивилизация, потерявшая смысл и направление, некоторое время продолжала двигаться по инерции. Техника и организация производства продолжали совершенствовать изготовление вещей. Делались вещи, какие можно было продать, а доведённое до маразма население позволило убедить себя, что нуждается во всех этих вещах и должно покупать всё, что ему предлагают. Разложение общества особенно затронуло молодёжь, потерявшую доверие к своим отцам. Мораль, выпавшая из культуры, не могла больше существовать; это привело к разрушению семьи и к так называемой “сексуальной революции”. По дорогам Америки и Европы шатались длинноволосые “хиппи”, демонстрируя грязные рубахи, шприцы с наркотиками и ленивый разврат.

Древние греки считали, что человек достигает высшего расцвета своих сил примерно в сорок лет, а затем наступает упадок; они называли этот возраст словом “акме”. “Культура массового потребления” миновала уже свой высший расцвет; по мнению её собственных мыслителей, “акме” её приходится на середину шестидесятых годов. Затем наступил упадок, очевидный даже для потребителя: экономический спад. Искусственно раздутое потребление стимулировало производство, и обратно, производство искусственно раздувало потребление; финансовым выражением этого процесса было снижение стоимости денег — инфляция. Связь между “раздутым потреблением” и инфляцией не вызывает сомнений, но механизм этой связи не вполне ясен. В прошлом всякий спад деловой активности при-

водил к уменьшению производства, снижению цен и, тем самым, возрастанию стоимости денег. Производство уменьшалось до тех пор, пока его не догонял спрос, а потом снова начинало расти; это был саморегулирующийся механизм, и, несмотря на периодически повторявшиеся кризисы, этот механизм регулировал западную экономику. Теперь происходит длительный спад деловой активности, но вместе с тем инфляция продолжает расти. По всей вероятности, это явление, ставящее в тупик экономистов, имеет неэкономические причины; для его объяснения надо вспомнить, что экономика не замкнутая система, и привлечь к рассмотрению человека. Но мы не можем здесь углубляться в этот вопрос. Во всяком случае, нынешняя нарастающая инфляция не имеет экономического объяснения и, как всё необъяснимое, пугает.

Вспомните, как подготовляется взрыв в симфоническом оркестре. Инструменты продолжают вести свои партии, но фоном их служит медленно нарастающий гул, предваряющий громовые удары финала. Инфляция — это близость конца.

В семидесятом году этого можно было не знать, но в семьдесят пятом это знали все, и каждый думал, как спасти свою шкуру в надвигающейся катастрофе. Легко представить себе, на что мог рассчитывать Герек, этот бодрый разносчик, вышедший со своим лотком продавать польские товары!

Польша была осуждена на восточный рынок. Она пыталась предложить ему некую имитацию западной продукции. Как это делалось, можно пояснить на примере. Вы знаете, может быть, польский проигрыватель “Вега”. В Польше делают его электронную и акустическую аппаратуру, за исключением звукоснимающей иглы. Высокое качество звука недостижимо без хорошей иглы, но такие иглы не умеют делать ни в Польше, ни в какой-нибудь другой стране восточного блока. Их приходится покупать в Соединённых Штатах или в ФРГ (вспомните, что было сказано выше о мировом рынке!). Поляки покупают иглы за валюту, вставляют их в свою весьма посредственную аппаратуру и сбывают её в Советский Союз, где изготовляют деревянный футляр. Вот вам пример международной кооперации, насколько она полякам удаётся: конечно, на Западе такой проигрыватель продать невозможно, но на Востоке и он достаточно хорош. В таких случаях Польша берет на себя роль посредника, сбывая в Советский Союз полузападные изделия или, гораздо чаще, товары, неосновательно претендующие на западную элегантность. Польский сатирик Лец сказал о своей стране: “Восток видит в нас Запад, а Запад видит в нас Восток”.

Кажется, читатель уже достаточно знаком с польским экономическим чудом, и можно перейти к общественным явлениям, подготовившим революцию.

Займы не могли разрешить трудности польской экономики, и это вскоре поняли сами заимодавцы. В западной печати стали появляться неутешительные сведения о польских делах. Говорилось, что польское правительство не в состоянии использовать полученные им кредиты (это было вполне справедливо), что в Польше недостаёт для этого квалифицированных специалистов и рабочей силы (это было отчасти верно, но далеко от подлинной причины неудач). Говорилось, что поставленное в кредит оборудование годами лежит без употребления и нередко портится от неправильных условий хранения. Оспаривалась целесообразность кредитов и выгодность дальнейших капиталовложений. Банкиры убедились, что польские министерства не могут быть надёжными партнёрами, что через них ничего нельзя делать. Удивительно, как они этого не знали заранее: может быть, их ввели в заблуждение европейские манеры эмиссаров Герека и видимая либеральность его режима. Не следует преувеличивать мудрость банкиров: вне своей специальности они ничего не смыслят, и в необычных условиях легко попадают впросак. Что касается чисто политических целей, то правительство Соединённых Штатов было, конечно, заинтересовано в дальнейшем отделении Польши от советского блока, и банкиры вполне разделяли взгляды своего правительства, но во всех случаях, не суливших им непосредственной выгоды, они предпочитали, чтобы расходы за хорошую политику нёс налогоплательщик. Это означало, что кредитам пришёл конец.

Летом 1976 года Герек вынужден был объявить частичное повышение цен. Ответом было широкое движение протеста польских рабочих, известное под именем "радомских событий". В действительности были забастовки и демонстрации в ряде городов, но в Радоме, небольшом городе с населением меньше двухсот тысяч человек, они приняли особенно ожесточённый характер: рабочие разгромили отделения милиции и партийные учреждения. Волнения рабочих были подавлены, их избивали и разгоняли, но Герек не решился стрелять и отменил повышение цен. Он хотел сохранить "либеральное" лицо своего режима ради западных кредиторов, но дело было не только в этом. Когда надо принимать крайние решения, проявляется природа человека: Гомулка вышел из подполья, хоть и стал политическим ренегатом, а Герек был всего лишь аппаратчиком, то есть интриганом и вором. Такие люди боятся убивать. Они будут отда-

вать строгие приказы, из которых может произойти кровопролитие, но никогда не возьмут на себя личную ответственность за убийства.

Было арестовано около пятнадцати рабочих, но и этих скоро пришлось отпустить. Мировая печать подняла шум в защиту арестованных, что было вполне закономерно. Можно было убить миллионы людей в Камбодже, и это вызывало лишь слабую и неуверенную реакцию, потому что оттуда нельзя было получить достоверных данных, нельзя было послать туда корреспондентов и, наконец, это были азиаты, у которых такие способы обращения с собственным народом в порядке вещей. Но здесь речь шла о европейской стране, долго создававшей видимость законности и получавшей деньги на укрепление своих либеральных тенденций, в этой стране были иностранные корреспонденты, в неё трудно было не пустить юристов, профсоюзных деятелей и других заступников за права человека. Но самое главное — в Польше возникло *политическое сопротивление*. Группа польских интеллигентов основала КОР — Комитет защиты рабочих.

Надо отдать себе отчёт в важности этого явления. В советской России режим не встречает организованного сопротивления со времени окончания гражданской войны, с 1920 года, а в 1927–28 году прекратилась и всякая политическая оппозиция внутри правящей партии. В захваченных Сталиным странах Восточной Европы были уничтожены все политические движения, а их активные деятели были истреблены. Условием существования этой системы является политический вакуум, искоренение всех зародышей политического мышления и политической организации и, вследствие этого, рабская зависимость населения от начальства. Такая общественная стерилизация целых наций приводит к закономерным результатам: существующая власть рассматривается как неизбежная внешняя действительность, нечто вроде географических или климатических условий, и всякое недовольство направляется на путь нравственного протеста или какой-нибудь сохранившейся религии. Такова судьба обезглавленных наций.

Но для этого идеального порядка необходима регулярная прополка голов, иначе головы отрастают. Это и произошло в Польше, где с 1956 года не применялся террор. В Польше возродилось организованное сопротивление.

Прежде всего, это проявилось в политическом расчёте. Как известно, “инакомыслящие” в Советском Союзе презирают всякий политический расчёт, полагая, что только плохие люди рассчитывают последствия своих поступков, а хорошие должны непосредственно

выражать свои чувства, не думая, что из этого может получиться. Такая идеология очень удобна для власти, и если бы её не было, то начальству пришлось бы её выдумать и внушить своим подопечным. Польские интеллигенты, учредивши КОР, не хотели облегчить Гереку его задачу. Они скрыли от властей подлинную структуру своей организации и выдвинули вперёд группу известных польских писателей, учёных, художников, имевших особенные заслуги в антифашистском сопротивлении во время войны. Этих людей, занимавших почётное положение в иерархии польской культуры и польской истории, неудобно было арестовать, трудно было обвинить в том, что они агенты иностранной пропаганды. Используя все легальные возможности и не отказываясь от нелегальных, КОР установил связи с различными общественными кругами в Польше и за границей — в частности, с многочисленной и влиятельной польской эмиграцией. В дальнейшем он слился с другой организацией КОС — Комитетом общественной самозащиты — и стал называться КОС/КОР, но мы сохраним для него в нашем изложении краткое название КОР.

Теперь нам известны некоторые руководители КОРа — Куронь, Михник, Модзелевский. Коровцы принадлежали к поколению людей, выросших в "народной" Польше, к началу революции им было по 40–50 лет. Как все поляки, они учились в школах и вузах, где им внушали казённую партийную идеологию, но в Польше всё это принималось не слишком всерьёз. Многие из них уверовали в реформы Гомулки и состояли в комсомоле и партии, некоторые писали в газетах и журналах. Эволюция режима Гомулки уничтожила у них все иллюзии и сделала из них решительных противников этого гнилого строя. Нам не известно их более глубокое мировоззрение; весьма вероятно, что они и не добивались единства взглядов по всем вопросам, а объединились для решения ближайших политических задач. Программа КОРа состоит в народном самоуправлении. Оно не сводится к обычному механизму парламентской демократии, а предлагает также экономическую демократию: предприятиями должны управлять свободно избранные рабочие организации, а в деревне должны быть созданы выборные организации крестьян при сохранении частной собственности на землю. В сущности, это близко к традиционной программе европейских социал-демократов, с той разницей, что у социал-демократов была другая исходная ситуация, и обобществление средств производства представлялось им длительным процессом, с неизбежным сохранением на некоторое время частной собственности в промышленности и частного землевладения. В странах "реального социализма", где собственность

на средства производства принадлежит не частным владельцам, а коллективному владельцу — правящей бюрократии, имеется совсем другая исходная ситуация. Здесь не приходится щадить старую систему производства из опасения его дезорганизации, поскольку "реальный социализм" не способен его организовать, и потому переходный период к "рабочему самоуправлению" может быть короче. С другой стороны, именно это обстоятельство вызывает опасения, так как быстрая перемена в способе организации народного хозяйства не позволяет постепенно разрабатывать новую его организацию при сохранении уровня жизни. На "реальный социализм" нельзя положиться в текущих экономических делах, у него ничему нельзя научиться, и трудно представить себе, чтобы с ним можно было мирно сосуществовать. Поэтому переход к новой организации производства может оказаться внезапным и выглядит прыжком в неизвестность. Дальше мы увидим, каким образом КОР представлял себе переход к новой организации в польских условиях.

Программа КОРа не была детально разработана — во всяком случае, её детальное изложение никогда не публиковалось. Это неудивительно, поскольку КОР был лишь зародышем политической партии и никогда не мог открыто развернуть своё знамя, прикрываясь профсоюзом "Солидарность". Но общая установка КОРа ясна: его можно назвать социал-демократическим движением в условиях разлагающегося авторитарного режима. Коровцы вовсе не хотели реставрации капитализма, возвращения предприятий частным владельцам. В польских условиях это, впрочем, и не имело бы смысла, потому что большинство предприятий было построено уже после войны и никогда не имело частных владельцев. Они были социалисты в первоначальном, почти забытом у нас смысле этого слова: вместо "реального социализма" в кавычках они хотели устроить *реальный* социализм без всяких кавычек. Маркс и Энгельс подали бы им руку, а шведские социал-демократы, осуществившие значительную часть их программы, видели в них товарищей и друзей.

Конечно, против такой программы можно сделать возражения. Одно из них состоит в том, что такая система предполагает невозможный экономический механизм, что без капиталистов и банкиров экономика не будет работать. Другое возражение делают те, кто связывает личную свободу с определённым способом производства: они полагают, что в обществе, где нет неограниченной свободы экономической деятельности, где индивид не может проявить свою "частную инициативу", устроив собственный завод или банк, не может быть вообще никакой личной свободы и инициативы. Эти воз-

ражения не новы, они выдвигались каждый раз, когда нарушались частные интересы, например, интересы частных железных дорог; даже почта была когда-то частным предприятием, а общественное здравоохранение и социальное обеспечение, успешно действующие в некоторых странах, вызывают в других странах яростные нападки. Между тем очевидно, что ограничения и контроль над экономической деятельностью неизбежны, а в сложном современном обществе неизбежно и общественное планирование. Как всегда, вопрос в том, где провести границу между свободой и несвободой, планом и частной инициативой. Но мы не можем углубляться в эту проблему. Равным образом мы не будем задаваться здесь вопросом, может ли существовать общество в том виде, как его представляли себе Маркс и Энгельс, или в том, как его хочет видеть КОР. Мы констатируем факт, что КОР — это группа социал-демократического направления, враждебная польской политической и экономической системе, но не желающая реставрации капитализма. Коровцы ориентировались на рабочий класс, рассматривая его как главную движущую силу польского общества, способную разрушить существующий строй. Они вели также пропаганду среди интеллигенции и учащейся молодёжи, но главной их целью было влияние на рабочих. Как мы уже видели, польский рабочий класс для этого достаточно созрел. Поскольку деятельность КОРа была и остаётся подпольной, мы можем судить о ней лишь по известным открытым проявлениям, то есть по тем формам работы, которые по замыслу КОРа проводились открыто или были раскрыты впоследствии, после Гданьского соглашения. Мы не знаем структуры и численности этой организации, и можно надеяться, что так же мало знают о ней её враги. Известно, что после публичных выступлений группы общественных деятелей в защиту рабочих, вызванных радомскими событиями, КОР начал издавать нелегальную газету "Рабочий"[1], в которой уже в 1977 году была выдвинута концепция независимого профсоюза. По представлениям КОРа, такой профсоюз начал бы с защиты прямых материальных интересов рабочих от эксплуатации бюрократическим аппаратом, объединив рабочих вокруг этой общей для всех и полезной задачи; в дальнейшем независимый профсоюз должен был превратиться в школу воспитания рабочих, где они осознали бы необходимость согласованных политических действий для обеспечения этих интересов и, наконец, должен был стать основой будущей рабочей партии. Всё это кажется очень знакомым

[1]Robotnik.

и невольно приводит на память ещё один афоризм Леца: “Выход бывает обычно там, где когда-то был вход”.

В феврале 1978 года в Катовицах, в центре Силезского угольного бассейна, был образован “Комитет свободных профсоюзов”. Об этом было объявлено открыто, с широкой информацией в мировой печати, уделившей внимание такому странному событию. Затем были созданы комитеты профсоюзов в других местах, в особенности на Побережье; деятельность этих комитетов и их состав были в основном скрыты. Таким образом, у КОРа была законспирированная организация и, в то же время, открытое представительство в Польше и за границей. КОР устроил школу для наиболее развитых рабочих, отчасти уже проявивших себя во время декабрьских событий 1970 года. Эта школа готовила лидеров будущего независимого профсоюза; одним из её учеников был электромонтёр Лех Валенса, впоследствии возглавивший “Солидарность”, — ему было в то время около 35 лет.

Правительство Герека, конечно, препятствовало этой деятельности, лидеры КОРа или, во всяком случае, его известные представители много раз привлекались к суду и наказывались тюремным заключением. Но Герек боялся резких мер, не решался на крутые репрессии. Люди КОРа выходили из тюрьмы и снова брались за своё дело, их не пугали никакие меры начальства. Это были профессиональные политические деятели, не искавшие государственных должностей, учёных степеней или каких-либо иных видов официального признания. Они были осторожны, и в условиях польской “законности” трудно было вменить им что-нибудь в вину. Аппарат госбезопасности работал при Гереке довольно вяло: при таком режиме у “безпеки” были связаны руки. Герек был весьма ленивый правитель. Главным стражем его режима был секретарь ЦК ПОРП Станислав Каня, которому Герек поручил самые деликатные задачи — церковь, армию и государственную безопасность. Как показали дальнейшие события, Каня плохо справился со своим делом.

Шло лето 1980 года, и на очереди снова было повышение цен.

---

6. Мясо и свобода

Первого июля восьмидесятого года польское правительство решило произвести "необходимые изменения на мясном рынке", введя повышенные коммерческие цены на мясо и мясные изделия. Одновременно было объявлено о введении новых, весьма невыгодных для рабочих, тарифов зарплаты. Почти сразу же начались забастовки: в начале июля бастовали предприятия в Мельце, завод "Польмо" в Тчеве, крупнейший варшавский машиностроительный завод "Урсус", затем предприятия в Свиднюке, водители автобусов в Жирардове, ряд заводов в Люблине и Люблинском воеводстве. Как было впоследствии признано на VI пленуме ЦК ПОРП, забастовки охватили 81 тысячу человек, 177 предприятий. "Трибуна люду" (что означает "Народная трибуна") решительно выступила против рабочего движения, как это и подобает газете рабочей партии. Уже в этой первой реакции партийного лагеря можно найти все аргументы, выдуманные польским правящим аппаратом и без конца повторявшиеся впоследствии, как только народ поднимал свой голос:

"...Каждый день без работы при нынешнем положении... нашей страны, перед лицом стихийного бедствия, затронувшего ряд районов, углубляет существующие трудности, вызывает новые потери. Нереальные в данных условиях экономические требования, не вмещающиеся в напряжённый бюджет, ведут лишь к дезориентации и фрустрации общества"[1]. Слово "фрустрация", популярное на Западе, но ещё не привившееся в русском обиходном языке, означает состояние подавленности, психической угнетённости, следующее за неудачей. Герек понял, впрочем, что рабочие не удовлетворятся фрустрацией. Он отменил "коммерческие" цены в столовых и буфетах предприятий и урегулировал некоторые социальные вопросы. Забастовки приостановились, и Герек решил, что справился с положением. 9 июля он провёл совещание партийно-хозяйственного актива. "Экономическое положение страны сложное, — объяснил он

---

[1] См. Irena Dryll, "Szanse Polski z praça związane" ("Шансы Польши связаны с работой"), "Trybuna Ludu" (далее в сносках — ТЛ), 04.08.80; цитата не совсем точная; многоточие после слова "положении" добавлено нами (ред. OPI); слова "нашей страны" и 2-е предложение в указ. ст. отсутствуют, но есть фраза: "...nierealne postulaty placowe wzmagają napięcia na rynku" ("...нереальные требования /повышения/ зарплаты усиливают напряжения на рынке".)

участникам совещания, — *но у нас есть хорошая программа действий*"[1]. После этого Герек уехал отдыхать в Крым, поразительным образом недооценив серьёзность конфликта: как мы уже видели, бесконтрольная власть неизбежно приводит к потере чувства реальности. Герек не понимал, что цены на мясо были всего лишь поводом, обнаружившим глубокое недовольство, что речь шла о предметах гораздо более важных.

В начале августа началась новая волна забастовок. К 10 августа забастовками были охвачены многие предприятия в Лодзи, Калише, Вроцлаве, Варшаве и опять в Люблине. 14 августа вспыхнула забастовка на верфи имени Ленина в Гданьске — той же верфи, где в декабре 1970 года в рабочих стреляли у ворот № 2. По-видимому, начальство старалось вначале приуменьшить значение происходящих событий. На следующий день Польское агентство печати сообщило: "На некоторых заводах и предприятиях имеют место перерывы в работе, во время которых выдвигаются требования, касающиеся зарплаты, а также норм и организации труда и снабжения. На днях имели место нарушения работы городского транспорта в Варшаве. В среду и в четверг перерывы, затруднившие нормальный ход производства, имели место на предприятиях трикотажной промышленности "Сандра" в Александрове Лодзьском, на текстильно-швейных предприятиях "Теофилув" и в цехах Гданьской верфи". Нетрудно понять, почему знаменитая в Польше Гданьская верфь была поставлена на последнее место, после малоизвестных фабрик, и почему речь шла о "цехах", а не обо всей верфи. Первой реакцией на гданьскую забастовку было, таким образом, мелкое надувательство в печати.

Забастовка на Гданьской верфи быстро перекинулась на все предприятия Побережья. Гданьск, Гдыня и Щецин бросили работу в знак солидарности с товарищами. 16/VIII на Гданьской верфи возник Объединённый стачечный комитет[2], выступивший от имени всех рабочих Гданьска. Во главе его стал Лех Валенса, один из руководителей рабочего движения в декабре 1970 года. Гданьский Объединенный стачечный комитет выдвинул 21 требование к правительству. Важнейшими из этих требований были два: 1) *признание независимых от партии и работодателей свободных профсоюзов, как это вытекает из ратифицированной ПНР конвенции № 87 Международной организации труда о профсоюзных свободах,*

[1] Выдержки из этого выступления см. ТЛ, 10.07.80.

[2] Так в тексте здесь и далее; точнее: "Межзаводской стачечный к-т", "Межзаводской забастовочный к-т".

и 2) гарантия права на забастовку, а также безопасности бастующих и помогающих им лиц. В тот же день Объединённый стачечный комитет в Щецине сформулировал список из 36 требований аналогичного содержания.

Таким образом, рабочие польского Побережья организованно вступили в борьбу с партийной бюрократией, выдвинув с самого начала *политические* требования. Впоследствии обе стороны — и правительство, и представители рабочих — поддерживали фикцию о не политическом, а чисто экономическом характере "рабочего протеста". Ясно, зачем им нужна была эта фикция: партийная бюрократия пыталась создать видимость, будто рабочее движение не враждебно основам "социалистического строя", а направлено лишь против "отдельных извращений" в экономической и социальной политике; рабочие лидеры, со своей стороны, придерживались выгодной для них тактики, не афишируя на первых порах своих отдалённых целей и подчёркивая легальный характер своих действий. В действительности, однако, политический характер выдвинутых забастовщиками требований был очевиден. Польские руководители невольно выболтали этот секрет в решениях VI пленума ЦК: "Вместе с присоединением к массовым забастовкам коллективов Побережья и созданием Объединённых стачечных комитетов, в особенности в Гданьске и Щецине, — говорится в этом официальном анализе происшедших событий, — предъявляемые бастующими коллективами требования принимают всё более отчётливый политический оттенок, выступающий на первый план по мере развития ситуации. Широкую поддержку получает лозунг независимых самоуправляющихся профсоюзов, как своеобразной гарантии выполнения обязательств"[1].

Нетрудно понять, что в условиях "реального социализма" существование независимой организации — какова бы ни была область её деятельности — представляет совершенно необычный и угрожающий всей системе *политический* факт, а безнаказанность её руководителей и советников по существу отменяет аппарат запугивания и подавления, на котором держится система. В "странах социализма" нет и не может быть *никакой* независимой от правительства деятельности, потому что режимы этих стран могут держаться лишь в условиях государственной монополии на *все виды* деятельности и даже на все виды мышления. Всякая попытка независимой деятельности не только рассматривается властями как деятельность поли-

[1] См. журн. "Nowe drogi", 1980, № 10/11:44.

тическая, но и объективно *является* политической деятельностью, поскольку подрывает фактическую основу существования режима. Юридическая сторона дела может обмануть в таких случаях лишь очень наивных людей, вроде советских диссидентов: там, где законы не применяются и даже издаются не с целью применения, юридические препирательства попросту заменяют им более продуктивные формы мышления, к которым они не способны. В Польше таких наивных людей нет, и всем ясно, о чём идёт речь. Если в *Польше* кто-нибудь утверждает, что занимается не политической деятельностью, а всего лишь экономической, социальной, культурной и т. д., то это очевидная *тактика* с целью избежать преследования по всё ещё действующим "законам", а вовсе не уважительное отношение к этим "законам".

Мы попытаемся теперь оценить всё значение исторического поворота, происшедшего на польском Побережье осенью 1980 года. Впервые в истории коммунистической системы значительные слои рабочего класса осознали, что их экономические интересы не могут быть защищены без *политических* гарантий. Рабочие западных стран знают, какой ценой досталось им право на забастовку. В Англии, Франции и Соединённых Штатах давно уже существовали избирательные системы со всеобщим и равным голосованием, давно было установлено равенство граждан перед законом, действовали политические партии, но рабочие союзы, все виды объединения рабочих для защиты своих интересов беспощадно преследовались государственной властью. Перечитайте роман Золя "Жерминаль", вспомните чикагское побоище, в память которого установлен праздник Первого мая. В девятнадцатом веке в парламентах заседали представители имущих классов, в большинстве своём заинтересованные в дешевизне и покорности рабочей силы. Право на забастовку отрицалось, участие в забастовках подводилось под статьи законов, говорившие о мятеже, подстрекательстве к беспорядкам, преступном сговоре, или же издавались особые законы, специально запрещавшие профессиональные союзы. Если в наши дни рабочие Запада избавились от нищеты и даже могут позволить себе многое, что было прежде привилегией их хозяев, то вовсе не потому, что хозяева стали добрее и щедрее. Простой рост производительности труда не приводит к таким результатам, как это видно на примере "первой промышленной революции" XVIII века: тогда английские капиталисты попросту положили все выгоды от "прогресса" себе в карман, а рабочие впали в ещё худшую нищету. Нет, "прогресс" сам по себе не улучшает социальных отношений. Рабочие Западной Ев-

ропы завоевали своё благополучие в яростной *политической борьбе*, тянувшейся несколько десятилетий. Их главным оружием была забастовка, и они прежде всего добивались юридически гарантированного *права на забастовку*. Рабочие "стран социализма", попавшие в ещё худшее рабство к своему "коллективному хозяину" — правящей бюрократии, — должны пройти тот же путь. У них нет другого пути: смешно рассчитывать, что живущие за их счёт паразиты добровольно откажутся от своих привилегий. Жизнь всегда была борьбой — но можно надеяться, что средства борьбы со временем станут мягче. Забастовка — мягкое средство борьбы: она лучше гражданской войны.

Конечно, польские рабочие могли выдвинуть разумные политические требования лишь потому, что их забастовка была тщательно подготовлена заранее. Подготовка длилась по меньшей мере два года и принесла свои плоды. Прежде всего, у польских рабочих было сознательное руководство. Мы ещё мало знаем о людях, возглавивших польскую революцию. Замечательно, что главную роль в ней играет простой рабочий — Лех Валенса. Это вовсе не подставная фигура, не орудие каких-то тёмных сил, как это пытается изобразить советская пропаганда, а независимый, самостоятельно мыслящий и трезвый политический деятель революции, лучше всех чувствующий настроение масс и соотношение сил в стране, умеющий ставить возможные цели в надлежащее время. Конечно, он должен был пройти хорошую школу — прежде всего школу жизни, но также и прямое учение у польских интеллигентов. Валенса отдаёт должное людям из КОРа, они ему во многом помогли. Молодым человеком Валенса участвовал в рабочем движении 1970 года — уже тогда он был одним из рабочих вождей. Но тогда движение вылилось в стихийный протест, в уличные беспорядки. Валенса извлёк из этого уроки. Его увольняли с работы, не раз сажали в тюрьму, били в полицейских участках: европейский лоск Герека не мешал ему применять такие методы к рабочим. Валенса — электромонтёр, но рабочая партия не стесняется, когда дело касается братьев по классу. К началу Гданьской забастовки Валенсе было 37 лет, у него было шестеро детей, и семья его жила в тесной двухкомнатной квартире.

Вопреки распространённому у нас мнению, политический деятель не обязательно должен быть проходимцем. Лех Валенса — человек высоконравственный и честный. Моральной опорой его является католическая религия. Он родом из Западной Польши, из Познанского воеводства, прежде принадлежавшего Германии. В этих

местах, как говорят, поляки особенно практичны и деловиты. Валенса никогда не высказывал своих политических симпатий, но скорее всего он близок к христианско-демократическому направлению. Как у многих поляков, у него дома висит портрет Пилсудского: это скорее символ независимости Польши, чем политический образец. Пилсудский был шляхтич и мало заботился о рабочих. Лех Валенса, при выдающихся политических способностях, в остальном близок к среднему уровню и к обычным понятиям польских рабочих. Это может когда-нибудь оказаться его слабостью, если ему предстоит долгая политическая жизнь, но сегодня в этом его сила.

Может показаться парадоксальным, что первое подлинное рабочее движение, возникшее в "лагере социализма", носит отчётливый католический отпечаток, что во главе его стоят большею частью верующие и что на знамени "Солидарности" изображена богоматерь — "королева Польши". Но это не столь удивительно в стране, где власть безбожников очень скоро оказалась властью воров и где религия осталась единственным прибежищем честности и приличия. Неверующие, конечно, не уверуют при виде этого парадокса, но могут извлечь из него урок.

Вернёмся к польской революции. 16/VIII прибыл наконец из Крыма Герек. Вряд ли он осознал важность происходящих событий. Во всяком случае, в тот же день выступил по телевидению премьер Э. Бабюх — выступил с очень банальным призывом к рабочим. "Перерывами в работе и нарушением производственного ритма, — сказал он, — мы ничего в Польше не добьёмся... "[1] Бабюх не предложил никакой новой программы, не обещал никаких изменений. Он призывал лишь к спокойствию, к добросовестности и дисциплине в повседневном труде. Через два дня, 18/VIII, стало уже ясно, что увещаниями ничего не добьёшься, и Герек выступил по радио и телевидению с чем-то вроде самокритики. "Перерывы в работе многочисленных предприятий, происходящие поочерёдно в разных районах, — сказал он, — нарушают нормальный ход жизни, дезорганизуют производство, порождают напряжение...[2] Мы понимаем, что наряду с рядом объективных факторов сыграли роль ошибки в экономической политике. Во многих областях практика разошлась с принципами последекабрьской политики партии. Мы не сумели вовремя заметить это и эффективно этому противодействовать... Но забастовки здесь ничего не меняют. Напротив, они увеличива-

[1]ТЛ, 16–17. 08.80.

[2]Многоточие добавлено нами. — Ред.

ют трудности в снабжении и производстве, нарушают нормальную жизнь общества. Мы должны прийти к соглашению и вместе найти другой выход"[1].

19/VIII, когда забастовка охватила Щецин и Эльблонг, Герек направил на Побережье две правительственные комиссии. В Гданьск поехали председатель Государственного совета Г. Яблоньский, секретарь ЦК С. Каня и заместитель премьера Т. Пыка, в Щецин — премьер Э. Бабюх и секретари ЦК Е. Лукашевич и К. Барциковский[2]. В Гданьске, на заседании воеводского комитета ПОРП, С. Каня сказал: "Нынешний конфликт надо решать только политическими средствами. Других средств нет и не может быть"[3]. По-видимому, это означало, что Герек не решился пустить в ход силу. Конечно, он помнил Познань, помнил гданьский расстрел 70-го года и радомские волнения 76-го. Может быть, сказалась и самая личность Герека: он был, как уже говорилось выше, не политический игрок вроде Гомулки, прошедший подполье и тюрьму, а кабинетный интриган, никогда не подвергавшийся личной опасности, и очень вероятно, что человек этого рода боялся взять на себя решение стрелять. Но скорее всего Герек не был уверен, можно ли положиться на солдат. Министром обороны Польши — на которую, к счастью, никто не нападал — оставался всё тот же политический генерал Ярузельский; как говорят в Польше, Герек запросил его, можно ли использовать армию против рабочих, и храбрый генерал снова заявил своему начальнику, что его армия ненадёжна, — как он уже говорил прежде Гомулке. Этот мужественный ответ увеличил популярность генерала. В трудную минуту Герек мог рассчитывать только на тех, кто должен был пасть вместе с ним: такова лояльность партийных кадров. Ярузельский уже присматривался к положению Герека и обдумывал, не выгодно ли его предать.

20/VIII по всей стране начались собрания партийных организаций, на которых "зачитывалось" письмо Секретариата ЦК ПОРП о положении в стране[4]. В письме говорилось, что простои и перерывы в производстве являются самым дорогостоящим способом

---

[1]ТЛ, 19.08.80.

[2]Неточности в тексте: забастовка в Щецине началась 18, в Эльблонге — 19; Яблоньский, Каня и Пыка поехали в Гданьск 18, Бабюх, Лукашевич и Барциковский — в Щецин 19 (ТЛ, 19 и 20.08.80). "Ю. Лукашевич", "Барчиковский" (здесь и далее) — опечатки.

[3]Цитата не проверена.

[4]Об этом см. ТЛ, 21.08.80. Выдержки из письма по-рус. см. в сб. "Польша 1980: «Солидарности» год первый" (сост. — В. Малышев), Лондон, 1981, с. 160–161.

защиты интересов коллективов. Кроме того, на собраниях обращалось внимание на “активизацию антисоциалистических элементов”. Оказывается, некие “антисоциалистические элементы” обманывают и подстрекают хороших польских рабочих, всецело преданных социализму. Эта нехитрая выдумка будет без конца повторяться в дальнейшем.

Между тем в Гданьске вице-премьер Т. Пыка вёл переговоры с Объединённым стачечным комитетом. Пыка плохо понимал положение, держал себя с барским высокомерием и прибегал к угрозам. Рабочие отвечали ему невежливым любопытством по поводу его личных обстоятельств, например, построенных им в разных частях Польши вилл. Как известно, партийные чинуши не умеют наслаждаться жизнью и компенсируют свою человеческую бездарность простым повторением. Но в Польше, в отличие от нашей страны, все обо всём знают.

Пыка раздражался, выходил из себя, он оказался плохим дипломатом; кажется, в какой-то момент он даже самовольно прервал переговоры. На Пыку свалили ответственность за провал: его обвинили в том, что он “отказался вести переговоры с Объединённым стачечным комитетом, что привело к расширению забастовок”. В трудную минуту аппаратчики сразу же приносят в жертву когонибудь из своих. 20/VIII Пыку отозвали, и вместо него был прислан другой вице-премьер, Мечислав Ягельский[1]. Мы приводим его полное имя, потому что этот деятель милостью польских рабочих вошёл в историю.

В тот же день начались забастовки солидарности в Кракове, Варшаве, Торуни.

Герек решил провести опасный политический маневр, всё ещё надеясь сохранить власть: он пожертвовал большею частью партийного руководства, рассчитывая свалить на этих людей ответственность и успокоить общее негодование. Было признано, что допущены серьёзные ошибки, и разыграна комедия изгнания виновных. Вместо них были призваны обратно партийные деятели, в своё время не поладившие с Гереком и выброшенные им из Политбюро; главными из них были С. Ольшовский и Т. Грабский. Тем самым признавалось, что эти попавшие в немилость деятели были правы, а выгнавший их Герек был неправ. Герек надеялся отделаться таким косвенным покаянием и сохранить за собой положение главы государства, вроде конституционного короля, увольняющего в отставку

[1] Ягельский прибыл в Гданьск 21.08.80 (ТЛ, 22.08.80).

непопулярных министров. Но он не родился на троне, и замысел его был наивен.

24/VIII в Варшаве состоялся IV пленум ЦК ПОРП. На этом пленуме Герек отмалчивался[1], выпустив вместо себя секретаря ЦК Станислава Каню, преданного ему человека. Каня отвечал в ЦК за армию, госбезопасность и церковь — иначе говоря, за самые ответственные дела, связанные с прочностью режима. Отсюда ясно, что Герек считал его вполне надёжным человеком, а поскольку сам он не очень утруждал себя работой, то Каня контролировал весь аппарат принуждения, на котором держался режим. Но Каня не отвечал за экономику, как не отвечал за неё и генерал Ярузельский. Он был удобным человеком для критики допущенных ошибок и извращений. Правда, руководство госбезопасностью, хотя бы в виде партийного надзора, придавало ему несколько неприятный запах, но ведь при Гереке польская "безпека" всё-таки не стреляла. И вот Каня, вернувшийся с Побережья, где он предусмотрительно не вёл переговоров с рабочими, предоставив это другим, выступил на пленуме с информацией о создавшемся положении.

"*Мы имеем дело, — сказал Каня, — с широчайшим в истории народной Польши рабочим протестом. Протестом против ошибок в политике государства. Против плохих методов хозяйствования и управления страной*"[2].

Таким образом, были сказаны роковые слова: забастовки не были осуждены как безответственные действия несознательного меньшинства, подстрекаемого какими-нибудь "агентами ЦРУ" или "антисоциалистическими элементами"; забастовки были, оказывается, законным рабочим протестом, которому партия должна была пойти навстречу. Затем было принесено в жертву целое стадо козлов отпущения, как это было предусмотрено коварным "главой государства". ЦК вывел из Политбюро премьера Э. Бабюха, секретаря ЦК по идеологии и пропаганде Е. Лукашевича, председателя Центрального совета профсоюзов (ЦСПС) Я.[3] Шидляка, ответственного за экономическое планирование Т. Вжащика, освободил от обязанностей кандидатов в члены Политбюро Т. Пыку и З. Жандаровского. Были назначены членами Политбюро С. Ольшовский (которого Герек отправил в почетную ссылку — на должность посла в ГДР) и Ю. Пиньковский, кандидатами в члены Политбюро — Е.[4] Ващук и

[1] Неточность в тексте; текст выступления Герека см. в ТЛ, 25.08.80.
[2] См. журн. "Nowe drogi", 1980, № 9:19.
[3] В тексте здесь и далее "Ю. Шидляк" — опечатка.
[4] В тексте "Ю. Ващук"— опечатка.

А. Жабиньский, секретарями ЦК — С. Ольшовский и Э. Войташек. В члены ЦК был кооптирован Т. Грабский. Государственный совет назначил премьером Ю. Пиньковского и заменил ряд министров. В особенности бросалась в глаза замена председателя Комитета по радио и телевидению М. Щепаньского, с именем которого был связан громкий скандал; к этому герою коррупции мы ещё вернёмся.

Жертвы были принесены, но это не произвело на рабочих никакого впечатления. В ряде воеводств — Гданьском, Эльблонгском, Слупском, Кошалинском и Щецинском — началась уже всеобщая забастовка. О событиях в Польше впервые сообщили средства массовой информации "социалистических" стран. Переговоры в Гданьске, по-видимому, зашли в тупик, и Герек пытался запугать забастовщиков, отрезав от страны, прервав с ним почтовую и телефонную связь. Забастовщики отказались продолжать переговоры, пока связь не восстановят. 26/VIII связь была восстановлена, и переговоры возобновились. Это было самое удивительное явление за всю историю коммунистического режима. Рабочие настояли на том, чтобы переговоры были открытыми: их транслировали по местному радио прямо из комнаты заседаний. Таким образом, весь город Гданьск услышал прямой и откровенный разговор рабочих с представителями опозоренной, перешедшей к обороне власти. Всё постыдное, о чем можно было упоминать лишь в частных разговорах, было названо своими именами. Рабочие не были одиноки в этой схватке с правительственным аппаратом: у них был свой собственный штаб советников и экспертов; некоторые были из КОРа, другие от церкви (разумеется, неофициально). Несомненно, на стороне рабочих были весьма квалифицированные экономисты и юристы — они составили хорошо продуманные пункты Гданьского соглашения. Правительству служили чиновники, рабочим служили честные люди, сознательно шедшие на риск. Экспертные комиссии заседали отдельно, их заседания были закрытыми, с согласия обеих сторон.

Рабочие давно готовились к забастовке. Они запасли продовольствие и медикаменты, заранее подготовили врачей. А главное, у них было руководство — люди, которым они доверяли. Из этих людей и составили забастовочный комитет. Председателем комитета был Валенса, рабочие доверяли ему и не хотели никого другого. Это был уже не стихийный мятеж, как в декабре семидесятого года, а организованная забастовка. Рабочие заняли свои предприятия, не работали и не пускали туда посторонних — это самая эффективная форма забастовочной борьбы. Если бы и нашлись штрейкбре-

херы, они не смогли бы приступить к работе. Но их и не было — рабочие все были на стороне забастовщиков. Объединённый стачечный комитет заботливо следил за порядком, чтобы не дать властям повода применить силу. Особенно важно было не допустить в городе пьянства; комитет потребовал от гданьских властей прекратить продажу алкогольных напитков. Требование было выполнено, и в городе соблюдалась трезвость; более того, растерявшееся начальство, впервые столкнувшееся с рабочей организацией, само спрашивало комитет, что ему делать. Получилось так, что реальная власть в городе перешла к забастовочному комитету: он решал, какой транспорт должен ходить и какой не должен. На Побережье бастовало 190.000 рабочих, и за 18 дней забастовки не было разбито ни одного стекла!

Можно спросить, почему государственная машина допустила всю эту забастовочную идиллию, почему не была применена *сила*? Причина такого миролюбия вовсе не в гуманности партийного руководства, а в его внутренних законах. Тот, кто отдал бы приказ применить силу, мог бы вызвать непредвиденные последствия и знал бы, что в случае неудачи вину свалят на него. Крайняя слабость партийного аппарата состоит в том, что партийные чиновники не способны ни к какой лояльности по отношению друг к другу или к своему государству. Им недоступна корпоративная солидарность даже перед лицом общей опасности: каждый думает только о себе, каждый готов предать своих начальников, своих сослуживцев и подчинённых. Даже армия в таком государстве не способна добросовестно выполнять приказы, лишена всякого чувства чести и держится только на страхе. Поэтому я не верю в прочность польской военной диктатуры, не верю и в прочность военной хунты, которая будет у нас. Любые фанатики, любые клики полковников и генералов, состоящие из сколько-нибудь храбрых и лояльных людей, имеют огромное превосходство перед коммунистическим аппаратом на его нынешней стадии разложения. Робость Запада по отношению к Москве объясняется тем, что там не знают ещё этой тайны. Шестнадцать месяцев польской свободы, при мирном поведении безоружных рабочих, можно объяснить только *жалким бессилием режима.* Мы внимательно проследим весь ход событий и должны будем в этом убедиться.

Я предвижу вопрос: почему же этот слабый режим всё ещё держится в России? Потому что не встречает *никакого* сопротивления. Потому что кровавые чистки истребили в прошлых поколениях всех, кто мог сопротивляться, и прервалась самая традиция,

рождающая сопротивление. Но она может возродиться, пока жив человеческий дух, а воры не могут создать *никакой* традиции, традиция власти невозможна без верности и чести. И как только режим встретится с серьёзным сопротивлением, он рухнет, как карточный домик. Я заметил, что польские события всё же произвели впечатление: на Западе уже рассуждают, что может вызвать внезапный крах советской империи и не лучше ли воздержаться от некоторых мер, чтобы она не свалилась сразу, а постепенно сгнила!

Переговоры в Гданьске продолжались. К ним было приковано внимание всего мира. Польша и до того была сравнительно доступна иностранным корреспондентам: как мы уже знаем, при Гереке рабочих били в милицейских участках, но режим нуждался в займах и хотел выглядеть либеральным. Теперь, когда рабочие решительно потребовали гласности переговоров, установились примерно такие же условия, какие бывают в западном мире вокруг сенсационных событий: сотни корреспондентов печати, радио и телевидения всех стран съехались в Гданьск, и необыкновенные события, происходившие в этом городе, не сходили с газетных страниц и телевизионных экранов. Этот общий интерес к переговорам был выгоден забастовщикам: в такой ситуации правительству трудно было что-нибудь скрыть и опаснее было применить силу.

Церковь, как всегда, призывала к примирению и спокойствию. 26/VIII примас Польши кардинал Вышиньский произнес в Ченстохове проповедь, из которой телевидение транслировало выдержки[1]. Конечно, власти рассчитывали таким образом успокоить публику; что касается церкви, то она, как всегда, преследовала собственные политические цели. Кардинал говорил о необходимости уважать религиозно-моральный порядок в жизни народа, о необходимости порядка в семейной, общественно-профессиональной и национальной жизни. Смысл этих условных выражений все в Польше понимали. Если, например, церковь говорила о семье и морали, что было по её части и не могло вызвать обвинения в политической деятельности, то из контекста всегда было ясно, что имеются в виду такие нарушения семейной жизни и нравственного порядка, как принуждение к работе по воскресеньям или посягательство на крестьянское хозяйство. Если же церковь призывала к примирению, то это означало уступки со стороны власти, а не со стороны рабочих, которым нечего было уступать. Как сказано в “Коммунистическом манифесте”, пролетариям нечего терять, кроме своих цепей.

[1] Выдержки из проповеди см. также в ТЛ, 27.08.80.

Между тем правительство принимало срочные меры. 25/VIII министр финансов признал в интервью для телевидения[1], что внешний долг Польши достиг 20 миллиардов долларов. Это должно было создать впечатление, будто новое правительство откровенно с народом, но откровенность была неполной: одним только западным странам Польша должна была около 27 миллиардов. На международных валютных биржах золото поднялось в цене, что связывалось с польскими событиями. Как только крупные капиталовложения оказываются под угрозой, биржа реагирует на это повышением курса драгоценных металлов и устойчивой валюты.

26/VIII были сделаны первые шаги в отношении официальных профсоюзов, представлявших с самого начала одну из кормушек для бюрократов. Надо было создать впечатление, будто в этом учреждении что-то меняется: председатель ЦСПС Я. Шидляк был снят со своего поста[2] и, как сообщалось, "был произведён критический анализ деятельности профсоюзного движения". Естественно, в создавшейся обстановке на это никто не обратил внимания.

На следующий день Совет министров принял срочные решения: о дополнительном импорте мяса и замораживании цен на мясо до осени 1981 года; о возобновлении продажи сахара по карточкам; об увеличении продажи угля. В этот же день гальванизировали труп Объединённой крестьянской партии, одной из марионеточных партий правительственного "блока". Эта партия заявила, что все спорные вопросы и требования забастовочных комитетов должны решаться в духе диалога и взаимопонимания, в духе полного уважения польских государственных интересов. "Крестьянская партия" высказалась также за необходимость коренной реформы системы планирования и администрации, за укрепление роли Сейма и "рад народовых" (местных советов), за расширение контроля над ценами и доходами населения, за приведение скупочных цен в сельском хозяйстве в соответствие с изменениями в стоимости производства, за укрепление доверия крестьян к возможности развития их хозяйств.

Очевидно, это был план очередной мнимой реформы, и план этот никого не мог обмануть. Интереснее то обстоятельство, что в тот же день комсомольская газета "Штандар Млодых"[3] опубликовала полный список требований забастовщиков. Возникает вопрос: почему именно эта газета? Здесь уже вряд ли можно предположить какую-то особенную тактику властей; просто система власти начала

[1]Мариан Кжак (об интервью см. ТЛ, 26.08.80).
[2]На его место был назначен Ромуальд Янковский (ТЛ, 27.08.80).
[3]27.08.80.

уже расшатываться, и печать “явочным порядком” освобождалась от контроля.

Переговоры в Гданьске продолжались. Власти готовы были на все уступки, кроме одной: они не хотели разрешить независимые профсоюзы. Всем было ясно, что в этом существо дела: без политической гарантии в виде независимой рабочей организации, со всеми вытекающими отсюда следствиями (правом на забастовку, безнаказанностью руководства и советников, правом на информацию), никакие обещания властей не заслуживали ни малейшего доверия. Партийный аппарат должен был сделать уступку, равносильную изменению государственного строя. Естественно, что чиновники отчаянно сопротивлялись, понимая, что в новом строе, который установится после соглашения, для них не будет места, что они смогут тогда держаться лишь в качестве советской агентуры, лишь прямой военной поддержкой Москвы. Это их вовсе не устраивало, потому что вмешательство Москвы означало бы полную перемену кадров и тем самым возможную потерю должности для каждого бюрократа. Все уступки, какие когда-либо делает коммунистический режим, имеют тактический характер: если под нажимом что-нибудь дают, то с намерением при первой возможности взять обратно. Это связано с самой природой такого режима, лишённого всякой гибкости, неспособного к компромиссам и к сознательной эволюции. Бессознательная эволюция, конечно, происходит: всё постепенно гниёт.

Бюрократы страшились допустить независимые профсоюзы даже в качестве временной уступки, потому что опасались вызвать неконтролируемое развитие событий. Но 29/VIII началась забастовка шахтёров Силезии. Шахтёров было 300.000, Герек слишком хорошо знал их. Забастовку не удалось запереть на Побережье, она становилась всеобщей, и Герек решил уступить.

30/VIII уполномоченные правительства (Ягельский в Гданьске, Барциковский в Щецине) пришли к соглашению с забастовщиками, приняв независимые профсоюзы. В Щецине соглашение было подписано в тот же день, в Гданьске отложили на следующий. Тотчас же в Варшаве был созван V пленум ЦК. Заседанием руководил Герек, но трудно сказать, в чьих руках была в тот момент реальная власть. События, происходящие внутри замкнутой клики, нередко остаются тайной для внешнего мира. Во всяком случае, с информацией о положении в стране выступил Каня. ЦК принял к сведению отчёт правительственной комиссии из Гданьска и Щецина, одобрив его. Так изменился польский государственный строй.

На следующий день, 31/VIII, на Гданьской верфи имени Ленина было подписано соглашение между польским правительством и Объединённым стачечным комитетом. Аналогичное соглашение было накануне подписано в Щецине, и всем было ясно, что речь идёт не об отдельных предприятиях, а о правовом и общественном порядке всей страны. Подписание состоялось в актовом зале верфи им. Ленина, до отказа набитом рабочими и представителями печати. Всё происходило в поле зрения телевизионных камер, польских и иностранных. Рядом с бюстом Ленина был установлен по требованию забастовщиков большой крест. Корреспонденты пытались взять у Валенсы интервью, но тот был немногословен. Один из них спросил, понимает ли он, что стал исторической фигурой. "Это мне безразлично, — ответил Валенса, — мне надо лишь, чтобы соблюдалось соглашение". Затем Валенса и Ягельский вышли из здания. У Валенсы, как видно на газетных фотографиях, было довольное, но сдержанное выражение лица; Ягельский выглядел мрачно.

В эту минуту надо было что-нибудь сказать. Валенса сказал: "*Мы в самом деле договорились, как поляк с поляком, без применения силы, только и исключительно путём бесед и переговоров, с небольшими уступками, и так должно быть всегда*". Ягельский сказал: "*Здесь нет выигравших и проигравших, выиграла Польша*"[1].

Независимые самоуправляющиеся профсоюзы приняли имя "Солидарность".

---

[1] О подписании соглашений в Щецине и Гданьске см. ТЛ, 01.09.80. В тексте неточность: цитир. слова Валенсы содержатся в его речи, произнесённой ДО подписания соглашения (там же).

7. Гданьское соглашение

У рабочих было много отдельных претензий. 1/IX всё ещё бастовали шахтёры Верхней Силезии, к ним присоединилась шахта "Вуек" в Катовицах. Для рассмотрения требований шахтёров была создана комиссия под председательством вице-премьера А. Копца. 3/IX в Ястжембе, близ Катовиц, было заключено соглашение с шахтёрами. С этих пор, ссылаясь на "общественные соглашения", имеют в виду три документа, подписанные в Гданьске, Щецине и Ястжембе. Содержание их аналогично, но каждый включает некоторые специальные вопросы, касающиеся отдельных предприятий. Полный текст соглашений был опубликован в газетах "Жиче Варшавы" (варшавская городская газета), "Глос Працы" (орган официальных профсоюзов) и "Слово Повшехне" (католическая газета)[1]; остальные газеты поместили пространное изложение.

Ниже приводится полный текст Гданьского соглашения. Комментарии автора, сопровождающие текст, заключены в квадратные скобки[2].

ПРОТОКОЛ СОГЛАШЕНИЯ,
заключённого между правительственной комиссией и
Объединённым стачечным комитетом 31 августа 1980 года
на Гданьской верфи

Правительственная комиссия и Объединённый стачечный комитет, рассмотрев 21 требование бастующих коллективов Побережья, пришли к следующим соглашениям.

По пункту первому, который гласит: "*Признание независимых от партии и работодателей свободных профсоюзов, вытекающее из ратифицированной ПНР Конвенции № 87 Международной организации труда о свободе профсоюзов*", принято решение:

1. Деятельность профсоюзов в ПНР не оправдала надежд и ожиданий трудящихся. Признается целесообразным создание новых самоуправляющихся профсоюзов, которые были бы подлинными представителями рабочего класса. За каждым остаётся право

---

[1] 02.09.80. Опубликован также, напр., в кат. журнале «Więź», 1980, № 9:3–13.

[2] Др. рус. переводы см. в сб. "Солидарность. О рабочем движении в Польше и о раб. движении в России", Франкфурт-на-Майне, 1980, с. 116–136; сб. "Польша: 1980. «Солидарности» год первый", Лондон, 1981, с. 166–180.

остаться в прежних профсоюзах, а в будущем можно предвидеть установление сотрудничества между профсоюзами.

2. Создавая новые независимые, самоуправляющиеся профсоюзы, ОСК заявляет, что они будут соблюдать принципы, содержащиеся в Конституции ПНР. Новые профсоюзы будут охранять общественные и материальные интересы трудящихся и не намерены играть роль политической партии. Они стоят на почве принципа общественной собственности на средства производства, составляющего основу существующего в Польше социалистического строя. Признавая, что ПОРП осуществляет руководящую роль в государстве, и не подрывая установленной системы международных союзов, они стремятся обеспечить трудящимся надлежащие средства контроля, выражения мнений и защиты своих интересов.

Правительственная комиссия заявляет, что правительство гарантирует и обеспечит полное уважение независимости и самоуправления новых профсоюзов, как в отношении их организационной структуры, так и в отношении функционирования на всех уровнях их деятельности. Правительство обеспечит новым профсоюзам полную возможность выполнять основные функции в области охраны интересов трудящихся, удовлетворения их материальных, общественных и культурных интересов. Одновременно правительство гарантирует, что новые профсоюзы не будут подвергаться никакой дискриминации.

3. Создание и деятельность независимых самоуправляющихся профсоюзов соответствует ратифицированным Польшей конвенциям Международной организации труда №87 о свободе профсоюзов и защите профсоюзных прав и №98 о правах организации и коллективных переговоров[1]. Множественность профсоюзных и рабочих представительств будет требовать надлежащих изменений в законодательстве. В связи с этим правительство обязуется взять на себя законодательную инициативу, касающуюся, в частности, закона о профсоюзах, закона о рабочем самоуправлении, кодекса о труде.

4. Возникшие сейчас стачечные комитеты будут иметь возможность превратиться в органы представительства трудящихся на предприятиях — рабочие комитеты, рабочие советы, или учредительные комитеты новых самоуправляющихся профсоюзов.

Объединённый стачечный комитет в качестве Учредительного комитета этих профсоюзов может свободно выбрать форму единого

[1]Точнее: "Конвенция (МОТ) №87 о свободе ассоциаций и защиты права на организацию", "Конвенция (МОТ) №98 о применении принципов права на организацию и заключение коллективных договоров".

профсоюза или объединения в масштабах Побережья. Учредительные комитеты будут действовать до выборов нового руководства согласно Уставу.

Правительство обязуется создать условия для регистрации новых профсоюзов вне регистра ЦСПС (Центрального Совета Профессиональных Союзов).

5. Новые профсоюзы должны иметь реальную возможность публично высказываться по поводу ключевых решений, определяющих условия жизни трудящихся: принципов раздела национального дохода на потребление и накопление, раздела фонда общественного потребления для различных целей (здравоохранение, образование, культура), основных принципов вознаграждения и направлений политики зарплаты и в особенности принципа автоматического регулирования зарплаты в условиях инфляции, многолетних экономических планов, направления капиталовложений и изменения цен.

Правительство обязуется обеспечить условия для осуществления этих функций.

6. Объединённый комитет создаст центр общественно-профессиональных исследований, задачей которого будет объективный анализ положения трудящихся, бытовых условий трудящихся и способов представительства их интересов. Этот центр будет также производить экспертизы в области индекса цен и зарплаты, а также предлагать формы компенсации. Центр будет публиковать результаты своих исследований. Сверх того, новые профсоюзы будут иметь свои издательства.

7. Правительство обеспечит соблюдение в Польше предписаний статьи 1 п. 1 закона о профсоюзах от 1949 года, гарантирующих рабочим и трудящимся право добровольно объединяться в профсоюзы. Вновь возникающие профсоюзы не войдут в состав объединения, представляемого ЦСПС. Предполагается, что новый закон сохранит этот принцип. Одновременно будет обеспечено участие представителей ОСК или учредительных комитетов самоуправляющихся профсоюзов, а также других представителей трудящихся в выработке этого закона.

[Правительство настаивало, чтобы новый профсоюз вошёл в структуру ЦСПС или создал вместе с ЦСПС единую структуру. Таким образом рассчитывали растворить новое движение в сложившемся бюрократическом аппарате. Как видно из статей 1 и 4, этот план был решительно отвергнут рабочими. Пожелание о сотрудничестве, включённое в первую статью, разумеется, не имело практического значения.

Статья 2 содержит навязанные правительством декларации политической лояльности. Эта встроенная в соглашение диверсия должна была дать правительству “юридическую основу” для обвинений против профсоюзов или, если позволят обстоятельства, для их уничтожения. “Охрана интересов трудящихся, удовлетворение их материальных, общественных и культурных интересов”, о чём говорится дальше в той же статье, практически исчерпывают все области государственной деятельности, и смешно говорить, что профсоюз, призванный всем этим заниматься, должен воздерживаться от политики. Он неизбежно *должен был* “играть роль политической партии”. Это все понимали, и в статье 2 намеренно оставили вопиющее противоречие.

Статья 4 сформулирована весьма неопределённо. В ней говорится как будто о едином профсоюзе в пределах Побережья, но вскоре пришлось допустить объединение в национальном масштабе. Важно, что допускается организация по территориальному, а не по отраслевому принципу: отраслевые профсоюзы должны были предотвратить всякую эффективную защиту местных интересов. По этой причине нынешняя военная хунта, пока не смеющая восстановить какие-нибудь профсоюзы, приказала своим агентам восхвалять пресловутый “отраслевой принцип”.

Статьи 5 и 6 отражают катастрофический развал всей авторитарной системы блокирования информации. Профсоюз воспользовался этими правами — высказывался и проводил экспертизы; но, конечно, ему не давали возможности влиять на экономические решения. Впрочем, даже свобода информации об этих вопросах абсолютно противопоказана режиму. “Автоматическое регулирование” в статье 5 означает подвижную шкалу зарплаты, существующую, например, в Италии; при этой системе рост цен на основные предметы потребления автоматически приводит к росту зарплаты. Такая система в Польше не была введена. Индекс цен и зарплаты (статья 6) — это регулярно составляемые сведения о средней зарплате и средней стоимости жизни в разных районах страны и для разных категорий населения. Такие индексы давно публикуются в западных странах, но никогда не публиковались в “странах социализма”. Впрочем, необходимая для них статистика в этих странах попросту не существует, даже для правительственных учреждений. Чиновники не сохраняют эти сведения для себя, они ими не располагают.]

По пункту второму, который гласит: “*Гарантировать право на забастовку, а также безопасность бастующих и помогающих им лиц*”, принято решение:

Право на забастовку будет гарантировано в подготавливаемом законе о профсоюзах. В законе должны быть указаны условия объявления и организации забастовки, методы разрешения спорных вопросов и ответственность за нарушение закона. В отношении участников забастовки не могут быть применены статьи 52, 64 и 65[1]. Кодекса о труде. До принятия закона правительство гарантирует бастующим и помогающим им лицам личную безопасность и сохранение прежних условий работы.

[Закон о Профсоюзах так и не был принят до самого военного переворота. Право на забастовку несовместимо с существованием режима. Если оно признается законом и закон соблюдается, то это уже другой государственный строй.]

По пункту третьему, который гласит: "*Соблюдать гарантированную Конституцией ПНР свободу слова, печати и изданий и тем самым не подвергать репрессиям независимые издательства, а также открыть доступ к средствам массовой информации представителям всех вероисповеданий*", принято решение:

1. В трёхмесячный срок правительство внесёт в Сейм проект закона о контроле над печатью, изданиями и зрелищами, основанный на следующих принципах. Цензура должна защищать интересы государства. Это означает охрану государственной и экономической тайны, пределы которой должны быть более точно определены законом, безопасности государства и его важных международных интересов, защиту религиозных чувств и одновременно чувств неверующих, а также предотвращение распространения сочинений, наносящих вред морали. Проект закона должен предусматривать также право обжалования решений органов контроля над печатью, изданиями и зрелищами в Верховный административный суд. Это право будет также введено в Административный кодекс путём его пересмотра.

2. Пользование средствами массовой информации вероисповедными общинами в пределах их религиозной деятельности будет осуществляться путём согласования вопросов по существу и организационных вопросов между государственными органами и заинтересованными вероисповедными общинами. Правительство обеспечит передачу по радио воскресной мессы в рамках детального соглашения с Епископатом.

3. Деятельность радио и телевидения, а также печати и издательств должна служить выражению разнообразных мыслей, взгля-

[1]В тексте "85" — опечатка.

дов и суждений. Она должна быть подчинена общественному контролю.

4. Печать, а также граждане и их организации должны иметь доступ к публичным документам (актам), в особенности административным, общественно-экономическим планам и т. п., исходящим от правительства и подчинённых ему административных органов. Исключения из принципа гласности действий администрации будут указаны в законе, согласно п. 1.

[Незачем объяснять, что в условиях "реального социализма" все эти соглашения носят утопический характер. Правительство ожесточённо боролось с любой свободой печати и допускало её только под давлением рабочего движения. Всё, чего рабочие добились в области информации, было навязано прямым нажимом или взято без спроса. Цензура вымарывала всё, что могла, но, как мы увидим, под видом "внутренних профсоюзных бюллетеней" появились издания, вовсе не проходившие цензуры.]

По пункту четвёртому, который гласит: "*А) Вернуть прежние права людям, уволенным с работы после забастовок 1970 и 1976 гг., студентам, отчисленным из вузов за их убеждения. Б) Освободить всех политических заключённых (в том числе Эдмунда Задрожиньского, Яна Козловского и Марека Козловского). В) Отменить репрессии за убеждения*", принято решение:

а) Будет немедленно проведено расследование законности увольнений с работы после забастовок 1970 и 1976 годов. Во всех заявленных случаях при обнаружении неправильности увольнений заинтересованные будут восстановлены на работе, если они этого пожелают, с учётом приобретённой за прошедшее время квалификации.

Соответствующий подход будет применяться к делам отчисленных студентов.

б) Дела лиц, упомянутых в п. Б), должны быть переданы на рассмотрение министра юстиции, который в течение двух недель даст делу надлежащий ход; в случаях, когда упомянутые лица лишены свободы, заключение должно быть прервано до окончания процесса.

в) Должна быть рассмотрена обоснованность временного ареста и вопрос об освобождении лиц, указанных в приложении.

г) Должна полностью соблюдаться свобода выражения взглядов в общественной и профессиональной жизни.

[Здесь нажим был достаточно эффективным. В течение 16 месяцев власти почти не осмеливались арестовывать за политическую деятельность. В частности, в это время была обеспечена личная неприкосновенность людей КОРа: их защищала "Солидарность",

принявшая их на службу в качестве экспертов. Польша была в это время страной *почти* без политических заключённых, хотя власти не оставляли попыток посадить кого-нибудь из откровенных противников режима. На Западе вообще нет *политических* заключённых: людей сажают за нарушение закона, а не за убеждения. Если законом злоупотребляют, поднимается шум.]

По пункту пятому, который гласит: "*Сообщить в средствах массовой информации о создании Объединённого стачечного комитета, а также опубликовать его требования*", принято решение:

Осуществлением этого требования будет опубликование настоящего протокола в средствах массовой информации в масштабе всей страны.

[Публикация соглашения должна была отрезать власти путь к отступлению: какова бы ни была власть, она должна в какой-то мере считаться с подписанным ею документом. Соглашение было опубликовано в Польше и почти во всех странах мира — но не у нас.]

По пункту шестому, который гласит: "*Предпринять реальные действия с целью вывести страну из кризисного положения, для чего: а) опубликовать полную информацию об общественно-экономической ситуации, б) предоставить возможность всем слоям общества участвовать в обсуждении программы реформ*", принято решение:

Мы считаем необходимым решительно ускорить работу над экономической реформой. В течение ближайших месяцев власти выработают и опубликуют основные принципы этой реформы. Должна быть создана возможность широкого участия в публичном обсуждении реформы. Профсоюзы должны, в частности, принять участие в выработке законов о социалистических хозяйственных организациях и о рабочем самоуправлении. Экономическая реформа должна быть основана на принципиальном увеличении самодеятельности предприятий и подлинном участии рабочего самоуправления в руководстве предприятиями. Соответствующие законы должны гарантировать осуществление профсоюзами их функций, указанных в п. 1 Соглашения.

Лишь общество, осознающее свои действия и хорошо осведомлённое, может взять на себя инициативу и осуществить программу упорядочения нашей экономики. Правительство принципиально расширит объём общественно-экономической информации, доступной обществу, профсоюзам, а также общественным и экономическим организациям. ОСК требует кроме того:

—* создания длительных перспектив для развития семейного крестьянского хозяйства — основы польского сельского хозяйства;

—* уравнения секторов сельского хозяйства в отношении доступа ко всем средствам производства, а том числе к земле;

—* создания условий для возрождения сельского самоуправления.

[Экономическая реформа свелась к надувательству: резкому повышению цен без изменения экономических структур. Пока действовала "Солидарность", этого нельзя было навязать, так что "реформу" начали проводить уже при военной диктатуре, грубой силой. Три фразы в конце, обозначенные звёздочками, не являются согласованными решениями, так как правительство не признало за рабочими права заботиться о крестьянах. Как мы увидим, "союз рабочих и крестьян" крайне беспокоил правящий аппарат.]

По пункту седьмому, который гласит: "*Выплатить всем трудящимся, принимающим участие в забастовке, вознаграждение за период забастовки, как за отпуск, за счёт фонда ЦСПС*", принято решение:

В период забастовки трудящиеся бастующих коллективов получат аванс в размере сорока процентов зарплаты, а после возобновления работы получат разницу до ста процентов зарплаты на основе восьмичасового рабочего дня. ОСК обращается к входящим в него коллективам, призывая их по окончании забастовки сотрудничать с дирекциями предприятий и учреждений, принимая меры для увеличения производительности труда, экономии материалов и энергии и обеспечения добросовестности на каждом трудовом посту.

[Правительство всегда рассматривало профсоюз как средство возбуждения "трудового энтузиазма". Как мы увидим, "Солидарность" не позволила использовать себя в этой роли. Она соглашалась помочь в преодолении экономических трудностей лишь при условии доступа к информации и реальной возможности влиять на решения.]

По пункту восьмому, который гласит: "*Повысить основную зарплату каждого трудящегося на 2000 злотых в месяц в качестве компенсации роста цен за предшествующий период*", принято решение:

Будет постепенно повышена зарплата всем категориям трудящихся, прежде всего самым низкооплачиваемым. Согласовано в качестве принципа, что зарплата будет повышаться по отдельным предприятиям и отраслевым группам. Повышение осуществляется и будет осуществляться с учётом специфики профессий и отрас-

лей в направлении повышения заработка на один табельный разряд или соответствующего увеличения других элементов зарплаты или повышения категории. В отношении работников умственного труда на предприятиях повышение заработка будет соответствовать высоте одной категории штатного расписания. Упомянутые повышения зарплаты должны быть окончательно проведены до конца сентября сего года согласно отраслевым соглашениям.

Правительство представит, после анализа всех отраслей, по соглашению с профсоюзами, к 31/X–80 г. программу повышения зарплаты с 1 января 1981 г. для самых низкооплачиваемых, с особым учётом многодетных семей.

[Конечно, повышение зарплаты при неизменной производительности труда и тем более при её снижении, как это было в Польше в то время, могло привести лишь к росту инфляции. В самом деле, повышение зарплаты означает повышенный спрос, и если товаров производится столько же или меньше, то они дорожают. Польская пропаганда твердит об этом с 56 года, чтобы рабочие не требовали повышения зарплаты, и правительственные эксперты в Гданьске всячески использовали эту аргументацию. Действительно, в результате "общественных соглашений" лета 1980 года и последовавших за ними уступок разным категориям рабочих и служащих фонд зарплаты вырос на 20%, и всю эту сумму, как можно было предвидеть, вскоре съела инфляция. Но рабочие, уже сильно пострадавшие от инфляции в последние годы правления Герека, хотели немедленно улучшить своё положение. Для спасения национальной экономики обычно требуются жертвы, и когда начинается спасательная операция, то сразу же возникает вопрос, за чей счёт она должна быть проведена. Рабочие считали, что расходы следует возложить на виновников кризиса, то есть на правящий аппарат. Аппарат, напротив, рассчитывал переложить эти расходы на рабочих и в течение следующих месяцев вовсе не думал отказываться от своих привычек. Кто же отвечает за инфляцию?]

По пункту девятому, который гласит: "*Гарантировать автоматический рост зарплаты параллельно росту цен и падению стоимости денег*", принято решение:

Признано необходимым затормозить рост цен на товары широкого потребления посредством усиленного контроля над общественным и частным секторами и, в частности, прекращения так называемого скрытого роста цен.

Согласно решению правительства будет проведено исследование индекса стоимости жизни. Оно будет проведено также профсоюзами

и научными учреждениями. К концу 1980 года правительство выработает принципы компенсации роста стоимости жизни, которые будут подвергнуты общественному обсуждению и после согласования проведены в жизнь. Эти принципы должны предусматривать социальный прожиточный минимум.

[Таким образом, забастовщики не добились подвижной шкалы зарплаты. Теперь трудности польской экономики пытаются решить военным наступлением на жизненный уровень народа.]

По пункту десятому, который гласит: "*Осуществить полное обеспечение внутреннего рынка продовольственными товарами, а экспортировать только и исключительно излишки*", пункту одиннадцатому, который гласит[1]: "*Ввести карточки на мясо и мясные изделия (до урегулирования рыночной ситуации*"), принято решение:

Согласовано, что снабжение населения мясом будет улучшено к 31/XII–80 г. — в частности, в результате повышения рентабельности сельскохозяйственного производства, ограничения экспорта до необходимого минимума и добавочного импорта мяса. Наряду с этим к тому же сроку будет представлена программа улучшения снабжения населения мясом с учётом возможного введения карточной системы.

Согласовано, что в магазинах "Певэкс" не будет производиться продажа дефицитных товаров широкого потребления отечественного производства. О принятых решениях и действиях в области снабжения рынка общество будет информировано до конца года.

ОСК предлагает ликвидировать коммерческие магазины, упорядочить и унифицировать цены на мясо на среднем уровне:

[Конечно, из этих обещаний ничего не вышло. "Певэкс" — сеть магазинов, где дефицитные товары продавались только за валюту, наподобие нашей сертификатной торговли; рабочие добивались, чтобы прекратили продажу в этих магазинах товаров широкого потребления, изымавшихся из обычной продажи.]

По пункту двенадцатому, который гласит: "*Ввести принцип подбора руководящих кадров на основе квалификации, а не партийной принадлежности, а также отменить привилегии милиции, службы безопасности и партийного аппарата посредством уравне-*

[1]В тексте пропуск, и след. читать: "пункту 11, который гласит: «Отменить коммерческие цены и прекратить продажу товаров внутри страны на иностранную валюту», пункту 13, который гласит. . . " (см., напр., журн. "Więz", 1980, № 9:8, а также указ. рус. переводы: "Солидарность. . . ", с. 126, "Польша: 1980. . . ", с. 174). В одном из вар. "21 требования. . . " п. 11 соотв. п. 13, п. 12 — п. 11 и п. 13 — п. 12 (см., напр., "Sztandar Młodych", 27.08.80).

ния семейных пособий, ликвидации специальной продажи и т. п.", принято решение:

Принимается требование последовательного проведения принципа подбора руководящих кадров на основе квалификации и компетентности, как членов ПОРП, так и членов союзных партий и беспартийных. К 31/XII–80 г. правительство представит программу уравнения семейных пособий для всех профессиональных групп. Правительственная комиссия заявляет, что имеются только буфеты и столовые для сотрудников, как и на других предприятиях и в учреждениях.

[Обещания, касающиеся кадровой политики, и не думали выполнять: кадры — их святая святых. Обратите внимание на вопрос о специальном снабжении: здесь рабочие не добились ничего, кроме ещё одной лжи!]

По пункту четырнадцатому, который гласит: "*Снизить пенсионный возраст для женщин до 50 лет, а для мужчин до 55 лет, либо при условии работы в ПНР в течение 30 лет для женщин и 35 лет для мужчин, безотносительно к возрасту*", принято решение:

Правительственная комиссия считает это требование в настоящее время, при нынешней экономической и демографической ситуации в стране, неосуществимым. Вопрос может быть обсуждён в будущем. ОСК требует, чтобы этот вопрос был изучен до 31 декабря 1980 г. с учётом возможности выхода на пенсию раньше на пять лет для трудящихся, работающих в тяжёлых условиях (30 лет для женщин и 35 лет для мужчин, а в случае особо тяжёлой работы не меньше 15 лет). Выход на пенсию должен происходить исключительно по заявлению работника.

По пункту пятнадцатому, который гласит: "*Повысить пенсии старого портфеля, доведя их до уровня выплачиваемых в настоящее время*", принято решение:

Правительственная комиссия заявляет, что повышение наименьших пенсий будет происходить ежегодно в соответствии с экономическими возможностями страны, а также с учётом повышения наинизших зарплат. Правительство представит программу осуществления этих мер до 31/XII–80 г. Правительство подготовит предложения, согласно которым наинизшие пенсии будут повышены до так называемого социального минимума, который будет установлен на основании исследований соответствующих институтов; эти исследования будут сделаны доступными общественному мнению и подвергнуты контролю профсоюзов. ОСК подчёркивает чрезвычайную срочность этого дела и поддерживает требования уравнения пенсий

старого и нового портфеля, с учётом роста стоимости жизни.

[Инфляция поставила в отчаянное положение пенсионеров, от которых размер их доходов совсем не зависит. Пенсии "старого портфеля", назначенные давно, отвечали старому размеру средней зарплаты, очень низкому по сравнению с нынешним. "Социальный минимум" — это наинизший уровень зарплаты, гарантируемый государством. Такой минимум существует в большинстве западных стран. В Польше об этом не думали.]

По пункту шестнадцатому, который гласит: "*Улучшить условия работы службы здравоохранения, чтобы обеспечить полное медицинское обслуживание трудящихся*", принято решение:

Признано необходимым немедленно увеличить производственные мощности для капиталовложений службы здравоохранения, улучшить снабжение лекарствами путём добавочного импорта их компонентов, повысить зарплату всем работникам службы здравоохранения (изменить тарифы санитаркам), а также срочно подготовить правительственную и министерскую программы улучшения состояния общественного здравоохранения. Другие направления действий в этой области содержатся в приложении.

ПРИЛОЖЕНИЕ к требованию шестнадцатому

1. Ввести в жизнь "Хартию прав работника здравоохранения".

2. Обеспечить продажу в достаточном количестве хлопчатобумажной спецодежды.

3. За спецодежду выплачивать эквивалент из фонда материальных расходов.

4. Обеспечить фонд зарплаты таким образом, чтобы все отличившиеся в работе могли получать соответствующие премии — согласно теоретически имеющейся возможности.

5. Установить возрастающие добавки за выслугу лет после 25 и 30 лет работы.

6. Установить добавку за работу во вредных или неблагоприятных для здоровья условиях, ввести добавку за сменную работу для немедицинских работников.

7. Восстановить добавку за работу с заразными больными или заразным биологическим материалом, повысить оплату за ночные дежурства по уходу за больными.

8. Признать искривление позвоночника профессиональной болезнью стоматологов.

9. Выделить для больниц и яслей топливо хорошего качества.

10. Приравнять добавки за выслугу лет для сестёр без полного среднего образования к добавкам для дипломированных сестёр.

11. Ввести для всех профессиональных работников семичасовой рабочий день.

12. Ввести свободные субботы без отработки.

13. Воскресные и праздничные дежурства оплачивать с надбавкой в 100%.

14. Бесплатные лекарства для работников службы здравоохранения.

15. Сделать возможным частичное возмещение квартирного кредита за счёт социального фонда.

16. Увеличить лимит квартир для работников здравоохранения.

17. Сделать возможным предоставление квартир одиноким сёстрам и санитаркам.

18. Заменить премиальный фонд тринадцатой зарплатой.

19. Обеспечить после 20 лет работы в здравоохранении шестинедельный отпуск, а также возможность получения оплачиваемого годичного отпуска для поправки здоровья, как у учителей.

20. Обеспечить платные отпуска получающим диплом в размере четырёх недель, а специализирующимся — в размере двух недель.

21. Обеспечить полное право на свободный день после врачебных дежурств.

22. Пятичасовой рабочий день для работников яслей (как в детских садах), а также бесплатное питание.

23. Ввести выделение автомашин для работников участкового обслуживания и принцип лимита километров или договорных ставок на служебные поездки.

24. Сестры с высшим образованием должны рассматриваться и оплачиваться так же, как другой персонал с высшим образованием.

25. Организовать в отделах здравоохранения специализированные ремонтные группы, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение объектов здравоохранения.

26. Повысить нормы лекарств на одного пациента в больницах с тысячи ста тридцати восьми злотых до двух тысяч семисот злотых, поскольку такова действительная стоимость лечения, а также повысить фонды на питание.

27. Ввести талоны на питание лежачих больных.

28. Увеличить вдвое численность санитарного подвижного состава, поскольку такова реальная потребность уже в настоящее время.

29. Обеспечить чистоту воздуха, почвы и воды, в особенности прибрежных морских вод.

30. Одновременно с вводом в действие новых жилых районов предоставлять в пользование жителей амбулатории, аптеки и ясли.

По пункту семнадцатому, который гласит: "*Обеспечить надлежащее число мест в яслях и детских садах для детей работающих женщин*", принято решение:

Комиссия полностью разделяет это требование. Власти воеводства представят соответствующую программу не позже 30 ноября 1980 г.

По пункту восемнадцатому, который гласит: "*Ввести оплачиваемый отпуск по материнству на период в три года для воспитания ребёнка*", принято решение:

В срок до 31 декабря 1980 года по соглашению с профсоюзами будет произведена оценка возможностей народного хозяйства и установлены продолжительность и размер ежемесячного пособия для женщин, пользующихся не оплачиваемым в настоящее время отпуском для воспитания ребёнка. ОСК требует, чтобы в этом анализе было предусмотрено введение этого пособия в размере не ниже двух тысяч злотых в месяц в первый год после рождения ребёнка[1] и пятидесяти процентов от этой суммы, но не меньшей 2000 злотых в месяц, в течение второго года. Это требование должно быть осуществлено постепенно, начиная с первого[2] полугодия 1981 года.

По пункту девятнадцатому, который гласит: "*Сократить время ожидания квартиры*", принято решение:

Воеводские власти представят к 31 декабря 1980 года программу улучшения жилищного положения с целью сократить период ожидания квартиры. Эта программа будет вынесена на широкое обсуждение общественности воеводства; будут также проведены консультации с соответствующими организациями (перечень организаций).

В этой программе должно быть учтено использование существующих домостроительных предприятий, а также дальнейшее развитие производственной базы строительства. Те же мероприятия будут проведены по всей стране.

[Эти требования — о здравоохранении, материнстве, квартирах — просто невозможно было осуществить. Экономика Польши этого не позволяла, и официальная печать не скрывала, что все эти благие пожелания "трудно будет выполнить". Смысл Гданьского соглаше-

---

[1] В тексте ошибка; след. читать: "ОСК требует... введение этого пособия в размере *полной зарплаты* в первый год после рождения ребёнка... " (см. "Więz", 1980, №9:11, сб. "Солидарность... ", с. 132, "Польша: 1980... ", с. 177).

[2] В сб. "Солидарность... ", с. 132, "со второго полугодия" — ошибка.

ния вовсе не в этих обязательствах, а *в праве рабочих бороться за свои интересы.*]

По пункту двадцатому, который гласит: "*Повысить суточные с сорока злотых до ста злотых, а также добавки командировочным за разлуку с семьёй*", принято решение:

Согласовано, что с 1 января 1981 года будут увеличены суточные и добавки за разлуку с семьёй. Предложения по этому вопросу будут представлены правительством к 31 октября 1980 года.

По пункту двадцать первому, который гласит: "*Сделать все субботы свободными от работы. Занятым в непрерывных производствах и по четырёхбригадной системе компенсировать отсутствие свободных суббот увеличенными размерами отпуска или другими оплачиваемыми днями, свободными от работы*", принято решение:

К 31 декабря 1980 года будут выработаны и представлены принципы и методы осуществления программы введения свободных оплачиваемых суббот или иного способа регулирования сокращённого рабочего времени. Эта программа будет предусматривать увеличение числа свободных оплачиваемых суббот уже в 1981 году. Другие направления мероприятий в этой области содержатся в приложении, включающем требования ОСК.

[В Польше субботы были рабочими днями, и начальство всячески уклонялось от их освобождения. Вы видите, что и в Гданьском соглашении вопрос оставлен, по существу, открытым. Особенно болезненным был вопрос о субботах для шахтёров, которых нередко понуждали работать и в воскресенье. "Четырёхбригадная система" — круглосуточная работа с ночными сменами, в особенности на шахтах.]

После принятия указанных выше решений согласовано следующее. Правительство обязуется:

— обеспечить личную безопасность и сохранение прежних условий работы участникам нынешней забастовки, а также лицам, содействовавшим забастовке;

— рассмотреть в системе министерств специальные отраслевые вопросы, заявленные коллективами всех объединённых в ОСК бастующих предприятий;

— немедленно опубликовать в средствах массовой информации в масштабе страны (печать, радио, телевидение) полный текст настоящего соглашения.

Объединённый стачечный комитет обязуется окончить забастов-

ку 31 августа 1980 г. в 17 часов 00 минут.

Президиум ОСК:

Председатель	Лех Валенса
Зам. председателя	Анджей Колодзей
Зам. председателя	Богдан Лис
Члены:	Лех Бондковский Войцех Грушевский Анджей Гвязда Стефан Издебский Ежи Квечик Здзислав[1] Кобылиньский Хенрика[2] Кшивонос Стефан Левандовский Алина Беньковская Юзеф Пшибыльский Ежи Сикорский Лех Собешек Тадеуш Станный Анна Валентынович Флориан Вишневский

Правительственная комиссия:

Председатель	Мечислав Ягельский — зам. председателя Совета Министров Польской Народной Республики
Члены:	Збигнев Зелиньский — член секретариата ЦК ПОРП; Тадеуш Фишбах[3] — председатель Воеводской рады народовой в Гданьске; Ежи Колодзейский — воевода Гданьский.

[1]В тексте "Зджислав" — опечатка.
[2]В тексте "Хендрика" — опечатка.
[3]В тексте "Хишпах" — опечатка.

ПРИЛОЖЕНИЕ К П. 21

1. Изменить распоряжение Совета Министров по поводу способов расчёта вознаграждения за отпуск и пособия по болезни в четырёхбригадной системе. В настоящее время применяется среднее за 30 дней (а работают 22 дня в месяц). При этом способе расчёта занижается средняя дневная оплата при коротких периодах болезни, а также эквивалентная оплата за отпуск.

2. Мы требуем упорядочения в едином юридическом акте (распоряжении Совета Министров) принципов расчёта вознаграждения за время отсутствия на работе в различных случаях. Неясность правил используется в настоящее время против трудящихся.

3. Отсутствие свободных суббот для занятых в четырёхбригадной системе следует компенсировать добавочными днями отпуска. Существующее в настоящее время большее, чем в других системах, число свободных дней в четырёхбригадной системе играет роль периода отдыха после более изматывающей работы, а не действительно свободных дней.

Выдвигаемые администрацией аргументы, что такие виды компенсации должны даваться лишь после уравнения числа проработанных часов в обеих системах, представляются неверными.

4. Мы требуем, чтобы все субботы в месяц были свободными, как в других социалистических странах.

5. Мы требуем отмены статьи 147 Кодекса законов о труде, допускающей удлинение средней нормы проработанного времени до 9 часов в неделю при предоставлении добавочных свободных дней, а также статьи 148. В настоящее время у нас одна из самых больших норм рабочего времени в Европе.

6. Усилить значение договорных правил о вознаграждении посредством введения изменений в Кодекс законов о труде, с тем, чтобы не только изменение ставки штатного расписания или иных составляющих вознаграждения, но также изменение метода вознаграждения (аккордные трудодни) требовало формулировки со стороны работодателя.

Следует также ввести принцип, по которому ставка штатного расписания при аккордном вознаграждении должна в принципе применяться ко всем работам, выполняемым работником. Следует также упорядочить вопрос об использовании молодых работников в соответствии с их квалификацией, чтобы указанное правило не превратилось в дополнительное препятствие для их профессионального продвижения.

7. Ввести в сменные системы увеличение до 50% добавки за работу в ночные часы при системе трудодней и до 80% действительного заработка в аккордной системе. Мы требуем также добавки за работу в послеполуденную смену (как в химической промышленности).

Требуем, чтобы правительство рассмотрело эти требования до 30 ноября 1980 года.

---

8. Смена власти

Гданьское соглашение было воспринято в Польше как великий поворот. Польская интеллигенция, сыгравшая столь важную роль в организации рабочих, видела в этом событии не только политическую, но и моральную победу, первую победу над властью корысти и лжи, которая, казалось, нарушила извечное равновесие и окончательно подавила все благородные побуждения человека. Отзвук этого торжества виден даже на страницах польской печати, всё больше выходившей из повиновения начальству. Уже 31/VIII Р. Капусьцинський пишет в газете "Культура"[1]: "Августовская забастовка была одновременно и драматическим соревнованием и праздником Расправленных Плечей, Поднятых голов. На Побережье рабочие разбили стереотип работяги, имеющий хождение в официальных кабинетах и изысканных салонах". 4/IX доцент Станислав Зольденгоф[2], руководитель аспирантуры по этике университета в Торуни, даёт интервью местному журналу "Куявы": "Убеждение, что единственным источником недовольства и протестов трудящихся являются трудности материального характера и что всё можно уладить, например, с помощью повышения зарплаты, резко противоречит характеру социалистического общества. Ведь это убеждение идёт от традиции мышления эксплуататорских классов, не видевших разницы между рабочим человеком и рабочим скотом. Это пример оскорбительного пренебрежения моральной чувствительностью и достоинством трудящихся, конечно же ценящих не меньше приличного заработка правдивость, гражданское мужество и скромность. Нарушение этих ценностей, оказывается, вызывает в социалистическом обществе даже более решительные протесты, чем критика зарплаты и снабжения. В нашем положении особую роль играет *голод по правде* о проблемах страны… "[3] Вряд ли надо разъяснять, какие "эксплуататорские классы" здесь имеются в виду и какое общество на этом почти откровенном языке называется "социалистическим".

В тот же день Центральный Совет Профсоюзов счёл нужным напомнить трудящимся о своём существовании. "Последние события,

[1] В тексте ошибка; ст. опубликована 14.09.80.
[2] Stanislaw Soldenhoff.
[3] Цитата не проверена.

— говорится в его заявлении, — подтвердили необходимость глубоких перемен в нашем движении. Мы должны на деле подтвердить, что мы являемся автономной, самоуправляющейся организацией, действенным представителем интересов трудящихся"[1]. Конечно, эта мимикрия профсоюзных чинуш, спешно перекрашивавшихся в популярные цвета, не вызвала в Польше ничего, кроме смеха: к тому времени от казённых профсоюзов остались одни канцелярии.

Иностранная печать встретила польские события с большим интересом. Преобладающим мотивом комментариев было разрушение советского блока, возможное ослабление влияния и престижа Москвы. Многие газеты приняли всерьёз "национальное примирение" и неосновательно радовались рассудительности поляков, решающих свои проблемы мирным путём. Более серьёзными вещами занялась "Вашингтон пост" в своём еженедельном экономическом приложении. Газета пишет, что Польша, хотя и серьёзно задолжавшая, попрежнему пользуется доверием западных банков: "Доверие к должнику зависит от ответа на два вопроса: имеем ли мы дело с ответственным правительством, которое будет уважать свои долговые обязательства, и достаточно ли сильна экономика данной страны, чтобы этот долг уплатить. Западные банкиры считают, что в случае Польши на оба эти вопроса можно ответить положительно"[2]. В другой статье та же газета говорит, что после 1970 года ситуация некоторое время складывалась для Польши благоприятно. Тактика получения на Западе больших кредитов и увеличения экспорта привела к оживлению польской экономики. Зарплата и жизненный уровень быстро росли. Это были хорошие годы, и бастующие об этом помнят. Но возрастание оборота внешней торговли означает также зависимость от неприятностей, происходящих за рубежом. Польское правительство долго не могло этого понять. Депрессия в середине семидесятых годов ограничила рынок сбыта, куда Польша хотела экспортировать свои товары. Негибкие методы руководства промышленностью сделали невозможной конкуренцию с Западом даже при использовании импортированного с Запада оборудования. Польша тяжко пострадала от инфляции, тем более опасной, что жёсткая система планирования не могла к ней приспособиться и ослабить её последствия. С 1975 г. началась хозяйственная стагнация. Власти пересмотрели свой план, но

---

[1] ТЛ, 04.09.80.

[2] Цитировано по сообщ. ПАП "USA: rzetelne oceny" в разделе "Swiat kommentuje wydarzenia w Polsce" (ТЛ, 02.09.80). Далее, до след, абзаца, следует перевод послед, абзаца указ. сообщения ПАП.

сделали это совершенно неудовлетворительно.

Советская печать ограничивается цитированием "Трибуны Люду" — очевидно, неповоротливый аппарат не спустил ещё инструкций. Днем 1/IX агентство ТАСС[1], ссылаясь на польские источники, подчёркивает вредность забастовок: в одном только Щецине осталось неразгруженным 61 судно с зерном, кормами, разными видами сырья, без которых не может работать ряд заводов и фабрик. Советское агентство не замечает, какую картину хозяйственной зависимости Польши рисует это сообщение: в московской пропаганде давно уже нет сообразительных людей, видящих разные стороны дела. Как всегда, реакция Москвы медлительна — в связи с необходимостью принять "коллективное решение", то есть выработать документ Политбюро, снимающий ответственность с отдельных чиновников.

Но уже вечером 4/IX Ягельский заявляет[2], что СССР предоставил Польше "дополнительный финансовый кредит" для закупки на Западе сырья, необходимого лёгкой, химической и металлургической промышленности. Другие социалистические страны, — сказал он, — также проявили понимание нашего положения. . . [3] и заявили о своей готовности увеличить поставки сырья, сельскохозяйственных продуктов и продовольствия. . . [4] Как только экономическое положение стабилизируется, — заверил Ягельский, — эта помощь будет возмещена". Таким образом, механизм доения Москвы сработал, как всегда. В то же время в учреждениях НАТО и Европейского Общего Рынка обсуждался возможный план западной помощи Польше. Об этом заявил представитель западногерманского правительства А. Грюневальд. "Намеченные меры, — уточнил г-н Грюневальд, — никоим образом не должны рассматриваться как вмешательство Запада в экономическую и политическую жизнь Польши"[5].

5/IX состоялось заседание Сейма, на котором впервые за долгие годы произошла бурная дискуссия. Заметим, что это был послушный, подобранный Гереком Сейм, "выбранный" обычным способом весной 1980 года! Мы не знаем, что в точности говорилось с трибуны Сейма в самый момент переворота. "Трибуна Люду" предупреждает с обезоруживающей откровенностью: "Речи членов депутатско-

[1]Имеется в виду корреспонденция ТАСС из Варшавы в программе "Маяк" Моск. радио в 16.00 ч. (ТЛ, 02.09.80).

[2]В тексте ошибка; заявление Ягельского — от 03.09.80 (ТЛ, 04.09.80).

[3]Многоточие добавлено нами. — Ред.

[4]Многоточие добавлено нами. — Ред.

[5]Цитата не проверена.

го клуба ПОРП мы помещаем полностью, а выступления остальных депутатов — в изложении Польского Агентства Печати"[1]. Вот несколько характерных отрывков.

Польский социолог Ян Щепаньский[2] (разумеется, марксист, но беспартийный!) сказал: "Народ ясно понимал, что мы идём к кризису — но о состоянии экономики и государства не хотели говорить ни власти, ни средства массовой информации... Польский экономический кризис находится под сильным влиянием политического кризиса и вытекающих из него общественных конфликтов, коренящихся во внутренней жизни партии, в деятельности её руководящих учреждений и в напряжениях между руководством и массами членов партии"[3]. Он указал на элементы, внушающие оптимизм. Это, по его мнению [передача Тр. Л.[4]], организованность бастующих рабочих...[5] сила характера и воображения, навыки и знания, проявленные их руководителями...[6] [Запомним эти комплименты вождям "Солидарности": теперь беспартийный социолог Щепаньский служит военной диктатуре!] Надо помочь руководству партии и правительству, чтобы они сумели использовать эти способности народа...[7] [т. е. подкупить лидеров: Валенсе сразу же предложили войти в ЦК ПОРП]. От имени Президиума Польской Академии наук Щепаньский заявил о готовности включиться во все труды, необходимые для вывода страны из кризиса; он напомнил, однако, что множество подготовленных учёными анализов и разработок лежат по сей день без применения на полках министерств и плановых комиссий. В сокращённой части выступления Щепаньского содержится также пожелание, чтобы выступления депутатов Сейма правильно передавались печатью, радио и телевидением.

В выступлениях депутатов-рабочих отчётливо видно общественное давление. Они знают, что им придётся вернуться на свои предприятия, и представляют себе сложившиеся там настроения. Говорит Здзислав[8] Выджиньский (ПОРП):

"Как депутат, представляющий рабочий класс крупного промышленного центра, я глубоко переживаю нынешние события в стране.

[1] ТЛ, 08.09.80.

[2] Не смешивать с начальником польского радио и телевидения Мацеем Щепаньским, отданным тогда же под суд за злоупотребления. — *Прим. автора.*

[3] ТЛ, 08.09.80.

[4] Со слов "Он указал" до слов "эти способности народа" (там же).

[5] Многоточие добавлено нами. — Ред.

[6] Многоточие добавлено нами. — Ред.

[7] Многоточие добавлено нами. — Ред.

[8] В тексте "Зджислав" — опечатка.

Не раз в кругу товарищей на моем предприятии, а также в кругу депутатов мы задавали себе вопрос, как же это получается, что после 35 лет народной Польши, несмотря на самоотверженный труд, начало всё больше недоставать основных продуктов питания и других вещей, необходимых для нормальной семейной жизни.

Постоянно ухудшалось положение на рынке, несмотря на разные попытки реорганизации, — и вместе с тем возникла система деятелей, наделённых неограниченной властью, в том числе и правом повышения цен.

Всё время мы слышали призывы к рабочему классу, чтобы мы лучше работали, соблюдали экономию и т. д. Часто мы работали в выходные дни, но у нас складывалось впечатление, что призывы следует адресовать не нам...

Давайте перестанем ставить людей на высокие, ответственные посты по их связям или родственным отношениям — начнём ставить по их подготовке и подлинной преданности делу...

Не будем дальше терпеть резко критикуемые трудящимися явления паразитического образа жизни и обогащения определённой группы людей за счёт всей массы трудящихся. Почему мы так долго терпим это положение, несмотря на общественную критику?

Надо ли снова ожидать ещё более резких требований? Почему в нашем социалистическом отечестве человек может жить как лорд и не быть в состоянии объяснить источник своих — конечно же незаконных — доходов?.."[1]

Говорит Ян Кубит (ПОРП):

"Не только Побережье, а вся наша страна переживает глубокий общественный и экономический кризис. Так же резко выявился политический кризис между властью, с одной стороны, и обществом, трудящимися — с другой. Самый болезненный для нашего народа факт — цикличность кризисных явлений этого рода, на одной и той же основе, кризисов, которые не умеют вовремя предотвратить...[2]

Меня обязал выступить сегодня с высокой трибуны Сейма мой коллектив эльблонгского строительного комбината [Побережье]. Я был, таким образом, в центре событий; в течение всей забастовки, в каждый из 14 дней я должен был сдавать экзамен перед коллективом. Поэтому я имею моральное право поднять голос о делах, важных для страны, для общества и для Сейма. И вот, я хотел бы повторить здесь некоторые вопросы, часто повторяющиеся во вре-

[1] ТЛ, 08.09.80. Многоточие добавлено нами. — Ред.

[2] Многоточие добавлено нами — Ред.

мя многочасовых трудных, но ответственных встреч. Почему целые годы не говорили правды нашему обществу и рабочему классу? Почему ответственность за действия не одинаково касается всех, почему рабочего наказывают даже за порчу малоценных вещей, а ошибочные экономические решения на высоких уровнях, ведущие к огромным потерям, остаются безнаказанными? А между тем, как нам красиво говорили, ответственность должна возрастать с занимаемой должностью. Почему так много говорят о консультациях, а важные для общества решения принимаются без консультаций, как говорится в народе, с субботы на воскресенье? Почему надо смахивать пыль со старых требований? Почему начальство кормило нас словами? Почему всю тяжесть программы экономии должен нести рабочий класс?

Почему за долгие годы в стране не смогли решить столь важные, хотя и мелкие на вид вопросы: качество колбасных и кулинарных изделий, качество рабочей одежды, качество простых инструментов, не отвечающих уровню техники в нашей стране. Рабочие говорят чётко и ясно: заменить программы исправления на килограмм хорошей кровяной колбасы. И они правы... [1]

Мы проанализировали все заявленные требования коллектива. Подавляющее большинство из них относилось к компетенции центральных властей, а потому мы говорили только с правительственными учреждениями. Почему же так было, и должно ли так быть? Дело в том, что централизация и бюрократизация дошли до уровня безумия. Положение директора предприятия таково, что он связан по рукам и ногам, а от него требуют, чтобы он высоко прыгал. Жизненно необходимо радикально расширить полномочия и автономию предприятий, а также ввести в действие цельные финансово-экономические системы. Тогда основные социальные вопросы и вопросы зарплаты будут решаться на предприятии на основе самоуправления, хозяйственности и коллективной ответственности. Ведь должна же быть мотивация хорошей работы... [2] Поэтому я предлагаю, чтобы Сейм параллельно рассмотрел три проекта законов: о профсоюзах, о рабочем самоуправлении, о предприятиях, а может быть, и закона планирования... [3]

Бремя выполнения обязательств, принятых на себя властью в диалоге с рабочим классом, огромно. Только гласность обществен-

[1] Многоточие добавлено нами. — Ред.

[2] Многоточие добавлено нами. — Ред.

[3] ТЛ, 09.09.80. След. абзац принадлежат не Яну Кубиту, а другому оратору — Эдмунду Менцлевскому (там же).

ной жизни, решений, важных для народа, сделает возможной общую ответственность за его дела”.

Если вспомнить, что говорят здесь самые “надёжные” рабочие, подобранные аппаратом Герека для комедии “рабочего представительства”, то можно понять, какое общественное давление прорвалось в этих речах. А вот что говорит деятель старых профсоюзов Антони Сета (ПОРП), желающий нажить капитал доверия для своего учреждения:

“Нас резко и сурово критиковали за упущения, за которые рабочие платят своим здоровьем и даже жизнью. Я имею в виду безопасность и условия труда. Наша профсоюзная трудовая инспекция не вполне использовала свои законные полномочия. Часто нам связывали руки соображения хозяйственного характера, когда надо было закрыть предприятие, остановить производство. Я не говорю уже о тянувшихся годами упущениях в рабочей и защитной одежде. А ведь тут были и до сих пор остаются скандальные факты. Среди прочих нас упрекают в этом наши металлурги у доменных печей. Ведь здоровью и жизни человека нет цены.

[Превосходный образец бюрократического лицемерия: Сета хочет сохранить своё место в “реформируемых” старых профсоюзах. Он продолжает своё мужественное обличение.]

Есть правительственная программа помощи семье. Но посмотрим на факты. В Польше рождается почти 700 тысяч детей в год, и только 10 процентам из них находится место в яслях. В каком же положении оказывается работающая мать, в особенности в семье с низким доходом, вынужденная брать отпуск для ухода за ребёнком, если этот отпуск до сих пор не оплачивается?” [1]

Мы слышим также первые отклики польского крестьянства, невольно выражаемые деятелями казённой “Крестьянской партии”. Говорит Тадеуш Май:

“Надо также изменить ходячее мнение о крестьянском хозяйстве, развеять определённые мифы по поводу обогащения деревни и о том, что, несмотря на большие средства, вкладываемые в сельское хозяйство, нет результатов в смысле увеличения производства в этой отрасли экономики. Правда состоит в том, что сейчас — как видно из исследований Института сельскохозяйственной экономики — крестьянское хозяйство должно иметь 10–12 га земли, чтобы дать социальный минимум крестьянской семье из четырех человек,

[1] ТЛ, 08.09.80.

живущей исключительно за счёт работы в этом хозяйстве"[1].

[Большинство крестьянских хозяйств имеет меньше земли, и если мы вспомним, что такое "социальный минимум", то перед нами официальное признание крестьянской нищеты. Что касается мифа о "бесполезных" капиталовложениях, то этот же оратор объясняет, что за последние годы они "систематически снижались, хотя Комиссия Сейма по делам сельского хозяйства и потребительской промышленности... указывала на необратимые последствия этого в продовольственном снабжении".] Другую сторону дела объясняет Янина Щепаньская:

"Постоянные трудности с удовлетворением потребностей сельского хозяйства влияли на значительный отлив молодёжи из деревни. Этому можно было бы противодействовать при условии большей помощи молодым крестьянам, берущимся работать на земле, при условии обеспечения хозяевам полного чувства стабильности. [Вот секрет сельскохозяйственного тупика — не единственный, но главный!] Раздаются обвинения, что крестьяне не могут обеспечить наше общество продовольствием. При этом не всегда принимают во внимание, что они наталкиваются в своей работе на столь многочисленные препятствия, а также то, что в настоящее время около 1/3 индивидуальных хозяев вступило в пенсионный возраст"[2].

Мы перевели здесь речи неинтеллигентных депутатов, не пытаясь улучшить их стиль и сохраняя все особенности их построения. "Влияли на значительный отлив" есть точная копия подлинника, вовсе не представляющего собой образец литературного польского языка. Партийные кадры в Польше немногим культурнее наших, но существо дела ясно и пани Щепаньской.

А вот говорят интеллигенты. Збигнев Кледецкий (СД[3].) жалуется на то, что из года в год сдаётся в эксплуатацию всё меньше больничных коек, что недостаёт даже основных лекарств и хирургических инструментов[4]. Конечно, это врач. Мария Будзановская (СД) настаивает на том, что недостаточно провозгласить на словах правовой порядок ("систему юридических гарантий, которой мы можем гордиться, одну из лучших в Европе"): оказывается, все эти правовые нормы надо ещё применять на практике![5] Ещё один представитель той же "партии", Ежи Юзвяк, заметил, что

[1] ТЛ, 08.09.80.

[2] Там же.

[3] СД — "Стронництво демократычне"— *Прим. автора*

[4] ТЛ, 08.09.80.

[5] Там же.

не все уверены в серьёзности соглашений.

“В этих соглашениях, — говорит он, — правительство дало экономические и социальные гарантии. Они вызвали, однако, после их опубликования сомнения относительно их реальности”[1].

Католические депутаты, как всегда, сдержанны. Януш Заблоцкий (католический клуб “Знак”) призывает к мирным демократическим преобразованиям:

“Мы хотим, чтобы власть имела служебный характер по отношению к народу, первенство которого должно полностью уважаться. Путём обеспечения этой служебной роли может быть только демократизация государства, развитие диалога, ведущего к соглашению и сближению”[2].

Казимеж Моравский (“Христианская общественная служба”) “уделил много внимания взаимоотношениям государства и церкви”. От этих его мыслей в газетном отчёте осталась следующая банальность:

“Епископат поддержал всем своим авторитетом дух умеренности, реализма, рассудительности и соглашения, дал в эти трудные для отечества дни ещё одно доказательство своей глубокой мудрости в общественных делах и патриотического участия в защите народного блага”[3]. Нам придётся впоследствии заняться расшифровкой этих ритуальных формул. Дальше оратор касается, впрочем, более конкретного вопроса: “Депутат присоединился к голосам, указывавшим на необходимость реформы Управления контроля над печатью, публикациями и зрелищами [цензуры] в соответствии с конституционными нормами. Речь идёт прежде всего о том, чтобы сделать возможными обмен мыслями и столкновение взглядов, о формировании[4] общественного мнения”[5]. Стало быть, всё это было невозможно, что признается и в Гданьском соглашении. Как видите, такое можно уже напечатать в газете!

Вот говорит известный партийный публицист, главный редактор журнала “Политыка” Мечислав Раковский. Он начинает с чего-то вроде покаяния:

“Нелегко мне сегодня здесь говорить, члену Центрального Комитета партии, несущей главную ответственность за развитие страны. Возбуждённое общественное мнение ожидает сейчас от каждого

[1]ТЛ, 09.09.80.
[2]ТЛ, 08.09.80.
[3]ТЛ, 08.09.80.
[4]В тексте “взглядов формулирование”.
[5]Там же.

представителя ПОРП самокритичной оценки его собственной деятельности, мало того — даже самобичевания, а самые правильные призывы, самые разумные слова склонно воспринимать как назойливое поучение. . . "[1] Дальше г-н Раковский напоминает, что он всегда был в своём журнале записным партийным либералом: "Много лет я принадлежу к сторонникам глубокой реконструкции структур управления и руководства народным хозяйством, много лет я провозглашаю необходимость освобождения каждого человека труда от излишней централизации [это говорит главный идеолог нынешней военной диктатуры]; я даже надорвался на этом деле, что теперь, впрочем, неважно"[2].

Не очень-то надорвался Раковский: он без вреда для себя либеральничал при Гомулке, так же преуспевал при Гереке, путешествовал по свету в своё удовольствие и представлял польский либерализм перед всем миром (для чего и был нужен), потом пошёл на службу к Кане, теперь служит Ярузельскому, называя его, с некоторой фамильярностью, просто "генералом". Перед нами типичный Иуда современного польского образца: в нем нет уже ничего от тяжеловесных партийных мужичков послевоенного типа, он худощав, говорит по-английски и ходит в кожаной тужурке.

Одно из выступлений звучит удивительно наивно. Говорит беспартийный Ромуальд Буковский:

". . . Я, как представитель художественной среды, решил коснуться здесь вопросов, не затронутых в сегодняшних дебатах, может быть, не замеченных в потоке более важных дел. Именно, я думаю сейчас о тех областях человеческих возможностей, которые можно было бы — не претендуя на более точное название — определить как сферу высших общественных чувств. Мне кажется, что это элемент и предпосылка, на основе которых можно было бы с верой, надеждой и оптимизмом строить наше ближайшее будущее"[3]. (Дальше — сокращённое изложение Тр. Л.) "По поводу последних событий на Побережье оратор сказал, что их невозможно понять и почувствовать, не увидев их своими глазами. Так говорили все, кто был эти 18 дней на Побережье. Депутат изобразил атмосферу этих дней, которая — как он сказал — войдёт в историю. Он особенно подчеркнул взаимную доброжелательность, чувство ответственности за судьбу страны, за исход трудных переговоров. Дни эти доказали, — сказал оратор, — что рабочий класс

[1]ТЛ, 09.09.80.
[2]ТЛ, 09.09.80.
[3]ТЛ, 08.09.80.

является в нашей стране зрелым авангардом народа. В совершаемом теперь расчёте с прошлым надо видеть также элемент новых ценностей, новой этики, нового образа жизни всех людей труда, потенциальные возможности которых на многих заводах и фабриках использовались лишь в ничтожной мере. Я убеждён, — сказал он, — что уже с сегодняшнего, с завтрашнего дня весь народ героически возьмётся за труд, удовлетворённый во всех областях, не доставлявших ему радости до сих пор... Оратор сказал, что Главное правление Союза польских художников составило от имени 12 тысяч его членов письмо солидарности, где оно благодарит участников движения обновления, рабочий класс — за то, что он взялся за дело исправления Речи Посполитой. Все художники нашей страны верят, — сказал оратор, — что наряду с обновлением и восстановлением общественной и хозяйственной жизни страны найдётся также место для обогащения нашей культуры новыми творениями, служащими человеку, служащими идее, обогащению и приданию новых ценностей жизни человека, его этике, определению его места в общественном мире"[1].

Художник из Гдыни Ромуальд Буковский стал потом единственным депутатом Сейма, голосовавшим против военной диктатуры.

Эта сессия Сейма началась выступлением нового премьера Пиньковского, посвящённым хозяйственному положению и выполнению "общественных соглашений". В длинной речи, тусклой и невразумительной, как и всё, что ему приходилось говорить в следующие месяцы пребывания в должности премьера, Пиньковский перечислил, кому и на сколько будет повышена зарплата в соответствии с заключёнными к тому времени соглашениями: "Солидарность" сразу же заявила, что правительство мошенничает, нарушая буквальный смысл подписанных им документов. Как неудобно иметь дело с народом, имеющим право голоса! Премьер сказал также: "Общественную программу, за которую мы берёмся, нам придётся осуществлять в трудных условиях". После этого откровения премьер сказал нечто уже совсем забавное, публично сознавшись в том, что правительство не принимает этой программы всерьёз:

"*Я хочу заявить, что нынешний уровень производительности труда и объём производства не обеспечивают материальных оснований для полного осуществления этой программы*"[2].

Будучи в этом уверен, Пиньковский не должен был принимать

[1] ТЛ, 08.09.80.
[2] ТЛ, 6–7.09.80.

на себя эту миссию; впрочем, он не мог, вероятно, отказаться от партийного поручения.

В день открытия Сейма, 5/IX, депутатам сообщили о болезни Герека[1], не присутствовавшего на сессии. 8/IX было опубликовано следующее сообщение:

"ВРАЧЕБНОЕ КОММЮНИКЕ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ ЭДВАРДА ГЕРЕКА

Группа специалистов, следящая за здоровьем Эдварда Герека, подтвердила в ходе дальнейшего клинического наблюдения предварительный диагноз сердечного инфаркта, происшедшего у больного 05.09.1980 года.

Состояние здоровья пациента удовлетворительное..."[2]

Таким образом, Гереку не удалась роль "конституционного короля", сменяющего непопулярных министров: его противники, неосмотрительно возвращённые им в Политбюро, решили отделаться от него как можно скорее. Конечно, его предал верный человек Каня, сменивший его на посту первого секретаря, предал его и стойкий (на своём посту) генерал Ярузельский.

В тот же день, 5/IX, премьер Пиньковский подписал постановление Совета Министров о повышении скупочных цен на свиней.

В ночь с 5 на 6/IX был созван VI Пленум ЦК ПОРП. "Принимая во внимание болезнь Э. Герека, ЦК освободил его от обязанностей секретаря ЦК ПОРП и члена Политбюро ЦК ПОРП"[3]. Исключение из Политбюро может показаться странным, поскольку врачи нашли его состояние "удовлетворительным" и можно было рассчитывать на его выздоровление; но политические болезни неизлечимы. Одновременно членами Политбюро были избраны К. Барциковский, и А. Жабиньский, а секретарями ЦК — Т. Грабский, З. Куровский и Е. Войтецкий[4]. В кулуарах Пленума о Гереке говорили с уважением, — сообщают иностранные газеты. Обсуждался даже вопрос, не сделать ли этого заслуженного ветерана почётным председателем партии. Но дело обернулось так, что пришлось отдать его под суд: оказалось, что Герек тоже крал, и, разумеется, не меньше других.

[1] Об этом см. там же.

[2] Откр. и закр. кавычки и многоточие добавлены нами. — Ред. (см. там же, 08.09.80).

[3] ТЛ, 6–7.09.80.

[4] В тексте "Ю. Войтецкий" — опечатка (см. там же).

Что же представлял собой глава нового строя, доставшийся ему от старого, — Станислав Каня? Жизнь его не богата событиями. В год революции ему было около 60[1] лет. Он происходит из крестьянской семьи и во время войны, как утверждает его официальная биография[2], участвовал в сопротивлении в составе так называемых “батальонов хлопских”, крестьянских подразделений Армии Людовой. В облике его что-то не вяжется с таким боевым прошлым, потому что он выглядит как раз одним из партийных мужичков, заменивших после войны более колоритных и разнообразных большевиков и большевистских ренегатов. Он плотно сложен, лицо у него неинтеллигентное, с крестьянской хитрецой, очень напоминающее Хрущёва. Но характер и манера держаться совсем другие: при столь же недалёком уме в нем нет хрущёвского увлечения, это, скорее, флегматик, делающий глупости без всякого участия страсти. Может быть, и меланхолик, потому что уж очень склонен был пугать своих сограждан, изображая мрачные перспективы: он пугал их так часто, что угрозы его перестали воспринимать всерьёз, как в известной басне о пастухе и волке.

Конечно, он руководил польской госбезопасностью, но при Гереке это учреждение было в большом упадке, и сравнивать Каню с чекистами прошлых времён никак не возможно. В общем, китайцы назвали бы этого деятеля “бумажным тигром”. Почему же Каня, а не кто-нибудь другой оказался первым секретарём среди всех этих бурных событий? Потому что для этой роли у него были преимущества, каких не было ни у кого другого. Прежде всего, это был человек, способный внушить доверие Москве: крестьянское происхождение, никакого образования (только партийная школа!) и долгий стаж по части ГБ. Да и весь его облик простоватого мужичка делал его для московских старцев своим человеком: все они были такими же пятнадцать-двадцать лет назад. Наконец, Каня и раньше был одним из главных деятелей режима, что придавало ему в глазах Москвы добавочную ценность, гарантируя в некотором роде преемственность и солидность нового правления. Это обстоятельство особенно подчёркивали западные газеты. У Кани было также немаловажное преимущество для внутренних целей: не занимаясь экономикой, он не успел ещё на этом поприще провалиться. Может быть, на первой стадии конфликта требовалось ещё и миролюбие: как мы увидим, Каня был миролюбив.

[1] Точнее: “53”; род. 08.03.27.

[2] Там же.

Я приведу полный текст его речи на VI Пленуме в ту же памятную ночь с 5 на 6 сентября. Поскольку все речи Кани очень похожи одна на другую, читатель будет избавлен в дальнейшем от скучного повторения.

“Дорогие товарищи!

Нынешний пленум созван в срочном порядке. Я не успел приготовить основной доклад. Поэтому я хотел бы лишь кратко высказаться по нескольким вопросам, наиболее срочным в данном положении.

Никогда за всю мою многолетнюю принадлежность к партии я не думал, что Народная Польша и партия окажутся перед лицом таких трудных, таких драматически сложных проблем, как сейчас. Тем более я никогда не рассчитывал, что на меня падёт столь большое бремя ответственности, связанной с должностью, которую вы мне доверили.

Меня тронуло единогласие Центрального Комитета, выбравшего меня секретарём. Благодарю вас, товарищи, за адресованные мне добрые слова. На это доверие, эту надежду я должен ответить своим трудом. В некоторых выступлениях говорилось, что я должен быть вождём партии. Нет, товарищи, занимаемая должность не делает человека вождём. К тому же я не очень уверен, что нашей партии нужно то, что заключается в понятии вождя. Я глубоко убеждён, что обязан прежде всего думать о том, чтобы и в этом зале, и в масштабе всей нашей партии действовала коллективная мудрость людей. Это великая творческая сила в формировании линии партии, в её осуществлении. Так я понимаю, так вижу свой долг перед Центральным Комитетом, перед партией.

Я принимаю обязанности 1 секретаря в необычных условиях. Товарищ Герек, руководивший нашей партией в течение последних 10 лет, тяжело болен. Теперь, перед лицом его болезни, не время оценивать его деятельность. Я уверен, что это будут справедливые оценки, что, несмотря на всё, заслуги тов. Герека за 50 лет его деятельности в рабочем движении неоспоримы. Пожелаем ему скорейшего выздоровления.

Важнейшая наша задача — восстановить общественное доверие к народной власти, доверие рабочего класса и всех трудящихся к партии. Мы должны обеспечить крепкую связь власти с обществом. Её не было, и это вызвало взрыв недовольства в широких столь угрожающих последствиями масштабах. Я сознаю широкий размах критики разных аспектов нашей жизни. Критики, часто заслоняю-

щей большие бесспорные свершения социалистического строительства за весь период Народной Польши и за это последнее десятилетие. [Этот мотив будет всё время повторяться: были ведь и большие достижения!] Тем более мы должны отнестись с большой благодарностью к тем рабочим коллективам, тем миллионам трудящихся, которые, имея немало причин для недовольства, добросовестно и самоотверженно трудились. Они стояли на своих трудовых постах. Благодаря им продолжалась жизнь в стране. Благодаря им другие могли бастовать. [Дело изображается так, будто забастовка — величайшее бедствие, а всеобщая забастовка равносильна гибели страны. В более свободных странах всё время кто-нибудь бастует, время от времени бастуют все вместе, и ничего страшного не происходит, только хозяевам приходится раскошелиться. В этом весь ужас забастовок!]

Главным источником этой большой волны забастовок, прокатившейся по Польше, начиная с июля и продолжающейся по сей день, были серьёзные ошибки в экономической политике и деформации в общественной жизни. Мы рассматриваем эти забастовки как проявление рабочего недовольства, рабочего протеста в их главном, чистом, подлинно рабочем течении. Это не был протест, направленный против основ социализма, против наших союзов, против руководящей роли нашей партии, которую сформировала история. [“Руководящая роль партии” вне обсуждения, т. е. они должны остаться у кормушки.] Он был направлен против извращений, против ошибок в нашей политике. Именно по этой причине основным методом разрешения общественных конфликтов забастовочного характера был диалог, были переговоры, терпеливо и выдержанно проведённые нашими товарищами. В результате их мы достигли соглашения в разных социальных, общественных делах, соглашения с представительствами коллективов, принимавшими в большинстве бастовавших предприятий форму стачечных комитетов. Мы будем заботиться о том, чтобы все эти соглашения были выполнены. Нахождение политического решения [т. е. решения без применения силы: принятая в Польше стыдливая формулировка] столь острого общественного конфликта является нашим ценным политическим и моральным капиталом, свидетельством высокой ответственности партии и народной власти за страну, за будущее народа.

Мы будем со всей последовательностью доходить до источников напряжений, будем устранять их, чтобы никогда больше не могло возникнуть столь драматическое положение. Надо видеть, однако, что борьба идёт не только за восстановление доверия рабочего клас-

са, трудящихся. Идёт также острая борьба с врагом. Мы хотим справиться с трудностями страны. Но антисоциалистический враг [Запомните это выражение!] хочет использовать возникшие конфликты для целей, противоречащих тому, к чему стремятся и за что высказываются рабочие. Мы будем решительно противодействовать случаям нарушения порядка, самоволию и дезорганизации, травле честных людей, самоотверженно трудящихся для Польши. ["Солидарность" заготовила досье на особенно выдающихся воров. Аппарат был заинтересован в том, чтобы их связи и способы действия не стали предметом обсуждения.] Мы будем решительно защищать дело социализма, жизненные интересы нашего народного государства, это теперь чрезвычайно важная задача нашей партии, её идеологического фронта, всего нашего актива. Это, в сущности, общее дело всех патриотических сил нашего народа.

Мы можем, даже обязаны теперь спорить в нашей стране о многих делах, вести дискуссии, немало вещей должны изменить. Но в одном мы должны быть согласны: Польша нуждается в спокойствии и труде. Если этого не будет, всё остальное потеряет смысл и значение. [Игра на страхе тех, кому есть что терять.]

Предметом нашей особенной заботы должно быть экономическое положение страны. Оно и раньше было очень сложно. Забастовки, вследствие вывода из строя значительной части нашего экономического потенциала, вследствие новых обязательств в области зарплаты и пенсий, ещё больше углубили эти трудности[1].

На первом плане мы должны видеть необходимость предпринять широкие действия с целью использования промышленного потенциала, он у нас большой и современный, а используется всё ещё слабо. Надо приложить огромные усилия, чтобы значительно улучшить положение со снабжением рынка. Это одно из главных требований нашего общества.

Большие проблемы стоят перед нашим сельским хозяйством, местом работы миллионов крестьян и источником продовольствия для народа. Мы будем заботиться о том, чтобы постоянно действовала окупаемость сельскохозяйственной продукции, чтобы были крепкие гарантии крестьянской собственности на землю, чтобы каждый желающий заниматься хозяйством был уверен в своей собственности. Мы должны содействовать всем типам хозяйств, повышающим продуктивность земли, увеличивающим эффективность хозяйствова-

[1] Так в тексте; след. читать: "Забастовки и, как следствие, вывод из строя... экономического потенциала, новые обязательства... ещё больше усугубили эти трудности".

ния, мы должны поддерживать социалистические перемены в нашем сельском хозяйстве. [Не будут распущены совхозы и не будет возвращена земля, разными способами отнятая у крестьян.]

Большое дело, которое не должно быть упущено из поля зрения — это жилищные трудности. У нас правильная и нужная программа [Ср. с заявлением Герека на совещании 9 июля: "...положение страны сложное, но у нас есть хорошая программа"], но пока она очень плохо выполняется. Это одно из дел, за которые надо взяться, и притом намного действеннее, чем до сих пор. [До самого конца Каня не скажет ничего интереснее. Перечитайте последнюю фразу, она этого стоит!]

Партия будет осуществлять свою политику прежде всего через представительные учреждения, опираясь на их конституционную роль. Мы исходим из принципа и должны принять за установку нашей работы, что демократия — это не жест власти по отношению к обществу, а большая и растущая потребность социализма. [За эту фразу особенно ухватились "еврокоммунисты".] Поэтому мы решительно высказываемся за полное соблюдение конституционных полномочий Сейма, за расширение прав рад народовых [местных советов], за подлинное обновление профсоюзов, такое, чтобы они были вполне самоуправляющимися и действенными защитниками рабочих интересов и прав, партнёрами по отношению к администрации. Мы будем заботиться и о том, чтобы новые профсоюзы развивались так, как об этом заявили их организаторы, чтобы соблюдался принцип, что это организации, стоящие на почве социализма и действующие как звенья социалистической демократии.

Мы хотим, чтобы каждый патриотически мыслящий гражданин нашей страны имел чувство и возможность активного участия в наших национальных делах. Мы хотим последовательно продолжать нашу политику по отношению к вероисповеданиям, обогащённую новым опытом, хорошо служащим нашему отечеству. [Обещание прекратить дискриминацию верующих при назначении на должности.] Большим достижением политики нашей партии является международная позиция социалистической Польши. Сегодня, в эту сентябрьскую ночь, через 41 год после памятной трагедии, склоняя голову перед героизмом польского солдата и страданиями нашего народа, следует со всей силой подчеркнуть, что в годы борьбы и в годы послевоенного строительства возникла и оправдала себя линия нашей последовательной, стабильной внешней политики, лежащая в основе суверенного и безопасного существования нашего народа. В ней особое место занимал и будет занимать союз с Советским Со-

юзом. Союз этот, принёсший Польше освобождение, имеет большое значение как гарантия наших справедливых, нерушимых границ, нашей безопасности, а также выгодного экономического сотрудничества, в том числе благожелательного, интернационалистского отношения к нашим сегодняшним насущным экономическим нуждам. [См. главу “Механизм растления”.]

Надо особо подчеркнуть, что наши друзья, наши союзники в эти минувшие трудные дни отнеслись к нашему положению с пониманием, с верой, что мы найдём в этом положении правильное решение. Это относится прежде всего к Коммунистической партии Советского Союза и лично к товарищу Леониду Брежневу. Мы высоко ценим близкое сотрудничество со всеми дружественными социалистическими странами. Мы будем укреплять наше достойное место в Варшавском Пакте, в Совете Экономической Взаимопомощи.

Мы будем также активно продолжать, развивать и укреплять отношения со странами другого общественно-политического строя. Мы хотим и дальше вносить наш польский вклад в дело мира и разрядки, в конструктивное международное сотрудничество.

Основным условием благополучия нашей страны, преодоления трудностей, возникших на пути нашего развития, основным условием соглашения с рабочим классом, укрепления доверия общества к народной власти является наша партия, её повседневная деятельность. [Трудности “возникли”, правда, не без участия партии, но кто же может справиться с ними, если не та же партия? Это их логика: без партии нельзя, и всё тут.] Мы должны заботиться, чтобы повсюду в партии возникали образцы того, что должно действовать в социалистическом обществе. То есть согласный с ленинскими принципами демократизм в работе Центрального Комитета и всех партийных инстанций, высокие требования и суровая реакция на беззакония, на нарушения принципов морали, о чём сегодня говорилось в дискуссии. Забота о том, чтобы для каждого члена партии и каждого коммуниста на первом месте всегда стояли общественные дела. С сегодняшнего дня [!] мы должны будем заботиться, чтобы стиль нашей работы, наши нравы стали проще и естественнее. В особенности это касается заседаний, дискуссий, разных публичных встреч. Меньше церемониала, больше деловитости и искренности — это будет содействовать улучшению нашей деятельности, поможет укрепить связь партии с обществом.

Верные социалистическим идеалам, верные нашей марксистско-ленинской идеологии, мы должны строить авторитет нашей партии на скромности, простоте, на страстной борьбе со всяким злом,

со всем докучающим людям, оскорбляющим их чувство справедливости. [В Гданьске не удалось добиться даже *признания* того, что специальное снабжение существует!]

Партии адресуются надежды общества на лучшую жизнь. От работы партии, от качества её рядов, от боевого духа наших товарищей зависит преодоление трудностей, с которыми мы имеем дело. Сплотим наши ряды. Нам нужно развитие большого умственного движения [?], которое поможет найти ответ на вопросы: как выйти на путь успешного развития, какую создать программу, какие установить гарантии, чтобы никогда больше не оказаться в таком положении, как сейчас.

Представляется целесообразным — это выдвигают некоторые товарищи в письмах в Центральный Комитет, эту точку зрения разделяет Политбюро, — чтобы на ближайшем заседании Центрального Комитета была рассмотрена целесообразность [так в подлиннике: целесообразно, чтобы была рассмотрена целесообразность] созыва чрезвычайного съезда партии[1]. Партия должна дать ответ на эту ситуацию и на эти проблемы. Соответствующие установки, выработанные и утверждённые Центральным Комитетом, могли бы стать основой повседневной дискуссии в партии, служить её интеграции и укреплению её влияния во всем обществе.

Наша партия имеет в своих рядах разных людей, разных не только в отношении профессии, интересов, но и разных в смысле поколений. Наряду с молодыми людьми есть ещё у нас в партии товарищи, пережившие всю эпопею борьбы с буржуазией, за классовое освобождение трудящихся масс, прошедшие через огонь борьбы с врагом на фронте или в движении сопротивления. Люди, поднимавшие из развалин нашу родную землю, строившие новую жизнь, возвращавшие Матери-отчизне западные земли. Это единство старшего и младшего поколений нашей партии — великий источник её силы. Мы должны всегда заботиться об этом единстве. [Молодые члены партии, в самом деле, её взорвали — съезд, о котором здесь шла речь, должен был оказаться её *последним* съездом.]

Я глубоко убеждён, что придёт время, когда снова в массовом масштабе рабочие будут говорить о Польской Объединённой Рабочей Партии — нашей партии, и не только потому, что она ведёт народ по социалистическому пути развития, но и потому, что она осуществляет свою руководящую роль такими методами, которые

[1]В тексте пропущена фраза: "У нас новая ситуация, перед нами стоят новые проблемы".

приближают её к обществу, которые порождают доверие, порождают её авторитет"[1].

С этим умственным багажом польская правящая партия, в третий раз покаявшись, приступила к своему третьему обновлению.

---

[1]ТЛ, 08.09.80.

9. Рука Москвы

Для судьбы польской революции решающее значение имел вопрос о вмешательстве Москвы. Вся система власти в странах Восточной Европы держится только на угрозе советского вторжения. В 1953 году в Восточной Германии, в 1956 году в Венгрии, в 1968 году в Чехословакии военное вмешательство Москвы — и только оно — продлило существование жалких режимов, навязанных этим странам. Ясно, каковы чувства населения этих стран. Чтобы не понимать этого, надо быть очень глупым человеком, вроде того канадского журналиста, который объехал чуть ли не все зависимые страны советского блока, заговаривал на улицах с прохожими и вывел из этих разговоров заключение, что жители этих стран, привыкшие к своему положению, не особенно им тяготятся и не будут бороться за свободу своей страны. Это и естественно, — говорит он, — ведь эти народы никогда не знали демократического самоуправления, всегда были под иностранным господством. Журналист, о котором я вспоминаю, не был в Польше, где уже произошёл к тому времени военный переворот, а в отношении Чехословакии всё-таки признает, что там ответы были другими. По-видимому, этот господин знает историю так же, как все нынешние обыватели, наши и заграничные, и воображает, что эти страны попали в русское подчинение прямо из-под власти турецкого султана, или что-нибудь в этом роде. Конечно, любой эмигрант мог бы объяснить этому дурачку, что всякий, к кому он обращался на улице с вопросами, имеет причины опасаться за каждое сказанное им слово, потому что должен ещё некоторое время прожить в той же стране. Ему втолковали бы, что в таких странах средний прохожий даже не задумывается о реальной опасности разговора с иностранцем, а подсознательно говорит то, что полагается ему сказать в данных обстоятельствах. Но дело здесь не в глупости отдельного человека, а в системе, отбирающей такие корреспонденции: в то время Канада была заинтересована продавать на восток зерно и бог знает что ещё, может быть — подслушивающие устройства.

Поляки всегда помнят о Москве. Этого не понять странам, не испытавшим пяти польских разделов, не восстававшим снова и снова за свою независимость, как восставали поляки в 1794, 1831, 1863, 1918 годах. Вопрос о свободе Польши зависел — и до сих пор зависит — от способности Москвы влиять на польские дела. Атмосферу

напряжённого ожидания и беспокойства, сложившуюся в месяцы польской свободы, лучше всего передают два интервью, опубликованные в декабре 1980 года в гамбургском журнале "Дер Шпигель"[1]. Эти интервью выражают две точки зрения: московской бюрократии и польского революционного движения. Первое из них дал заместитель заведующего иностранным отделом ЦК КПСС В. Фалин, в прошлом советский посол в ФРГ; второе — наиболее известный деятель КОРа Яцек Куронь.

Из интервью Фалина опущена заключительная часть, относящаяся не к Польше, а к проблеме разоружения[2]. Интервью Куроня приводится полностью.

С Фалиным беседовали редакторы "Шпигеля" Зигфрид Когельфранц, Дитер Вильд, Рудольф Аугштейн (основатель и главный редактор журнала), Иоганнес К. Энгель, Фритьоф Мейер, Катерина Горбач[3]. При беседе присутствовал (не участвуя в разговоре) "консультант ЦК" Н. С. Португалов. Разговор происходил на немецком языке в помещении ЦК. Над заголовком — фотография собеседников с подписью: "Мы не ищем кризиса ни в Польше, ни где-либо в другом месте".

ВЫ НЕДООЦЕНИВАЕТЕ НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ

Деятель советского ЦК Валентин Фалин о кризисе в Польше и его последствиях для советской системы

Перед лицом тяжелейшего кризиса советской системы со времени окончания Второй мировой войны Москва оказалась под давлением также и во внешнеполитической области: Совет НАТО принял в Брюсселе секретный план действий на случай, если Москва, вопреки усиленным предостережениям Запада, предпримет всё же военное вторжение в Польшу. В Нью-Дели руководитель партии Брежнев предложил свой план мира для Индийского океана, но индийцы, лучшие союзники Москвы в Южной Азии, отклонили этот план. В этот напряжённый момент мировой политики важный деятель Кремля Валентин Фалин, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС, заверил в беседе со "Шпигелем": "Социалистические страны не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела Польши".

---

[1] Точнее: 15.12.80, с. 94–101.

[2] В части, относящейся к Польше, имеются пропуски. Они будут отмечены нами (ред.) многоточием и/или соотв. сноской.

[3] Siegfried Kogelfranz, Dieter Wild, Rudolf Augstein, Johannes K. En-gel, Fritjof Meyer, Katerina Horbatsch соотв.

ШПИГЕЛЬ. Г-н Фалин, в Польше и вокруг Польши возникло сейчас опасное международное положение. Мы хотели бы услышать от вас, как вы оцениваете развитие событий в Польше. Полагаете ли вы, что польское государственное и партийное руководство ещё может справиться с положением, или же, возможно, вмешается польская армия или, в конечном счёте, даже Варшавский Пакт?

ФАЛИН. Я разделяю ваше мнение, что международное положение напряжённое и серьёзное, — иное дело, по каким причинам. Вы связываете это положение с ситуацией в Польше. Я так не думаю, поскольку это положение ухудшилось задолго до известных осложнений, которые мы наблюдаем в Польше — как мы, так и вы не без беспокойства. Кампания, развернувшаяся в последнее время в западной печати — я полагаю, здесь можно говорить о кампании, и не только в печати, но и на Западе вообще, — ведётся примерно в духе древней побасёнки: "Скажи мне прямо, перестал ты бить своего отца или нет? Да или нет?" Такой вопрос был ложен в Древней Греции, а теперь ещё более ложен.

ШПИГЕЛЬ. Но мы ведь не спрашиваем, перестали ли вы бить Польшу, мы спрашиваем совсем о другом: можно ли улучшить ситуацию в Польше, которая всем нам кажется опасной, не причиняя большого вреда? Мы не видим, чтобы внешние события заметно повлияли на положение в Польше, разве что выбор польского Папы. Если у поляков нет мяса и если они требуют повышения зарплаты, то ведь это не вина западной печати.

ФАЛИН. По поводу вмешательства Запада во внутренние дела Польши ясно и убедительно высказалось само польское руководство. Мне нечего к этому добавить. Я хотел бы продолжить свою мысль и сказать: опасности, о которой была речь в вашем вопросе, не существует. Социалистические страны не имеют намерения вмешиваться во внутренние дела Польши. Польша может сама справиться со своими обстоятельствами. Весь этот шум на Западе исходит из ложной предпосылки, будто перед нами стоит нечто почти неотвратимое, что может привести к кризису в Европе или в мире.

Повторяю, мы исходим из заявлений польской правящей партии, поддерживаем усилия этой партии нормализовать положение и не дать хозяйственным проблемам превратиться в другие. Мы не ищем кризиса, не вызываем никакого кризиса, ни в связи с Польшей, ни в каком-нибудь другом месте.

И, конечно, мы не сочувствуем усилиям вызвать или устроить такой кризис в связи с Польшей, откуда бы эти усилия ни исходили.

ШПИГЕЛЬ. Но вчера советское агентство ТАСС передало со-

общение, что контрреволюционные элементы в Польше пытались в разных местах захватить руководство, что они уже добились в этом успехов, которые могут в конечном счёте привести к разрушению социализма.

ФАЛИН. Если мы хотим составить себе представление, точное представление о том, что происходит в Польше, мы не должны полагаться на сообщения корреспондентов.

ШПИГЕЛЬ. Даже на ТАСС?

ФАЛИН. Даже не на ТАСС, в первую очередь, а, прежде всего, на оценки, которые даёт польское руководство. Если вы внимательно прочтёте, что сказал на пленуме польского ЦК его первый секретарь Станислав Каня, то там буквально сказано, что контрреволюционная опасность в Польше является фактом, что эту опасность надо принимать всерьёз, но что силы, стоящие на почве социализма, сопротивляются этой опасности. Имеются различные факты, подтверждающие и подкрепляющие этот тезис первого секретаря.

Но мы не хотели бы создать впечатление, будто борьба разгорелась уже до крайней остроты, будто на повестке дня[1] стоит вопрос "кто кого?" Товарищ Каня сказал в той же речи, что партия попрежнему несёт ответственность, намерена и дальше сохранить эту роль и приложит к этому все силы.

ШПИГЕЛЬ. Но будет ли польская партия в состоянии это сделать?

ФАЛИН. Наибольшие заботы — экономического характера, потому что падает производительность. В обращении слишком много денег, а на рынке недостаточно товаров, эти ножницы расходятся, и вместе с этим растёт недовольство. Когда у людей есть деньги, но они ничего не могут на них купить, у них не всегда бывает хорошее настроение.

ШПИГЕЛЬ. Мы заметили, что все экономически важные страны предоставили Польше кредиты — в том числе, конечно, и Советский Союз, прежде всех других. Но с Запада Польша получила в совокупности даже больше кредитов, чем вся Европа по плану Маршалла после 1945 года: около сорока миллиардов марок. Так что едва ли можно сказать, что Запад старался причинить Польше трудности, иначе он вряд ли дал бы ей столько денег. Не разделяете ли вы мнения, что и Запад тоже заинтересован в успешном развитии Польши в пределах существовавших до сих пор условий?

ФАЛИН. Я полагаю, что мы не упрощаем политику Запада, если

[1]В тексте "в порядок дня"

считаем такое истолкование происшедших явлений не вполне объективным. Политика почти всегда имеет много аспектов, и кредитная политика не составляет исключения.

Надо поставить вопрос несколько иначе, а именно: в какой степени имелись не субъективные намерения, а объективные предпосылки для того, чтобы эти кредиты могли принести Польше оптимальную пользу. Как заявило польское руководство, кредитная политика предыдущих правительств была ошибочной.

ШПИГЕЛЬ. Полностью ошибочной?

ФАЛИН. Ошибочной в своих темпах, в своих концепциях и в надежде таким образом связать польское хозяйство с иностранной экономикой, чтобы всё пошло почти автоматически; чтобы польское производство достигло столь высокого уровня, что его изделия всюду нашли бы сбыт по благоприятным ценам. . . [1] Кредиты и польское руководство виновны в том, что сейчас вся выручка за экспорт не покрывает текущих платежей и процентов.

ШПИГЕЛЬ. Когда предоставляют кредиты, предполагается, что эти кредиты будут правильно использованы внутри страны. Мы имеем в виду следующее. Не Запад и, возможно, даже и не Советский Союз виновен[2] в том, что кредиты были использованы способом, объективно вызвавшим трудности. Это ошибки, за которые обычно наказывают правительство, отстраняя его от власти[3].

ФАЛИН. Поляки сами рассчитываются между собой, это их право. Никто не может оспаривать это право поляков делать выводы из прошлого. . . [4] Это даже необходимо, чтобы такие ошибки не повторялись. Не одна страна, а многие страны как на Западе, так и на Востоке, допускали такие ошибки.

ШПИГЕЛЬ. Почти все.

ФАЛИН. Да, почти все. Нелегко учесть все зависимости, в особенности колеблющуюся мировую конъюнктуру или, тем более, превратности погоды. Мы взяли, например, для постройки ряда заводов кредиты на шесть-восемь лет, рассчитывая, что эти заводы будут построены за шесть лет, и тогда мы оплатим кредиты их продукцией. Но нам понадобилось на это десять лет, и ещё четыре года мы расплачивались из текущей продукции.

---

[1] Многоточие добавлено нами. — Ред.

[2] Так в тексте; след. читать: "Запад и, возможно, Сов. Союз не виновны".

[3] В тексте пропуск; после слова "власти" след. читать: "ФАЛИН: Мы не хотим осуждать и, тем более, учить наших польских друзей. ШПИГЕЛЬ: Вы-то — нет, но Польская партия это делает".

[4] Многоточие добавлено нами. — Ред.

ШПИГЕЛЬ. Что касается опасности для мира, то нас беспокоит не сам факт наличия экономического кризиса в Польше, а то, что этот кризис может вызвать последствия, угрожающие политике разрядки. На конференции Варшавского Пакта в Москве было заявлено: “Польша была, есть и останется социалистической страной”. Какие же заверения или гарантии мог предложить вам г-н Каня, что это и в самом деле так будет?

ФАЛИН. Видите ли, у Польши есть конституция, как и у вас. В этой конституции ясно изложены принципы экономического, социального и других видов развития в этой стране. И если в вашей стране кто-нибудь пренебрегает конституцией, оскорбляет её или как-либо иначе не уважает её...

ШПИГЕЛЬ. То в случае надобности высказывается Конституционный суд.

ФАЛИН. Да, в случае надобности. Если оставлять за собой такое право, то нельзя отказывать в нем и другим странам.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь социалистический лагерь считал возможным его оспаривать. Мы хорошо помним 1968 год...

ФАЛИН. Нет, нет, нет, это опять одна из тенденций, которых не существует. И потому мне не хотелось бы возвращаться к этому вопросу — мы уже о нем говорили. Тезис, что “Польша была, есть и останется социалистической страной, прочным звеном семьи социалистических стран”, был высказан польскими товарищами на московском совещании на высшем уровне, и мы восприняли эти слова с удовлетворением. Я думаю, вам ясно, что мы не были разочарованы ими. Другие участники встречи подтвердили, что социалистическая Польша, польская рабочая партия и польский народ могут рассчитывать на братскую солидарность и поддержку стран, входящих в Варшавский Пакт.

ШПИГЕЛЬ. Значит ли это, что по вашему нынешнему представлению исключается применение силы как со стороны самих поляков, так и извне?

[Решающий вопрос. Фалин уклоняется от ответа.]

ФАЛИН. Сначала следовало бы определить, что называется силой. Если исходить из того, что государство не будет защищаться, когда какие-нибудь силы, всё равно с какой стороны, нападают на государственные учреждения...

ШПИГЕЛЬ. ...государственные и партийные...

ФАЛИН. ...и партийные, то вы вряд ли поверили бы, если бы я сказал вам, что государственные органы будут наблюдать что-нибудь в этом роде пассивно и вполне безучастно. Пока государство

остаётся государством, оно способно защищаться и, как правило, защищается.

ШПИГЕЛЬ. Извне. А если изнутри?

ФАЛИН. Ведь у вас тоже есть для всевозможных случаев — извне и изнутри — некоторый закон, некоторая рамка, золотая или серебряная, позволяющая энергично реагировать.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь здесь нечто произошло: польский партайный руководитель Каня сам предостерёг, что антисоциалистические силы стремятся погрузить страну "в анархию". Может ли Советский Союз допустить, чтобы в социалистическом лагере, в столь чувствительном стратегическом пункте воцарилась анархия?

ФАЛИН. Мы — не сторонники анархии, ни в социалистическом, ни в капиталистическом лагере. Анархия — это всегда плохо, для всего развития в мире.

[Фотография: памятник в Гданьске — три креста с подвешенными якорями. Подпись: "Анархия — это всегда плохо". Подстрочное примечание: "Памятник 45 рабочим, убитым милицией на Побережье во время восстания 1970 года".]

Но мы исходим из того, что в Польше не будет анархии. В Польше есть государство, имеются все необходимые орудия государства.

[Фотография: Польские солдаты в строю, с автоматами в руках. Подпись: "Имеются все необходимые орудия государства".]

Они пригодны для того, чтобы не допустить распространения анархии.

ШПИГЕЛЬ. Но сейчас в Польше не господствует анархия?

ФАЛИН. В данный момент — нет.

ШПИГЕЛЬ. Видите ли вы опасность, что дело может дойти до анархии?

ФАЛИН. Острой опасности нет.

ШПИГЕЛЬ. Считаете ли вы польские органы достаточно сильными и действенными, чтобы предотвратить анархию?

ФАЛИН. Насколько мы информированы — информация исходит от наших польских товарищей, — они в состоянии это сделать.

ШПИГЕЛЬ. Как раз пришло сообщение, что и крестьяне готовы бастовать, если им откажут в праве на свободные, независимые профсоюзы. Разве это не указывает на обострение положения?

ФАЛИН. Я читал это сообщение. Но подождём, пока польское правительство само оценит ситуацию. Ни у вас, ни у нас нет достаточных данных, чтобы составить себе об этом собственное мнение.

ШПИГЕЛЬ. В течение немногих месяцев десять миллионов польских рабочих спонтанно и добровольно соединились в незави-

симые профсоюзы. Что же это, на ваш взгляд: анархия или та же самая диктатура пролетариата, о которой сказано в программе любой коммунистической партии?

[Вот вопрос, не предусмотренный подготовкой советского дипломата! Что же он скажет?]

ФАЛИН. Ни то, ни другое. Ни анархия, ни диктатура пролетариата.

ШПИГЕЛЬ. Так что же это?

ФАЛИН. Это явления, объясняющиеся недостатками в практической работе прежних польских профсоюзов, как сказал товарищ Каня на предыдущем пленуме польского ЦК. В отличие от других профсоюзных движений Европы польские профсоюзы в последние годы очень запустили свою профсоюзную работу в смысле защиты интересов рабочих.

ШПИГЕЛЬ. На Западе многие были поражены, что в государстве восточного блока допущены независимые профсоюзы.

ФАЛИН. Вы недооцениваете возможности социализма. [Отсюда заголовок интервью!]

ШПИГЕЛЬ. Значит, возникновение спонтанных, не подчинённых прямому руководству партии профсоюзов является при социализме законным делом, а забастовка — законным оружием?

ФАЛИН. Когда вы говорите "прямое руководство партии", вы неправильно изображаете ситуацию в Советском Союзе и в других социалистических государствах. Нигде профсоюзы не подчинены прямо партии. Они автономны.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь они признают руководящую роль партии?

ФАЛИН. Партия оказывает своё влияние в этих организациях не прямым образом, а тем, что члены партии работают в профсоюзах, но не таким образом, чтобы партия что-то решала и это затем автоматически выполнялось.

ШПИГЕЛЬ. Так что же, является в Советском Союзе забастовка законным оружием рабочих?

ФАЛИН. Забастовка, у нас? Нет. [Фотография: Группа молодых польских рабочих. Подпись: "Польские рабочие: "Забастовка, у нас? Нет".]

ШПИГЕЛЬ. На Западе появились сообщения, что в последнее время в Эстонской Советской Республике были забастовки. Радио и телевидение Эстонии сообщали о демонстрациях...

ФАЛИН. Ничего такого не знаю.

ШПИГЕЛЬ. В Польше по поводу руководящей роли партии имеются глубокие расхождения между членами профсоюзов, даже меж-

ду разными судебными инстанциями. Верховный суд, высокий государственный орган, под давлением профсоюзов снова вычеркнул из его устава руководящую роль партии.

[Это неверно. Как мы увидим дальше, к уставу добавили особое приложение, содержащее всё-таки эту “руководящую роль”. Журналист этого не знает, но не знает и Фалин. Впрочем, он не понял вопроса.]

ФАЛИН. В Федеративной республике тоже бывает, что суд отменяет некоторое положение в уставе союза, противоречащее конституции. В Польше Верховный суд принял решение — согласны мы с ним или нет.

ШПИГЕЛЬ. Но вы согласны или нет?

ФАЛИН. Это новинка, я должен об этом ещё подумать, прежде чем дать ответ.

ШПИГЕЛЬ. Считаете ли вы мыслимым, чтобы и в других социалистических государствах общественные силы организовались точно так же, как в Польше?

ФАЛИН. Отвечу вам вопросом на вопрос: считаете ли вы мыслимым, чтобы в капиталистических государствах общественные силы стали действовать точно так же, как сейчас в Польше? Чтобы они предъявили требования, противоречащие конституции? [Всё время предъявляют, и конституции время от времени меняются.] Чтобы, например, профсоюзы в Федеративной республике приобрели такой статус, как нынешние профсоюзы в Польше?

ШПИГЕЛЬ. Они давно уже имеют такой статус, им незачем его требовать.

ФАЛИН. Очень сомневаюсь. Впрочем, насколько я знаю, ни одна правящая коммунистическая партия не стоит на той точке зрения, что учреждения в их странах не могут развиваться. Если бы то, что происходит в Польше, и в самом деле оказалось улучшением...

ШПИГЕЛЬ. ...то это могло бы послужить моделью?

ФАЛИН. Не так уж прямо моделью.

[Фотография: Очередь за мясом в Польше. Подпись: “Не так уж прямо модель”. Рядом — улыбающийся Каня на трибуне, под портретом Ленина. Подпись: “Мы реалисты”.]

Весьма вероятно, что модели бывают правильны лишь для конкретных особенностей, в конкретных ситуациях конкретных стран.

ШПИГЕЛЬ. Но ведь Польша всегда была в особом положении. Сельское хозяйство не было коллективизировано, церковь играла привилегированную роль, интеллигенты могли высказываться в оппозиционном духе, почти не ограничивались поездки на Запад. Мо-

жет быть, это и есть причины, почему в Польше развилось нечто, что вы назвали новинкой?

ФАЛИН. Не думаю, что здесь происходит что-нибудь совсем специфическое. Многое происходит из истории польской нации.

Как неоднократно говорил генеральный секретарь Брежнев, мы не держим в тайне нашего опыта, наших достижений, а также наших трудностей. Если кто-нибудь хочет поучиться на наших делах — пожалуйста, мы в этом откровенны. Но если кто-нибудь придумывает и развивает для себя нечто лучшее, это касается соответствующих стран. Мы не говорим, что всё сделанное в Советском Союзе заведомо правильно и для всякой другой страны.

ШПИГЕЛЬ. Но есть ведь некоторые общие черты, обязательные для всех социалистических стран. Если бы при дальнейшем развитии Польши такие общеобязательные черты исчезли и Польша, по мнению других коммунистических партий, перестала бы быть социалистической страной, можно ли себе представить, что она, вопреки этому, входила бы в Варшавский Пакт?

ФАЛИН. Разрешите мне процитировать в этом случае г-на федерального канцлера Шмидта: Я не люблю отвечать на гипотетические вопросы. Нет никакого повода для подобного гипотетического вопроса.

ШПИГЕЛЬ. Тогда поставим вопрос совсем прямо. Может ли несоциалистическая страна быть членом Варшавского Пакта?

ФАЛИН. Да, конечно, почему же нет? Ведь мы не замкнутое сообщество, как, например, НАТО.

ШПИГЕЛЬ. НАТО принимает и новых членов.

ФАЛИН. Однажды мы попытались вступить в члены НАТО; но наше пожелание было, так сказать. . .

ШПИГЕЛЬ. . . . принято не слишком всерьёз. Это было при Хрущёве. Но ведь вы можете сейчас повторить своё предложение.

ФАЛИН. Это можно считать приглашением?

ШПИГЕЛЬ. Почему бы и нет?[1]

ФАЛИН. Я всегда считал, что “Шпигель” очень великодушен.

ШПИГЕЛЬ. Г-н Фалин, во всех наших вопросах вы замечаете, как удивляет нас доверие советского партийного руководства к утверждениям польского партийного руководства, что польские власти смогут сохранить контроль над положением. Вот уже три месяца мы видим, как польское руководство снова и снова отступа-

[1] В тексте “почему нет?”

ет перед требованиями новых общественных сил. И ничего не произошло, кроме некоторой смены лиц. Ведь это упадок власти.

ФАЛИН. Я не могу зайти так далеко в моих оценках, ни субъективно, ни объективно. Конечно, в развитии польских событий имеются отрицательные тенденции, но есть и достаточно положительных.

Самое важное, как сказал товарищ Каня, что нашлась сила и энергия решить проблемы польскими средствами, что большая часть участников польского кризиса готова искать выход в рамках конституции. А это значит: продолжение социалистического развития страны. За исключением ограниченных групп, поставивших себе целью подрыв социализма, никто не оспаривает социалистического характера страны и необходимости его сохранить.

ШПИГЕЛЬ. Трудность состоит в том, что в польской конституции не сказано ничего определённого о том, могут ли и вправе ли рабочие, крестьяне, студенты, интеллигенты организовываться независимо от партии. А если они попросту делают это, не обращая внимания на партию [что и происходило в Польше в те дни], то может ли партия выдержать эту конкуренцию?

ФАЛИН. Партия не претендует на то, чтобы быть единственным представителем. Она рассматривает себя как часть, а именно ведущую силу общества, но не как фактор, стоящий вне всякой критики и воздействующий на общество.

В настоящее время ни профсоюзы, ни молодёжь, ни другие названные вами силы не оспаривают руководящей роли партии. Но они понимают эту руководящую роль, может быть, иначе, чем это делалось раньше.

Сама партия недовольна тем, как раньше была организована в партии общественная и хозяйственная работа. Поэтому прежнее руководство было не только подвергнуто критике, но и снято.

ШПИГЕЛЬ. Что же, на ваш взгляд, не существует такой вещи, которую мы называем монополией власти партии?

ФАЛИН. Партия рассматривает себя как авангард ведущих сил большинства общества. Это не значит, что партия находится на расстоянии от масс или тем более управляет ими. Если возникает такое расстояние, тогда и бывает кризис.

Наши польские товарищи сказали так. Отдельные лица в руководстве потеряли контакт с массами. Это печально, в некотором смысле даже трагично. Мы, реалисты [Подпись под фотографией Кани, см. выше], принимаем это к сведению и намерены сделать отсюда выводы.

ШПИГЕЛЬ. Не беспокоит ли вас, что новые профсоюзы могут развиться во вторую партию?

ФАЛИН. Профсоюзы заявили, что они не намерены стать второй партией. Это заверение принято всерьёз.

ШПИГЕЛЬ. Но разве плохо было бы, если бы они стали второй партией — Рабочей партией?

ФАЛИН. Плохо или нет, на этот вопрос ответят сами поляки".

Поскольку дальнейшая часть интервью была посвящена уже устаревшим спорам о разоружении, мы можем расстаться с г-ном Фалиным в этом месте. В последней фразе он нечаянно сказал правду.

Второе интервью заслуживает особого внимания: это подлинный голос польской революции. Куронь высказывается очень откровенно, потому что, по его правильной оценке, Польша больше всего нуждается в массовой политической организации, и надо использовать бессилие власти для создания такой организации. Если она должна быть массовой, то нельзя уже говорить намёками и скрывать свои цели от публики: надо довести их до сведения масс. Западная печать и, особенно, радио служили в то время главным источником информации: Куронь знал, что его слова будут немедленно переданы для польских слушателей.

Не следует отождествлять точку зрения КОРа, выраженную в этом интервью, с политикой уже сложившегося к тому времени профсоюза "Солидарность". Большая часть членов "Солидарности" не заняла ещё отчётливой политической позиции. Поскольку "независимый профсоюз" втянул в себя всех недовольных, он был весьма неоднороден в отношении мировоззрения и намерений. Главными направлениями были католическое, ожидавшее руководства от церкви, и социал-демократическое, причём, второе было в меньшинстве. Куронь выражает точку зрения наиболее решительной части этого меньшинства. Если бы массы членов "Солидарности" думали и действовали так, как люди КОРа, то Польша была бы уже свободна.

Куронь считался не только лучшим мыслителем, но и лучшим оратором польской оппозиции. Он славился умением успокаивать рабочих: вопреки выдумкам московской пропаганды, люди КОРа не возбуждали рабочих, а всё время сдерживали их воинственность, предупреждая бессмысленные столкновения.

В отличие от предыдущего, это интервью не сопровождается обычными данными: не указывается, кто встретился с Куронем, ко-

гда и в каком месте. Дата публикации 15/ХП 1980 г.[1]

“НЕ ВЫМАНИВАТЬ ВОЛКОВ ИЗ ЛЕСУ
Интервью “Шпигеля” о польском кризисе с варшавским оппозиционным политиком Яцеком Куронем

Фотография Куроня с микрофоном в левой руке: это человек 45–50 лет, в клетчатой летней рубашке, указывающий правой рукой в сторону аудитории. Подпись: “Критик правительства[2] Куронь: «Опасно стоять на месте»”. Подстрочное примечание: “На студенческом собрании в Гданьске”.

ШПИГЕЛЬ. Г-н Куронь, совещание восточного блока на высшем уровне, проведённое в Москве в конце позапрошлой недели, до иллюзии напоминало образ действий 1968 года, когда было решено вторжение в Чехословакию. Может быть, и вы в Польше слышите уже скрежет танков?

КУРОНЬ. Русские знают, что вторжение будет означать для них войну и что эта война будет для них тяжёлой как в военном, так и в политическом отношении. Поэтому они вовсе не хотят сюда вторгаться. Впрочем, ставка столь высока, что при известных обстоятельствах мы должны считаться и с такой возможностью.

ШПИГЕЛЬ. При каких же обстоятельствах это могло бы случиться?

КУРОНЬ. Об этом можно только догадываться. Одно, во всяком случае, ясно: если речь идёт о жизни нации, то — нравится это нам или нет — нужна величайшая осторожность. [Московские старцы боятся идти на риск и будут избегать вторжения, пока для этого останется формальная возможность. Но если произойдёт явное “изменение социалистического строя”, они могут счесть, что обязаны вмешаться. Корреспондент, как видно из следующего вопроса, это хорошо понимает.]

ШПИГЕЛЬ. Где же проходит граница, которую нельзя перейти?

КУРОНЬ. Мы полагаем, что эта граница — во всяком случае, сегодня — была бы перейдена, если бы была свергнута государственная власть. Но ниже этого порога опасности мы не можем тормозить надежды и стремления населения — не смогли бы, если бы и захотели. У нас здесь гигантское общественное движение за демократизацию, во всех без исключения слоях. Независимый самоуправляющийся профсоюз “Солидарность” — только часть этого

[1]“Шпигель”, с. 105–109.
[2]Точнее: “Критик режима” (там же, с. 105).

движения и вместе с тем его символ. Удержать это движение уже невозможно.

ШПИГЕЛЬ. По этому поводу вы, как член и представитель КОРа — Комитета общественной самозащиты, испытываете, конечно, некоторое удовлетворение...

КУРОНЬ. Я предпочёл бы отвечать на ваши вопросы от собственного имени.

[Этика и тактика здесь совпадают: Куронь не имеет формальных полномочий от своих товарищей и не хочет подвергать их опасности.]

ШПИГЕЛЬ. Понимаю. И всё же мы считаем важным отметить, что нынешнее положение в Польше и процесс, который привёл к этому положению, были с поразительной точностью предсказаны КОРом ещё четыре года назад.

Новый профсоюз "Солидарность", поддерживаемый вами и вашими политическими друзьями, сумел в значительной мере добиться от власти удовлетворения своих требований. Однако отношения между государством и рабочими всё ещё очень напряжённые. Чем это объясняется?

КУРОНЬ. Одна из причин в том, что эта власть снова и снова нарушает Гданьское соглашение. Если, например, рабочие "Урсуса" ответили забастовкой на арест члена профсоюза, сотрудника независимого издательства "Нова", то это было лишь естественным следствием такого нарушения.

[Фотография: мужчина и женщина с повязками на лицах у печатного станка. Подпись: "Печатники оппозиционного издательства "Нова". "Строгий контроль цензуры". Подстрочное примечание: "Добровольные помощники надели повязки, чтобы их нельзя было узнать по фотографии".]

ШПИГЕЛЬ. Вы называете одну из причин. Каковы же другие?

КУРОНЬ. Главная трудность состоит в отношении населения к государственной власти, которой они должны были повиноваться тридцать пять лет: для этого отношения характерны фрустрация и нарастающее отвращение — во всех областях жизни.

Поэтому каждый раз, как только возникает конфликт между профсоюзом "Солидарность" и властью, всё равно по какому вопросу, мы получаем огромную поддержку. Но каждое соглашение, как бы оно ни было благоприятно для профсоюза, вызывает в населении неудовлетворение или, лучше сказать, разочарование.

ШПИГЕЛЬ. В течение минувших недель много раз случалось, что вы и другие люди КОРа должны были выступать на предпри-

ятиях, предостерегая рабочих от необдуманных шагов. Почему рабочие так возбуждены?

КУРОНЬ. Фрустрацию, напряжение и агрессивность трудно отделить друг от друга. Даже при последовательном снижении порога страха всё ещё сохраняются некоторые табу. Когда люди борются за свою зарплату, они добиваются *также* и зарплаты, но не только её; для них важны и все другие права и свободы, которых они были до сих пор лишены.

ШПИГЕЛЬ. Итак, перед нами скорее символический конфликт?

КУРОНЬ. У нас каждый конфликт имеет отчасти символический характер.

ШПИГЕЛЬ. Как бы вы описали нынешние отношения между польскими рабочими и интеллигенцией?

КУРОНЬ. В последние месяцы наметилось известное различие в установке; не противоречие, не конфликт, а именно противоречие[1] в установке.

ШПИГЕЛЬ. В чём же оно проявляется?

КУРОНЬ. С одной стороны, мы имеем уже упомянутую выше фрустрацию, вызываемую всё ухудшающимся хозяйственным положением и неспособностью государственных учреждений, причём по мере снижения порога страха всё более открыто проявляется и постоянно нарастает отвращение к государственной власти. С другой стороны, общее положение Польши, геополитическое [советская угроза] и внутреннее. Из-за внешних факторов не может быть и речи о свержении государственной власти, а улучшение условий жизни невозможно .вследствие экономического положения страны.

ШПИГЕЛЬ. Таким образом, имеется противоречие между желаниями населения и возможностями экономических реформ?

КУРОНЬ. Да, и это противоречие происходит просто из общей ситуации. Рабочие становятся всё радикальнее, между тем как интеллигенты, более чувствительные к внешней опасности и живее представляющие себе возможные следствия экономического положения, становятся всё осторожнее и всё более склоняются к компромиссам.

ШПИГЕЛЬ. Верите ли вы, что государственная власть, то есть партия, ещё способна себя реформировать?

КУРОНЬ. Если исходить из того, что нам ещё долго придётся мириться с этим компромиссом — демократическим обществом, управляемым коммунистической партией, то было бы, конечно, луч-

[1]Так в тексте; след. читать “а именно различие”.

ше всего, если бы партия нашла в себе силы для внутренней реформы, для перемены.

[Т. е. продолжала бы называться по-прежнему, но не была бы уже партией коммунистического типа: тогда она могла бы "управлять" — разумеется, фиктивно — демократическим обществом.]

Но об этом я знаю слишком мало и не имею на это никакого влияния. Я должен мыслить категориями моих собственных общественных задач; я должен исходить поэтому из того, что партия скорее всего не изменится. Если она всё же изменится — тем лучше.

ШПИГЕЛЬ. Насколько солидарна "Солидарность" — как учреждение, а также как массовое движение с большим взрывчатым потенциалом и харизматическим предводителем?

[Харизма — особая миссия свыше, приписываемая вождю его последователями. Имеется в виду Лех Валенса. Фотография: Валенса с микрофоном в руке на небольшом возвышении, среди восторженной толпы. Подпись: "Рабочий вождь Валенса перед студентами в Кракове: "Огромная поддержка".]

КУРОНЬ. Конечно, харизматическое излучение рабочего вождя играет свою роль, но это вовсе не самое важное. Гораздо важнее солидарность. Сотрудничество с правительством, основывающееся на компромиссе, удастся нам лишь в той мере, в какой оба крыла движения смогут в нем ужиться — радикальное и склонное к компромиссу.

ШПИГЕЛЬ. Ограничиваются ли расхождения между этими крыльями разным отношением к власти?

КУРОНЬ. Пока дело обстоит так. Но надо считаться с тем, что скоро возникнут напряжения между разными профессиональными группами и центробежные тенденции, подавленные до сих пор конфликтом с властью. И потом, надо иметь в виду, что речь идёт о движении миллионов людей, не имеющем, однако, ни испытанных организационных форм, ни необходимого опыта.

ШПИГЕЛЬ. Какие же вообще, по вашему мнению, могут быть шансы на сосуществование между демократическими, плюралистическими профсоюзами и монолитной партией?

[Плюрализм означает множественность.]

КУРОНЬ. Я думаю не только о плюралистических профсоюзах. Развитие событий давно уже зашло гораздо дальше. То, о чём я думаю, это демократическое плюралистическое общество.

Это значит плюрализм в области корпораций, кооперативов, потребительских обществ, хозяйственного самоуправления; различных культурных объединений, обществ покровительства и опеки и

так далее; организованное крестьянское движение, движение гражданской инициативы, дискуссионных клубов, занимающихся разработкой определённых концепций, центров, задачей которых была бы работа над интеграцией отдельных проблем[1]. И, разумеется, также профсоюзы.

ШПИГЕЛЬ. Но как же может происходить взаимодействие всех этих плюралистических движений в государстве, управляемом коммунистической партией?

КУРОНЬ. Должны быть созданы институционные формы, которые дадут возможность этим плюралистическим движениям организовываться и сотрудничать. Должна быть выработана система функционирования общества.

ШПИГЕЛЬ. Но как совместить всё это с руководящей ролью партии?

КУРОНЬ. Речь идёт о системе, в которой общественная структура сможет возводиться снизу, в то время как основные решения будут согласовываться с центральными инстанциями коммунистической партии. [Здесь заключён главный тактический замысел: сохранить обращённый к Москве фасад "польского социалистического строя" в виде центральных учреждений, по существу лишённых власти, но выполняющих почётные функции, вроде микадо в дореформенной Японии. Конечно, при таком строе вся армия мелких и средних чиновников, привыкших "руководить" на местах, осталась бы без дела. Не удивительно, что они оказывают отчаянное сопротивление.]

ШПИГЕЛЬ. Ваша концепция предполагает, что коммунисты будут готовы сотрудничать. Захочет ли и сможет ли партия, всё ещё называющая себя ленинской, вытерпеть столько плюрализма?

КУРОНЬ. Ей придётся. Другим способом управлять этой страной уже нельзя. Повторяю, всё это движение за демократизацию идёт снизу, от населения, которое всё больше организуется и этим вынуждает власть к уступкам. Таким образом, государственная власть должна пойти навстречу этому требованию людей, желающих больше плюрализма, больше демократии, — нравится ей это или нет, она *должна* в этом участвовать.

ШПИГЕЛЬ. Итак, вы рассматриваете партию не только как вашего врага, но и как тактического союзника?

КУРОНЬ. В той мере, в какой мы — так я это себе представляю — будем последовательными этапами строить эту плюралистиче-

[1] Так в тексте; след. читать "отдельных *программ*".

скую структуру и постепенно, шаг за шагом, разбирать тоталитаризм. Очень медленно.

Верно, что цели власти и демократического движения прямо противоположны. Но борьба между обеими тенденциями, тоталитарной и демократической, должна вестись исключительно мирными средствами. От соблюдения этого правила государственной властью зависит возможная степень партнёрства, о котором вы говорили. [Если они прибегнут к силе, то им ответят силой, и они потеряют всё.]

ШПИГЕЛЬ. В Польше везде говорят о реформах. Имеются ли для них конкретные модели? Может быть, югославская?

КУРОНЬ. Что касается экономической системы и связанных с нею структур, то, конечно, югославский пример может быть полезен. Есть, однако, принципиальное различие. В Югославии реформа шла сверху, со стороны сильной коммунистической партии с большим авторитетом. У нас же реформа идёт снизу.

[Фотография, изображающая бедный рынок, мужчин и женщин в потрёпанной одежде, стоящих в грязи. Бросаются в глаза старуха в резиновых сапогах и тощая корова на переднем плане. Подпись: "Крестьяне на рынке в южной Польше: «Движение уже невозможно удержать»".]

ШПИГЕЛЬ. Всё же югославы не очень-то преуспели со своей системой.

КУРОНЬ. Мы тоже знаем о серьёзных недостатках этой системы и хотим их избежать. Но это уже, пожалуй, технические детали. Гораздо важнее макроэкономические решения. Поскольку у нас, как я уже сказал, речь идёт о массовом движении, реформа будет осуществлена при участии общества, и тем самым решения, относящиеся к реформе, выйдут более демократическими, чем в Югославии. [Реформы будем проводить мы, а власть только приставит к ним печать.]

ШПИГЕЛЬ. Как далеко может зайти, по вашему мнению, сотрудничество "Солидарности" с правительством в области экономики — возможно, дело дойдёт до совместных комиссий?

КУРОНЬ. Пару недель назад я ответил бы: вообще не должно быть сотрудничества, профсоюз должен остаться только профсоюзом. Для совместной работы с властью в деле реформы необходимы органы самоуправления, крестьянское движение, кооперативы, культурные общества и так далее.

ШПИГЕЛЬ. Так сказали бы вы пару недель назад. Но теперь вы переменили мнение?

КУРОНЬ. Мы находимся сейчас в особой ситуации — потому что положение страны в самом деле трагично. “Солидарность” держит в своих руках огромную власть. Она не должна больше колебаться, она должна приняться за ряд основных дел, чтобы найти выход из кризиса. Дело уже не только в реформе, просто нужен выход.

[“Солидарность” колебалась до конца, обличая правительство в неспособности справиться с кризисом, но не принимая на себя экономической инициативы. Слишком сильно было представление, будто она — *только* профсоюз! Впрочем, это ещё не конец.]

ШПИГЕЛЬ. Пока что не видно разделения между профсоюзом и самоуправлением, которого вы хотите. В действительности дело происходит так, что возникающие органы самоуправления, союзы и другие подобные движения тотчас же стремятся влиться в “Солидарность”.

КУРОНЬ. Тенденция эта понятна. [“Солидарность” прикрывает их от преследования.] Но я надеюсь, что со временем удастся сделать эти движения самостоятельными, независимыми от профсоюза.

ШПИГЕЛЬ. Должны ли также органы самоуправления на заводах быть независимыми от профсоюза?

КУРОНЬ. Непременно. “Солидарность” должна настоять на концепции самоуправления, но в качестве совершенно независимого от профсоюза учреждения.

ШПИГЕЛЬ. Почему вы считаете столь важным, чтобы самоуправление было независимо от профсоюза?

КУРОНЬ. Потому что невозможно одновременно стоять на точке зрения работодателя и рабочей силы. Рабочее самоуправление должно будет по необходимости защищать интересы предприятия, то есть работодателя. [Таким образом, органы рабочего самоуправления должны и в самом деле управлять предприятиями. Кто же работодатель? Может быть, министерства? Здесь остаётся открытым вопрос *о собственности на средства производства*!]

ШПИГЕЛЬ. Значит, профсоюз должен, как и в западных демократиях, представлять на предприятии исключительно интересы рабочей силы?

КУРОНЬ. Здесь имеются весьма различные подходы. С одной стороны, он должен представлять исключительно интересы рабочих. Но наряду с этим профсоюз рассматривают как достижение, отвоёванное у власти, то есть нечто вроде другой власти, от которой ожидают всевозможных вещей.

Эти тенденции понятны, но профсоюз никак не может выпол-

нить все желания населения. Тем более важна и настоятельно необходима организация других самоуправляющихся движений и учреждений. [Речь идёт о политических партиях. Куронь опасается, что “Солидарность” не сможет или не захочет стать политической партией, — что и случилось. Тогда он начал строить отдельную партию под названием “Клубы самоуправляющейся Польши”, но было уже поздно.]

ШПИГЕЛЬ. В каких областях, по вашему мнению, должна сохраниться монополия власти коммунистической партии?

КУРОНЬ. В полиции — это, конечно, не значит, что она может стоять над законом, — в вооружённых силах, во внешней политике. Коммунистическая партия должна иметь также некоторую позицию в области центральной администрации, что даст ей возможность влиять на внутреннюю политику.

ШПИГЕЛЬ. Это может означать и очень много, и очень мало. Не могли бы вы несколько уточнить, что вы имеете в виду?

КУРОНЬ. Влиять означает в этом случае — в государстве, где главными факторами являются власть и общество, — что власть должна рассматривать себя как один из этих факторов, но только один, и соответственно этому себя вести. Сверх того — и это очень важно — всё, что согласовано путём переговоров и компромиссов с обществом, власть должна быть в состоянии осуществлять. [Повидимому, смысл этого в том, что за властью остаётся право подписывать подготовленные для неё решения?]

ШПИГЕЛЬ. Как будет обстоять дело с цензурой?

КУРОНЬ. Было согласовано, что цензура должна подлежать строгому контролю, что она будет заключена в тесные границы. Её полномочия должны быть ограничены правом заинтересованных лиц обращаться в суд, привлекая цензора к ответственности, а также выпускать газету с белым пятном вместо изъятого текста. [Ничего этого не удалось добиться, даже на словах. Но корреспондент думает, что имеются обещания.]

ШПИГЕЛЬ. Какое значение вы придаёте подобным гарантиям?

КУРОНЬ. Они имеют значение лишь в том случае, если связаны с независимыми от государства общественными организациями. Потому что эти организации — решающий фактор, ключ ко всему.

ШПИГЕЛЬ. Какую роль может и должен играть Запад перед лицом польских перемен?

КУРОНЬ. Я не хотел бы уклоняться от ответа на этот вопрос, но — не знаю. Прежде всего важно, чтобы люди на Западе знали, более того, понимали, что у нас происходит. Потому что поддерж-

ка нашего движения общественным мнением Запада — это один из факторов, содействующих стабилизации этого движения.

ШПИГЕЛЬ. Вы особенно подчеркнули слово — *понимали*. Не думаете ли вы, что на Западе неверно понимают события в Польше?

КУРОНЬ. Во всяком случае, поляки очень обеспокоены истерической манерой, в которой многие западные средства массовой информации сообщают об опасности советской интервенции, — особенно станции, вещающие по-польски. При этом многие сообщения с Запада делаются в таком тоне, будто сами поляки виновны в том, что им угрожает вторжение советских танков.

ШПИГЕЛЬ. Разве поляков беспокоит лишь тон корреспонденции, а не сама опасность?

КУРОНЬ. Здесь возникла любопытная ситуация. А именно: мы, живущие в Польше и прямо подверженные потенциальной опасности, верим, что держим в своих руках положение в стране и способны демократизировать нашу общественную жизнь без того, чтобы двинулись танки. Между тем Запад, по мнению многих поляков, несущий свою долю вины за наше нынешнее положение, поднимает ужасный крик, будто танки уже двинулись. Как говорит польская поговорка, "не надо выманивать волков из лесу".

ШПИГЕЛЬ. Если только они захотят остаться в лесу. Не кажется ли вам, что московское коммюнике на высшем уровне в пятницу на позапрошлой неделе вполне сознательно составлено в таких выражениях, что звучит как последнее предупреждение полякам?

КУРОНЬ. Никоим образом. Я рассматриваю это коммюнике как дальнейшую попытку оказать давление на население Польши. Чтобы поляки под этой угрозой остановились и не решились продолжить свой путь к демократии.

ШПИГЕЛЬ. Как же поведут себя поляки перед лицом этой угрозы?

КУРОНЬ. Это и есть главная проблема. Потому что мы никак не можем остаться в нашем нынешнем положении: именно это было бы опасно. В самом деле, прежняя монополия власти коммунистической партии уже разбита, а требуемые обществом демократические реформы ещё не осуществлены. И если все упомянутые в этом интервью организации не будут созданы как можно скорее, чтобы с их помощью можно было мирным путём разрешить имеющиеся и возникающие конфликты, тогда — и только тогда — надо ожидать худшего.

Тогда и в самом деле была бы перейдена граница опасности — была бы свергнута коммунистическая государственная власть,

которая должна гарантировать сохранение советского влияния в Польше".

Как мы видим, Куронь рекомендует *немедленно* использовать ослабление власти для создания *целой сети* организаций, способных удержать эту власть под контролем и *вынудить* её к "мирному" решению конфликтов. Куронь видит такую слабость государственного аппарата, что больше всего боится случайного свержения власти (и затем — возможного вторжения). Этой власти дали время оправиться от ударов, собраться с силами и подготовить переворот.

Польские рабочие всё-таки верили обещаниям своих хозяев!

---

10. Солидарность

Писать историю "Солидарности", конечно, преждевременно: прежде всего потому, что эта история, по моему убеждению, только начинается. Но есть и другие причины, по которым нельзя изложить здесь сколько-нибудь систематически историю Независимого Самоуправляющегося Профсоюза. Печатные материалы "Солидарности" вне Польши почти недоступны; тем более недоступны неопубликованные документы, отражающие внутреннюю жизнь организации. Но даже имеющийся материал столь обширен, что было бы немыслимо вместить его в эту работу. Приходится ограничиться самыми яркими явлениями, но это и естественно, поскольку я могу предложить читателю лишь *очерки* о польской революции — ничего больше.

В первые недели польские власти делали вид, что социальный конфликт в основном разрешён, и осталось *только* выполнять подписанные соглашения; рабочие должны были вернуться к своим станкам, и больше не должно было быть никаких забастовок. Поскольку во многих местах забастовки продолжались, польская печать о них не упоминала. Точно так же, в первые недели польские газеты умалчивали о зарождении и росте *единого* союза, охватившего уже не отдельные районы, а всю страну. Это был великий исторический поворот: миллионы рабочих на всех предприятиях, а вслед за ними служащие и интеллигенция по собственной инициативе, демократическим путём, соединялись в независимые союзы. Как видно, потребность в таком объединении давно назрела, и нужен был только начальный толчок, чтобы вызвать лавинообразный процесс. Власти растерялись перед этим невиданным народным движением, и в следующие месяцы реальная власть на предприятиях, а зачастую и на улицах польских городов, принадлежала уже не партийному аппарату, а профсоюзным комитетам.

7/IX Валенса впервые после соглашения приехал в Варшаву и прежде всего нанёс визит примасу польской церкви кардиналу Вышиньскому. Беседа была продолжительной, и, конечно, Валенса воспользовался советами кардинала. Церковь, как всегда, была осторожна и рекомендовала умеренные требования, медленный темп изменений. Как мы видели выше, то же предлагал и КОР. Может быть, эта осторожность, связанная с советской угрозой, помешала

полякам принять вовремя необходимые меры. Не надо думать, будто церковь всегда поступает мудро: она делает то, что привыкла и умеет делать, и защищает прежде всего не народные интересы, а интересы своего учреждения. Во всяком случае, Валенса был самым умеренным деятелем союза, и это всё время приводило к конфликтам внутри руководства. Более того, он был значительно умереннее большинства членов союза, и только его огромное личное обаяние позволило ему сохранить влияние на массы. 9/IX Валенса заявил корреспондентам, что Папа пригласил его посетить Ватикан и что через две-три недели, когда устроятся первые профсоюзные дела, он последует этому приглашению[1].

В тот же день, в то время как Каня проводил в Гданьске "партийный актив"[2], в этом городе состоялась конференция, на которой "Объединённый Учредительный Комитет независимых самоуправляющихся профсоюзов" предложил более чем пятистам делегатам других городов и районов программу будущей деятельности союза и проект его устава[3]. Конечно, эти документы могли быть предложены так скоро лишь при условии, что их подготовили заранее. На заседании была прочитана приветственная телеграмма от группы словацких студентов из Братиславы.

Между тем забастовки продолжались. Уже неделю длилась забастовка транспорта в Тарнове, бастовали текстильщики фабрики "Сигматекс" около Петркува. Типографские рабочие Белостока положили начало славной традиции, остановив печатание газет: в этом случае трудно было доказать, что от забастовки страдает потребитель! Сверх того, по сообщению представителей КОРа, с 5/IX бастовали главные предприятия Радома и окружающего района. Везде были наболевшие местные вопросы, не всегда предусмотренные "общественными соглашениями": с каждым рабочим коллективом приходилось договариваться заново. "Кончился комфорт власти" (это заголовок статьи в "Трибуне люду"[4], изображавшей — несколько недель спустя — встречу Кани с одним из таких коллективов).

Вслед за рабочими выдвинула свои требования интеллигенция. Одним из первых, 11/IX[5], появилось решение общего собрания со-

[1]Об этом см., напр., АП, 09.09.80.

[2]В тексте ошибка; заседание партактива в Гданьске состоялось 08.09.80 (ТЛ, 09.09.80).

[3]Программа действия была предложена 10.9.80, проект устава — 13.9.80 (см. "Polskie lato: kalendarium wydarzen" в "Zeszyty historyczne", Париж, 1982, № 60:51 — далее "Polskie lato. . . ") ; текст устава см. "Glos Pracy", 17.11.80.

[4]19.12.80; автор - Марек Шиманьский.

[5]В тексте ошибка или опечатка; след. читать "10/IX" ("Polskie lato. . . ",

трудников Института материальной культуры Польской Академии наук. Отдавая должное рабочему классу и руководящей роли, которую он взял на себя также и в области гражданских прав, учёные решительно берутся за проблему цензуры и свободы научных исследований. Они требуют освобождения научных публикаций от контроля цензуры, отмены запрещения печатать работы за границей, возвращения к традиции "самоуправляющейся науки". Они высказываются также за создание независимых профсоюзов для работников науки. В течение двух-трех недель почти все польские научные учреждения основали новые профсоюзы, вошедшие в "Солидарность".

Польские студенты проявили себя как самые горячие сторонники перемен. Они требовали прежде всего автономии высшего образования, невмешательства бюрократов в научные исследования и преподавание. Они требовали признания выборных студенческих органов, которые могли бы влиять на внутреннюю жизнь вузов. Студенты настаивали, чтобы все должности в вузах замещались по свободным выборам, чтобы была отменена система неравенства при поступлении в вузы, начиная с дискриминации интеллигентов под видом особых привилегий для лиц рабоче-крестьянского происхождения и кончая "ректорскими" и "министерскими" местами, откровенно предоставлявшимися по знакомству или за деньги. Далее, студенты хотели избавиться от принудительного изучения марксистской идеологии, создававшей для не верующих в эту доктрину невыносимую обстановку лицемерия; они добивались также отмены обязательного курса русского языка и уравнения его с другими иностранными языками. Поскольку студенты не работают по найму, власти отказали им в праве создать свои профсоюзы, выдвигая "юридические" возражения; мы увидим, как они, прикрываясь той же аргументацией, пытались помешать объединению крестьян.

11/IX[1] премьер учредил правительственную комиссию по осуществлению соглашений с объединёнными стачечными комитетами. Эта комиссия должна была публиковать успокоительные сведения по поводу соглашении, которые правительство и не думало выполнять (мы помним, как неуклюже в этом сознался Пиньковский). Однако формальное признание "Солидарности" было неизбежно. 13/IX Государственный Совет (орган вроде нашего Президиума Верховного Совета) принял постановление, согласно которому профсоюзы,

с. 49–50).

[1]В тексте ошибка или опечатка; след. читать "10/IX" ("Polskie lato... ", с. 49–59).

возникающие вне ЦСПС, должен был регистрировать воеводский суд в Варшаве. Тем самым всё это опасное и непривычное дело было сосредоточено в одном месте, независимо от местности, где действовали профсоюзы (воеводский суд — аналог наших областных судов); сверх того предусматривалось, что решения этого суда могут быть обжалованы в Верховный Суд. Так началась замечательная история "регистрации новых профсоюзов".

18/IX[1] в Гданьске собрались представители 35 объединённых стачечных комитетов и свыше ста отдельных предприятий из всех областей страны. Выйдя за пределы Гданьского соглашения, предусматривавшего создание профсоюзных организаций лишь в отдельных районах, собрание выбрало единый руководящий орган новых союзов под названием Национальной Координационной Комиссии (ККП, Крайова Комисья Поеднавча). Этот орган сохранялся в течение всех месяцев существования союза, хотя состав его менялся. Собрание приняло также единый устав Союза и решило представить его для регистрации в Варшавский воеводский суд. Полномочия ККП были ограничены сроком в три месяца, до первого съезда новых профсоюзов (который состоялся значительно позже). Собрание осудило практику местных властей, всячески препятствовавших организации отделений союза, и нарочитое замалчивание его деятельности печатью. Таким образом, за две недели "Солидарность" превратилась в единую организацию, охватившую всю страну. В момент создания Координационной Комиссии "Солидарность" имела свои организации на 3500 предприятиях и насчитывала более трёх миллионов членов — из двенадцати или тринадцати миллионов поляков, работающих по найму. Очень скоро число членов Союза превысило *десять миллионов*. В старых ("отраслевых") профсоюзах остались едва ли не одни *чиновники*, как правило, члены партии: их было около двух миллионов. Но и партия сразу же раскололась: в ней было около двух миллионов "аппаратчиков", о которых только что шла речь, и примерно миллион рабочих, и подавляющее большинство этих рабочих членов партии — не менее 750.000 — вступило в "Солидарность"! В момент образования Координационной Комиссии на Гданьской верфи, где родился новый профсоюз, было 16.000 рабочих, из них 4000 членов партии, и почти все они вошли в "Солидарность". Властям пришлось со всем этим мириться. Следует прибавить, что на том же учредительном собрании

[1] В тексте ошибка или опечатка; след. читать "17/IX" ("Polskie lato... ", с. 51–52).

Союза были, кроме рабочих, представители всевозможных групп трудящихся, в том числе 137 научных институтов (включая 27 институтов Польской Академии наук). Нам нелегко понять причины такой политической активности учёных; но в Польше "научные работники" ещё не превратились в особую разновидность чиновников и сохранили черты исторически сложившегося типа учёного, плохо переносящего зависимость и унижение. Отсюда требования университетской автономии и "самоуправляющейся науки", с которыми мы ещё встретимся дальше.

21/IX впервые в истории "народной Полыни" была передана по радио воскресная месса. Это было одно из требований рабочих, записанное в Гданьском соглашении. Передача началась в девять утра и продолжалась около часа. Мессу служил епископ Варшавы Ежи Модзелевский в церкви Св. Креста, находящейся в центре столицы. Присутствовало около трёх тысяч верующих. В своей проповеди, транслировавшейся непосредственно из церкви, епископ Модзелевский сказал, что "церковь Св. Креста и вместе с нею вся Польша переживают сейчас важный момент", а затем вознёс благодарность "господу и чёрной Богоматери Ченстоховской".

Существенная часть проповеди была посвящена разъяснению важности истины: "Человеку трудно жить без истины, — сказал епископ, — и особенно без истины о человеке, о его достоинстве и о смысле его существования". В конце мессы приходской священник церкви Св. Креста кратко изложил коммюнике конференции польского Епископата "об обязанностях средств информации".

23/IX западные газеты сообщили, что в Польше, наконец, прекратились забастовки: приступило к работе последнее бастовавшее предприятие, фабрика пищевых продуктов "Виняры" в Капише. В этот же день в Гданьске[1] собрались представители студентов, чтобы учредить независимый студенческий союз; профессора Краковского университета поддержали эту организацию приветственным письмом. Правительство объявило о создании группы для выработки проекта закона о профсоюзах (который так и остался проектом). 24/IX представители объединённых рабочих комиссий представили в воеводский суд в Варшаве заявление о регистрации Независимого Самоуправляющегося Профессионального Союза "Солидарность".

Правительство пыталось отделаться от рабочих демагогией. Тон газетной пропаганды заметно изменился, и на страницах газет стали появляться яркие свидетельства о польской действительности.

[1]В тексте ошибка; след. читать "28 в Гданьске. . . ".

Вот письмо Галины Церковской, опубликованное 29/IX в “Трибуне люду”, в отделе “Говорят рабочие”.

“Много лет я работаю на Милейовских предприятиях, самых крупных в стране в этой области [переработка фруктов и овощей]. Работа здесь тяжёлая, в трудных условиях. В цехах большая влажность. В сезон сбора фруктов и овощей надо прилагать много усилий, чтобы не пропал ни один килограмм сырья, особенно в этом году, когда урожай значительно ниже, чем в прошлые годы. [Вдобавок ко всему прочему, в Польше выдался в этом году на редкость скудный урожай, а погода мешала собрать его и сохранить.] Так надо подходить к задаче использования материалов и сырья на каждом предприятии, на каждом посту.

Но слишком часто встречаются ещё случаи вопиющего расточительства. Должно ли так быть, когда рынок страдает от нехватки товаров, и это особенно сильно сказывается на нас, женщинах, чаще всего делающих покупки?

С этим неурожаем связана другая задача, именно, справедливый раздел того, что есть. Уже не первый год у нас говорят, что в магазинах не покупают, а “устраиваются”[1], причём этой второй формой торговли могут пользоваться немногие, используя свои “связи”, знакомства, или попросту дают за это взятки. . . [2] Не можем мы примириться с такой несправедливостью, и хорошо, что рабочий класс заставил вытащить эти дела на свет, что начали наконец говорить об этом громко и публично.

Раз уж я начала говорить об общественной справедливости, то хотела бы обратить внимание ещё на один вопрос — на уровень жизни разных людей. Я ничего не имею против того, чтобы кто-нибудь имел машину, дом или сад за честно заработанные деньги, сбережения или другие средства законного происхождения.

Но рабочих возмущает, вызывает у них чувство несправедливости, что столь многие люди достигают высокого уровня жизни небольшими собственными усилиями, или прямо за счёт снижения уровня жизни других, и вдобавок выставляют напоказ своё богатство, презирая скромных людей. Во многих случаях они используют пробелы в правилах или своё служебное положение. Здесь необходим более действенный общественный контроль”.

Конечно, такое заявление подверглось в партийной газете куда более основательной переработке, чем фрукты и овощи в цехе,

---

[1] Кавычки добавлены автором. — Ред.

[2] Многоточие добавлено нами. — Ред.

где работает эта женщина: можно представить себе первоначальное сырье! Прикрываясь демагогией и пользуясь успокоением рабочих после подписания соглашений, правительство сразу же принялось саботировать эти соглашения. В тот же день, когда "Трибуна люду" печатала обработанные письма польских рабочих, представитель "Солидарности" Анджей Колодзей заявил, что правительство и наполовину не выполнило принятые на себя обязательства о повышении зарплаты. Валенса предупредил, что если власть не выполнит своих обещаний, то бастовать будет вся Польша. Яцек Куронь сказал в своём интервью, что правительство продолжает срывать выполнение Гданьского соглашения[1]. Одновременно пражская газета "Руде право" ("Красная правда") обвинила Куроня и его друзей в создании тайной клики вроде мафии, проникшей в новый профсоюз с целью разрушить польский социалистический строй[2].

"Солидарность" заявила, что проведёт в ближайшую пятницу одночасовую предупредительную забастовку в знак протеста против нарушения соглашений о зарплате и бойкота профсоюза со стороны средств массовой информации. Громкоговорители сообщили об этом решении многотысячной толпе, собравшейся у временного правления Союза. Забастовка должна была служить проверкой единства и готовности рабочих и, сверх того, предостережением партийному руководству, намеревавшемуся созвать "продолжение" VI Пленума ЦК.

Первая национальная забастовка состоялась 3/X, с 12 часов до часа дня, в избранных для этого предприятиях, в том числе в некоторых видах городского транспорта. Были приняты меры, чтобы обеспечить непрерывность производства там, где этого требует технология. Продолжали работать самые необходимые транспортные линии, магазины, больницы и детские учреждения. Корреспондент югославской газеты "Политика"[3] спросил Валенсу, удалась ли забастовка. "Вполне, — ответил Валенса, — и мы сделали это не только для того, чтобы доказать, что мы в состоянии начать и окончить ещё одну забастовку, но прежде всего потому, что если бы мы её не организовали, то она вспыхнула бы неконтролируемым образом, сама по себе". "Что думаете о последних изменениях ПОРП?" — спросил журналист. "Это меня не интересует", — сказал Валенса. Затем он заверил, что "Солидарность" "не борется против социализма и наших друзей и союзников".

---

[1]Об интервью Куроня 27.09.80 см., напр., Рейтер, 27.09.80.

[2]27.9.80; ст. "Odmaskovali se".

[3]14.10.80; см. Дарко Рибникар, "Журба у Грунвалдскoj 103".

4/X возобновил свою работу VI Пленум, заседавший два дня и всю ночь между ними. Причину столь утомительного бдения нетрудно понять: Каня произвёл окончательный расчёт с "членами высших учреждений, ответственными за кризис". Из ЦК были исключены Э. Бабюх, З. Жандаровский, Е. Лукашевич, Я. Шидляк, Т. Вжащик, Т. Пыка, М. Щепаньский[1]. Секретарем ЦК был избран К. Барциковский[2], один из "передовых" реформаторов, подписавший соглашение в Щецине (а сейчас переметнувшийся на сторону военной диктатуры); было избрано также два новых члена Политбюро[3]. Каня, по-видимому, лихорадочно искал политической поддержки. 8/X Сейм решил, что Высшую Контрольную Палату, отныне подчинённую не правительству, а Сейму (важная реформа!), будет по-прежнему возглавлять уже известный нам Мочар; можно было не сомневаться, что он будет "контролировать" польский балаган точно так же, как он это делал при Гереке. Некоторое время спустя Каня привлёк этого своего старого врага в Политбюро[4]: вероятно, друзья его не были надёжнее врагов.

17/X[5] конференция польского Епископата, отметив достигнутое соглашение о трансляции воскресной мессы, высказалась за "облегчение доступа новых профсоюзов и новых самоуправляющихся организаций к средствам массовой информации".

В тот же день делегация "Солидарности" посетила Краков[6]. После мессы в историческом соборе Вавеля, древней резиденции польских королей, делегаты во главе с Валенсой прошли по улицам города, между толпами людей, сплошь заполнивших тротуары и мостовые по обе стороны шествия. Они задержались на Рыночной площади у стелы в память Тадеуша Костюшки. Здесь Валенса, окружённый тысячами аплодировавших, скандировавших его имя людей, возложил венок и произнёс краткую речь, заявив о своей верности высказанным целям и обещаниям: "Клянусь, я не предам того, что должен и намерен сделать... " Демонстрация завершилась пением национального гимна и патриотической песни "Боже, спаси Польшу", Затем делегация отправилась на автобусе в соседние города Новы Тарг, Новы Сонч и Тарнув.

Кардинал Вышиньский, приняв двадцать представителей "Со-

[1] ТЛ, 06.10.80.
[2] Там же.
[3] Владислав Крук, Роман Ней; точнее: канд. в члены (там же).
[4] 02.12.80 (ТЛ, 3.12.80); см. также с. 191.
[5] В тексте ошибка; след. читать "16".
[6] Вернее 19.10.80 (см. об этом, напр., Рейтер, 19.10.80); см. также с. 210, сн. 5.

лидарности" области Мазовше[1] (Варшава и окрестности), сказал во время мессы: "Когда будут уважаться права человека, тогда будет порядок в жизни отечества и в национальной экономике", и в заключение проповеди сказал: "Я с вами".

24/X воеводский суд в Варшаве зарегистрировал "Солидарность", но внёс в её устав произвольные искажения, добавив "руководящую роль партии" и вычеркнув всё существенное содержание статей о порядке проведения забастовок. Представители "Солидарности" немедленно заявили, что обжалуют это решение в Верховный Суд. До 10/XI, когда это дело должно было рассматриваться в Верховном Суде, Польша и весь мир напряжённо ожидали, получит ли новый профсоюз обещанное официальное признание. Между тем партийное руководство срочно убирало особенно скомпрометировавшие себя "старые кадры" — прежде всего служивших Гереку первых секретарей воеводских комитетов. Началось это ещё 19/IX, когда был смещён первый секретарь в Катовицах З. Грудзень[2], столь ненавистный шахтёрам, что во время переговоров они настояли на его исключении из правительственной делегации. В следующие недели сменилось более 20 первых секретарей, большей частью вместе с "воеводами", аналогичными нашим председателям облисполкомов. Читая биографические справки об их преемниках, легко заметить, что первых секретарей сменили вторые или аналогичные им деятели того же аппарата: это и было всё возможное обновление кадров. 30/X Каня и Пиньковский были в Москве с первым, очень кратковременным, визитом. Они вели переговоры с Брежневым и "достигли соглашения о выработке совместных экономических программ".

1/XI окончил свою работу чрезвычайный съезд Общества польских журналистов[3], поставивший под угрозу всю систему информации. Главным мотивом бурной дискуссии было восстановление достоинства профессии журналиста, "чтобы печать заслуживала доверия, чтобы не повторялись возгласы: печать лжёт!". Союз журналистов определил себя как творческо-профессиональную организацию и избрал своим председателем Стефана Братковского, партийного диссидента, впоследствии исключённого из партии.

9/XI, накануне заседания Верховного Суда, "Солидарность" предупредила, что в случае отрицательного решения дела будут прове-

[1] 19.10.80 ("Polskie lato… ", с. 58).

[2] ТЛ, 20.09.80.

[3] В тексте ошибка; съезд кончился 31.10.80. Текст резолюций съезда см. в сб. "Польша: 1980… ", с. 220–229.

дены 48-часовые забастовки поочерёдно в выбранных воеводствах, начиная с Варшавы и Гданьска и кончая Катовицами и Лодзью; эти забастовки начнутся 12/XI и будут сопровождаться занятием предприятий. В тот же день были отмечены некоторые признаки смягчения напряжённости: профсоюзу были, наконец, переданы присланные ему из-за границы и задержанные на таможне печатные машины, предназначенные для издания еженедельного журнала "Солидарность".

По ряду колебаний в поведении властей видно, что всё это неслыханное дело о регистрации вызвало в партийной верхушке сильные противоречия. Но в конце концов им пришлось уступить. Ниже приводится полный текст информации об этом событии, помещённой в "Трибуне люду" 11/XI.

Регистрация Независимого Самоуправляющегося Профсоюза "Солидарность" в Верховном Суде
ВО ИМЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

10 ноября Верховный Суд рассмотрел кассационную жалобу Учредительного Комитета "Солидарности" на решение воеводского суда и совершил регистрацию Союза в форме, учитывающей внесённые Учредительным Комитетом поправки, создав тем самым все возможности нормализации деятельности новой профсоюзной организации.

Правительство с удовлетворением приветствовало преодоление напряжённости, возникшей вокруг регистрации НСПС "Солидарность".

В свою очередь, Национальная Комиссия НСПС "Солидарность" сделала заявление, в котором говорится: "Мы чувствуем гражданскую ответственность за будущее Польши".

Ниже сообщается о важнейших событиях вчерашнего дня. Мы помещаем также высказывания наших читателей о решении Верховного Суда, полученные нами в понедельник вечером.

ЗАСЕДАНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА (Собственная информация)

В понедельник 10 ноября с. г. в Палате Труда и Социального Обеспечения Верховного Суда было рассмотрено дело о заявлении Учредительного Комитета НСПС "Солидарность", принёсшего, как известно, кассационную жалобу на решение воеводского суда в Варшаве от 24 октября с. г.

Верховный Суд в составе судьи Верховного Суда Витольда Форманьского (докладчика) и судей ВС Станислава Реймана и Тадеуша Шиманека, заслушав обоснование пересмотра дела, дополнительные разъяснения и заявления, сделанные представителями апеллирующей стороны и представителем Генеральной прокуратуры прокурором Тадеушем Потаповичем, присоединившимся к мнениям, содержащимся в кассационной жалобе, решил:

Изменить обжалованное постановление и совершить регистрацию Независимого Самоуправляющегося Профессионального Союза "Солидарность" с местопребыванием в Гданьске, охватывающего своей деятельностью территорию Польской Народной Республики, на основании устава в виде, включающем изменения, внесённые апеллирующей стороной на заседании воеводского суда 24/X с. г., а также на заседании Учредительного Комитета от 9/XI с. г.

Напомним, что воеводский суд в Варшаве, рассмотрев заявление УК НСПС "Солидарность", зарегистрировал профсоюз. Суд признал, однако, что его Устав должен включать в полном изложении идейную декларацию, содержащуюся в пункте 2 первой части Гданьского соглашения. В соответствии с этим суд пополнил §1 Устава отрывком из пункта 2 Соглашения.

Вместе с тем воеводский суд вычеркнул §§32 и 33 Устава и придал им новую, более общую форму.

Апеллирующая сторона внесла в Верховный Суд кассационную жалобу на это решение, в которой просит изменить его, зарегистрировав НСПС "Солидарность" в соответствии со своим заявлением.

Однако уполномоченные апеллирующей стороны доцент д-р Веслав Хжановский и адв. Ян Ольшевский, стремясь — по их утверждению — внести большую ясность в этот вопрос, в начале заседания предъявили Верховному Суду принятое накануне Учредительным Комитетом НСПС "Солидарность" дополнение к Уставу в виде приложения, включающего содержание §1 Устава, содержания конвенций Международной Организации Труда, а также всю первую часть Гданьского соглашения, состоящую из семи пунктов, в которых заключается идейная декларация. Здесь признается общественная собственность на средства производства, руководящая роль партии в государстве, нерушимость наших международных союзов.

По мнению апеллирующей стороны, неправильно было также удаление содержания §§32 и 33 Устава, устанавливающих принципы объявления и организации забастовок, и замена этого содержания

другим, более общим. В разъяснении, сделанном Верховному Суду, уполномоченные апеллирующей стороны заявили, что первоначальная редакция этих статей даёт профсоюзу возможность, при существующем в настоящее время в этой области юридическом вакууме, предотвращать "дикие" забастовки.

Верховный Суд признал обоснованность кассации. В устном обосновании своего решения Верховный Суд заявил, что кассационная жалоба апеллирующей стороны принята. Польское законодательство гарантирует профсоюзам полную независимость и автономию, выражающиеся, между прочим, в свободном формировании своих уставов, в рамках существующего законодательства. Автономия профсоюзов — заявил суд — не означает, что государство отказывается от всякого контроля над профсоюзной деятельностью. Однако объём этого контроля должен регулироваться предписаниями закона.

Предложенное апеллирующей стороной изменение §1 Устава, состоящее в ссылке на приложение, составляющее неотъемлемую часть Устава и включающее содержание Гданьского соглашения, а также отрывки из международных конвенций, устраняет сомнения в том, что новый профсоюз стоит на почве этого содержания.

Вместе с тем Верховный Суд признал, что ввиду отсутствия закона о профсоюзах, в то время как право на забастовку гарантировано, текст §§32 и 33 не противоречит закону.

В конце заседания судья-докладчик прочёл заявление судебной коллегии, где говорится, в частности, что решение, принятое по этому нетипичному делу, в особых условиях, устраняет формально-юридические препятствия к развитию более полной деятельности НСПС "Солидарность" в рамках обновления, в согласии с намерениями Гданьского соглашения и намерениями подписавших его сторон, что поможет также более скорому преодолению трудного положения, в котором оказалась наша страна. (Z.L)[1]

Правительство с удовлетворением приветствовало преодоление напряжённости вокруг регистрации.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА
(Собственная информация и Польское агентство печати)

В понедельник после полудня состоялась пресс-конференция представителя правительства Юзефа Барецкого, при участии мно-

[1]"(Z.L.)" добавлено нами. — Ред.

гочисленных польских и иностранных журналистов. Вначале представитель сделал от имени правительства следующее заявление: “Сегодня Верховный Суд рассмотрел кассационную жалобу Учредительного Комитета НСПС «Солидарность» на решение воеводского суда, в результате чего постановил изменить обжалованное решение и зарегистрировать «Солидарность» в виде, включающем внесённые Учредительным Комитетом поправки.

При этом полностью сохранен внутренний характер Устава, регулирующего организационный порядок и объём профессионально-общественной деятельности профсоюза, и вместе с тем в Уставе сделана ссылка на конвенции Международной Организации Труда и на 1 часть Гданьского соглашения, содержание которых приведено в приложении к Уставу. Это определяет не вызывающим никаких сомнений способом идейный характер профсоюза, стоящий [так в подлиннике] на почве социалистического строя Польши.

Правительство с удовлетворением приветствует преодоление напряжённости вокруг регистрации НСПС «Солидарность». Урегулирование этого вопроса создаёт все возможности для нормализации деятельности профсоюза.

Согласно позиции, выраженной на встрече председателя Совета Министров с Национальной Координационной Комиссией НСПС «Солидарность», правительство стремится создать условия для взаимного делового, партнёрского сотрудничества на всех уровнях администрации, предприятий, объединений и министерств.

Реализация соглашений в Гданьске, Щецине и Ястжембе, которой правительство посвящает много внимания, требует усиленной заботы о состоянии нашей экономики, о правильном ритме труда, об использовании всех возможностей снабжения рынка и смягчения серьёзных трудностей, испытываемых населением.

Правительство надеется, что НСПС «Солидарность» предпримет действия, которые помогут достигнуть этих целей, поскольку лишь этим путём можно наиболее действенным образом способствовать защите материальных и социальных интересов трудящихся”.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Затем Ю. Барецкий в ответ на вопросы журналистов сообщил, что приложение, о котором идет речь в постановлении Верховного Суда, содержит текст конвенций №№ 87 и 98 Международной Организации Труда, а также первые семь пунктов первой части Гдань-

ского соглашения. Представитель напомнил, что первый пункт соглашения говорит о деятельности профсоюзов в Польше.

Он также подробно напомнил второй пункт Гданьского соглашения, где говорится, что, создавая новые независимые самоуправляющиеся профсоюзы, Объединённый стачечный комитет заявляет, что они будут соблюдать принципы Конституции ПНР, будут защищать материальные и общественные интересы трудящихся и не намерены играть роль политической партии; что они стоят на почве принципа общественной собственности на средства производства, составляющей основу существующего в Польше общественного[1] строя; что они признают руководящую роль ПОРП в государстве, не подрывают существующей системы международных союзов, стремясь обеспечить трудящимся надлежащие средства контроля, выражения мнений и защиты своих интересов.

Правительственная комиссия заявила, напомнил далее представитель правительства, что правительство гарантирует и обеспечит полное уважение независимости и самоуправления новых профсоюзов как в отношении их организационной структуры, так и в их функционировании на всех уровнях деятельности. Правительство обеспечит новым профсоюзам полную возможность выполнять основные функции в области защиты интересов трудящихся, осуществления их материальных, социальных и культурных потребностей. Вместе с тем правительство гарантирует, что новые профсоюзы не будут подвергаться никакой дискриминации.

Следующий вопрос: Какова разница между содержанием приложения, принятого в решении Верховного Суда, и того, которое Л. Валенса внёс в протокол воеводского суда 24 октября?

— *Речь шла о том, чтобы семь пунктов Гданьского соглашения были приняты судом в форме, имеющей юридическую силу и тем самым обязательной для выполнения.* Мне кажется, говорит представитель правительства, что внесение в протокол такому требованию не удовлетворяло. Речь шла о том, чтобы была ссылка на принятый судом документ.

— Что произошло с поправками, вписанными в Устав “Солидарности” воеводским судом? Остались ли они?

— Устав принят, отвечает представитель, в версии, первоначально представленной НСПС “Солидарность” [но с приложением, упомянутым выше.]

[1]В тексте неточно; вместо “общественного” след. читать “социалистического”.

Кто-то из журналистов хочет ещё знать, предусматривается ли в ближайшее время новая встреча премьера с Л. Валенсой. Представитель правительства сообщает, что до сих пор ни одна из сторон не заявила о такой необходимости. Конференция близится к концу. В зале, до отказа наполненном журналистами, чувствуется ослабление напряжённости. *Слышатся голоса, что победил здравый смысл и высокое чувство ответственности поляков за свою страну.*

Анджей Вишневский

МЫ ЧУВСТВУЕМ ГРАЖДАНСКУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БУДУЩЕЕ ПОЛЬШИ

Пресс-конференция представителей "Солидарности"
(Собственная информация и Польское агентство печати)

В понедельник после полудня в Варшаве состоялась пресс-конференция с участием представителей НСПС "Солидарность". "На неё прибыли многочисленные представители польской и иностранной печати, радио и телевидения. Во время конференции было - сделано заявление от имени Национальной Комиссии НСПС "Солидарность".

"10 ноября с. г. Верховный Суд изменил решение воеводского суда в Варшаве от 24/X с.г. и совершил регистрацию НСПС «Солидарность» согласно нашему заявлению. Внутренняя жизнь союза регулируется Уставом такого содержания и такой формы, какие придали ему учредители НСПС «Солидарность», согласно намерениям и всеобщей воле членов нашего союза. К Уставу, представленному Верховному Суду, мы присоединили приложение, содержащее тексты упоминаемых в первом параграфе нашего Устава конвенций №№ 87 и 98 Международной Организации Труда, а также части 1 Гданьского соглашения от 31/VIII 1980 г. Мы неоднократно подчёркивали свою верность Гданьскому соглашению и повторяем это сегодня со всей силой. Соглашение определяет взаимные обязательства государственных властей и трудящихся.

Наш союз сознает свои обязательства и полон решимости их последовательно выполнять.

Постановление Верховного Суда позволило устранить опасность чрезвычайно серьёзного общественного конфликта. Найдено решение, в котором победил рассудок и чувство ответственности за судьбу страны.

Преодоление напряжений, возникших в связи с регистрацией НСПС «Солидарность», создаёт для союза возможность приступить к нормальной работе. Мы надеемся, что со стороны государственных властей будут созданы все необходимые для этого условия...[1] Внутренний закон союза, которого мы добились с таким трудом и которым мы обладаем в силу правомочного решения Верховного Суда, требует с нашей стороны полного уважения. Это значит, что мы должны формировать наши организации и выборные учреждения в соответствии с Уставом. Точно так же в нашей борьбе за материальные и социальные права трудящихся мы должны руководствоваться Уставом. Устав определяет формы действий для осуществления наших требований и в их числе подробно указывает, в каких условиях и каким образом профсоюзная организация может прибегать к забастовке как к последнему средству. Эти принципы мы ни в коем случае не должны нарушать.

Положение нашей страны очень трудное. Не мы несём ответственность за экономический и общественный кризис, нараставший в течение ряда лет. Мы чувствуем, однако, гражданскую ответственность за будущее Польши. Мы считаем, что правильное использование наших естественных и технических ресурсов в городе и деревне, а также квалификации и рабочей силы, может сделать Польшу страной, отвечающей нашим потребностям и стремлениям.

В соглашениях, заключённых после забастовок, правительство приняло на себя обязательства с целью исправления положения, на пути к фундаментальным реформам экономики и общественной жизни. Мы ожидаем, что будут предприняты действия для выполнения этих обязательств. Мы стоим на страже интересов трудящихся и в этом духе будем защищать материальные и социальные интересы людей труда. Будущее нашей страны находится в руках людей труда. Польша — страна разумных людей, способных хорошо думать и хорошо работать. Надо, чтобы можно было верить, что усилия людей не пропадают зря из-за некомпетентности, плохой политики, злоупотреблений и коррупции. В этом направлении и с этой программой будет действовать Независимый Самоуправляющийся Профсоюз «Солидарность», призывая миллионы своих членов и всех людей труда к патриотическому действию в заботе о высшем благе отчизны.

Национальная Комиссия отменяет состояние забастовочной готовности, назначенное на 12 ноября этого года".

[1] Многоточие добавлено нами. — Ред.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Затем Лех Валенса сделал краткое заявление, в котором, в частности, сказал: Формально и юридически утверждено то, что мы постановили 31 августа. Отменяя забастовочную готовность, мы начинаем теперь второй этап — организацию наших союзов. Здесь нет проигравших. И нельзя говорить о чьей-то победе. Лех Валенса ответил также на вопросы журналистов.

Вот некоторые из вопросов и данных на них ответов.

Вопрос. Каков будет следующий этап вашей деятельности?

Ответ. Сейчас важнейший этап — это этап организации союзов на предприятиях.

Вопрос. Означает ли решение Верховного Суда победу “Солидарности”? (Иностранный корреспондент.)

Ответ. Оно означает победу здравого смысла. Мы ещё раз договорились, как поляк с поляком.

Вопрос. На предыдущей встрече с представителями печати вы сказали, что для того, чтобы зарабатывать, надо производить?

Ответ. Полагаю, что теперь нас не надо будет уговаривать делать это, как до сих пор, при помощи разных лозунгов и плакатов.

Вопрос. Предшествовали ли сегодняшнему решению Верховного Суда переговоры ваших представителей с правительством? (Представитель американской телевизионной компании ABC.)

Ответ. Таких переговоров не было. Ведь суды у нас независимы. Мы и не рассчитывали, что это у нас так легко пройдёт.

Вопрос. Намерены ли вы активно включиться в действия с целью улучшения экономического положения?

Ответ. Как я уже сказал, прежде всего мы должны приступить к организации наших союзов. У нас много предложений.

Вопрос. Действительно ли возможен рост производительности труда на 100%?

Ответ. Об этом надо будет говорить во время выборов в руководящие органы наших союзов на предприятиях.

Вопрос. Как будет в точности выглядеть Устав?

Ответ. Устав мы все знаем. Есть приложение. Оно содержит полный текст обеих конвенций, а также первую часть Гданьского соглашения, то есть пункты с 1 по 7.

Вопрос. Ваши представители участвовали в заседании Комиссии по вопросам экономической реформы. Как вы оцениваете состав этой комиссии?

Ответ. Наши наблюдатели были на этом заседании в первый раз. Они просто знакомились с работающими в ней людьми. Ничего конкретного мы об этом сказать не можем.

Вопрос. Как выглядит ваше сотрудничество с отраслевыми профсоюзами, которые, по-видимому, идут рука об руку вами?

Ответ. Пока такого сотрудничества нет. Мы подумаем, сотрудничать или нет.

Вопрос. Сохранен ли пункт Устава, касающийся забастовки? (Представитель "Нью-Йорк таймс".)

Ответ. Повторяю ещё раз: Устав сохранен таким, как был. В нем нет никаких изменений.

Вопрос. Каков текст обоснования, с которым суд изменил приговор?

Ответ. Оно будет опубликовано.

Вопрос. Есть ли внутри "Солидарности" расхождения?

Ответ. Бывают серьёзные споры, во время которых мы набрасываемся друг на друга. Крайних различий нет.

Если нет больше конкретных вопросов, благодарю всех за внимание.

Мечислав Гаевский[1]

КОНЦЕРТ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

10 ноября на сцене Большого Театра в Варшаве состоялся концерт, организованный НСПС "Солидарность" области Мазовше, в котором выступили ведущие варшавские артисты. Доход от концерта, в который входило чтение произведений выдающихся польских поэтов и сатириков, а также выступления музыкантов и исполнителей популярных песен, предназначался в пользу фонда НСПС "Солидарность". Присутствовало руководство "Солидарности", в том числе Лех Валенса.

14/XI[2] состоялась первая встреча Л. Валенсы с Каней, о содержании которой ничего не было сообщено.

16/XI[3] правительство объявило, что будет разрешён Независимый Союз Студентов — не в качестве профсоюза, но в виде общественной организации. Министр науки и высшего образования Горский заявил, что его министерство имеет полномочия зарегистрировать эту организацию. "Мы присутствуем, — сказал он, — при

[1] Имя и фамилия добавлены нами. — Ред.
[2] В тексте "14/IX" — опечатка.
[3] В тексте ошибка; след. читать "13/XI" (ПАП, 20.11.80).

нарастающем процессе вузовского самоуправления, в чём особенно активную роль играют студенты. Я поддерживаю и буду содействовать этому самоуправлению"[1].

Сотни студентов присутствовали в Большой Аудитории Варшавского университета на докладе одного из основателей КОРа, историка Адама Михника, под названием "Август 1980 года и современная история Польши"[2]. В докладе был произведён сравнительный анализ "польского Октября" 1956 года и событий прошедшего лета.

На следующий день[3] Лех Валенса, выступая перед металлистами в Варшаве, выразил осторожный оптимизм[4] по поводу своих переговоров с Каней. Это был, сказал он, "разговор человека с человеком, в котором не был обойдён ни один вопрос...[5] "У меня впечатление, что мы поняли друг друга". Как заявил Валенса, он сказал Кане, что сделает всё возможное для решения постоянно возникающих в Польше трудовых споров, и призвал профсоюзы действовать как организация, достойная уважения, прибегая к забастовке лишь в крайнем случае. "Теперь, — сказал Валенса, — когда мы добились полной легализации, нам незачем прибегать к партизанской тактике. Если даже есть справедливые претензии, можно решить наши споры другим путём, без забастовок".

Валенса сказал, что он многим обязан КОРу: "Они помогали мне, как и другим уволенным рабочим. Они помогали нам бесплатными юридическими консультациями и деньгами". [О другой помощи ещё нельзя было сказать.] Он прибавил, что никакая группа советников никогда не будет указывать "Солидарности", что ей надо делать[6]. [Ответ на обвинения властей в том, что КОР направляет рабочее движение в собственных, "антисоциалистических" целях.] "У «Солидарности», — сказал он далее, — есть ещё советники, предоставленные в её распоряжение примасом польской католической церкви и кружком светских католиков"[7].

Как мы увидим дальше, оптимизм Валенсы вряд ли был основателен; можно предполагать, что в глубине души он всё время опа-

---

[1] ПАП, 15.11.80.

[2] О выступлении А. Михника 14.11.80 см. "Die Presse", 17.11.80.

[3] Т. е. 15.11.80 (Рейтер, 16.11.80).

[4] Выражение "осторожный оптимизм" — почти буквальный перевод выражения в авторском тексте указ. сообщения Рейтер.

[5] Многоточие добавлено нами. — Ред.

[6] От слова "призвал" (3 строка сверху) до слова "делать" (включая кавычки) — почти буквальный пер. указ. сообщения Рейтер.

[7] От слов "есть еще советники" до слова "католиков" — почти буквальный перевод указ. сообщения Рейтер (где кавычки отсутствуют).

сался вероломства партийного аппарата, его неспособности ни к какому честному соглашению. Как раз в это время произошёл инцидент в Ченстохове, где воевода Вежбицкий приказал конфисковать в отделении "Солидарности" пишущие машинки и другое оборудование. Местные бюрократы не умели скрывать свои настроения и изображать должную готовность к "национальному соглашению". Воеводу сняли[1], но напряжение осталось. Оно было и внутри партии. Вот что писал в тот день в газете "Жиче Варшавы" представитель Высшей школы общественных наук В. Ламентович, выражая точку зрения партийных "радикалов":

"Необходимо создать дискуссионные клубы и центры, которые соединили бы различные секторы партии и привели бы к появлению большего числа идей, большей солидарности и подлинным дебатам о программе партии[2]. Пока это внутренний процесс, но «горизонтальность» полезна также и для контактов между группами разных мнений и, если можно так выразиться, разного образа действий, между социальными идеями и силами. Пришёл конец старой монолитности сталинского пошиба, но деятельность Леха Валенсы и церкви, прежде всего католического правого крыла, при всём бесспорном стремлении к равновесию, которое они проявляют, может создать впечатление, что они подготавливают другой вид монолитности — национально-религиозный. Правильный путь между этими двумя заблуждениями для марксистского движения — это возобновление партийных дебатов в масштабе всей страны, чтобы нанести поражение и догматизму, и церковному максимализму".

Термин "горизонтальность" означает здесь свободное общение и дискуссии в партии и в обществе, а также образование союзов и коалиций без инструкций, спущенных "по вертикали" партийной верхушкой. Внутри партии слова "горизонтальные структуры" стыдливо прикрывали первый признак возрождения внутренней жизни — образование фракций.

21/XI был произведён обыск в варшавском отделении "Солидарности" и арестованы два его сотрудника. Целью этой — тогда уже необычной — меры была конфискация "сверхсекретного" документа, оказавшегося в распоряжении профсоюза. Речь шла о секретной инструкции прокуратуры местным представителям "правосудия", где подробно перечислялось, как следует беспокоить и запугивать политических противников власти — кратковременными, но частыми

[1] Подал в отставку 17.11.80.

[2] До слова "партии" — цитата из ст. "Partia - kierownik czy przywódca", опубл. 14.11.80. Дальнейшая часть цитаты в указ. ст. отсутствует.

арестами, обысками, изъятиями бумаг и т. д.[1] Под угрозой забастовки "виновных" пришлось выпустить[2]. По-видимому, в Польше уже трудно было хранить секреты от народа; власти сделали из этого выводы, использовав в дальнейшем каналы армии и ГБ.

В ночь с 27 на 28/XI Валенса призвал рабочих прервать на месяц все забастовки. Это был жест примирения перед предстоящим VII Пленумом ЦК.

1–2/XII заседал VII Пленум. Аппаратчики решились, наконец, изгнать из ЦК ряд деятелей старого руководства. Окончательно сошли с политической сцены Э. Герек, Т. Пыка, бывший премьер П. Ярошевич, бывший глава пропаганды Е. Лукашевич и несколько министров. Но они всё ещё оставались в партии и, несмотря на злоупотребления, так и не были привлечены к суду. В Политбюро были введены 1 секретарь гданьского воеводского комитета Т. Фишбах[3] и, к общему удивлению, лидер лакейски-националистического направления в партии и организатор антисемитской травли в 68 году М. Мочар. Как видно, Каня пытался опереться на все силы, какие ещё могли его поддержать.

16 декабря в Гданьске состоялось торжественное открытие памятника рабочим, расстрелянным в декабре 1970 года. Приводим официальный отчёт об этом событии, помещённый в "Трибуне люду"[4]. Фотография в газете изображает оркестр военного флота и официальных представителей: выбрали такое направление объектива, чтобы не было видно ни памятника, ни рабочих!

В 10 ГОДОВЩИНУ ДЕКАБРЬСКИХ СОБЫТИЙ ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА В ГДАНЬСКЕ

(*Собственная информация и Польское агентство печати*)

16 декабря, в десятую годовщину декабрьских событий на Побережье, у ворот №2 Гданьской верфи им. Ленина состоялось торжественное открытие памятника, поставленного в память павших в трагические дни декабря 1970 года.

[1]Текст, под назв. "Замечания о действующих принципах преследования участников нелегальной антисоциалистич. деятельности", см. в сб. "Польша: 1980... ", с. 203-215.

[2]Ошибки в тексте: обыск был произведён 20.11, 21.11. Арестован сотрудник отделения Ян Нарожняк, 2-й арестованный — сотр. пр-ры Петр Сапело, оба были освобождены 26.11 (ТЛ, 22-23 и 27.11.80, "Kurier Polski", 27.11.80, АП, 23.11.80).

[3]Точнее: Т. Фишбах избран канд. в члены (ТЛ, 03.12.80).

[4]17.12.80

Внушительный памятник — три суровых стальных креста, сплетённые сверху якорями, с изображёнными снизу сценами из жизни и труда рабочих верфи — возносится над окружающей местностью. Памятник этот создан руками работников Гданьской верфи и их коллег из ряда предприятий Побережья и металлургических заводов Силезии на общественных началах.

За памятником в ограду верфи встроена стена, на которой сверкают тем же металлическим блеском слова: "Они отдали свою жизнь, чтобы ты мог жить достойно", и затем: "Честь их памяти".

Панораму за памятником составляют краны верфи и конструкции стапелей для спуска на воду судов — символ повседневного труда, столь необходимого Отчизне.

НАЧАЛО ЦЕРЕМОНИИ

Около 17.00 часов к памятнику подходят официальные гости, делегации из разных частей страны. У ступеней памятника — почётный караул. Присутствуют представители высших партийных и государственных органов во главе с членом Политбюро ПОРП, председателем Государственного Совета Генриком Яблоньским [этот Государственный Совет, под председательством того же Яблоньского, в ночь на 13 декабря 1981 года ввёл военное положение, а затем начались новые расстрелы рабочих], 1 секретарём Гданьского ВК ПОРП Тадеушем Фишбахом, секретарём ЦК Здзиславом Куровским, Министром культуры и искусства Юзефом Тейхмой[1]; делегация Епископата Польши в составе архиепископа, митрополита Краковского кардинала Францишека Махарского [поскольку Каня не явился на покаяние, Вышиньский прислал вместо себя второе лицо польской церкви], секретаря Епископата епископа Бронислава Домбровского и епископа Гданьской епархии Леха Качмарека; члены руководства НСПС "Солидарность" во главе с председателем Национальной Координационной Комиссии Лехом Валенсой [рабочие и здесь на последнем месте, и упомянут один Валенса].

Председатель Государственного Совета принимает рапорт почётного подразделения Охраны Побережья.

17.00 — протяжный сигнал заводских и корабельных сирен, колокольный звон оповещает о начале церемонии. Собравшиеся затихли, сплочённые сознанием необходимости мира, конструктивных

[1] В тексте пропуск; след. читать: "секр. ЦК Здзиславом Куровским, вице-премьером Ежи Оздовским, Мин-ом культуры... Тейхмой".

действий для воссоздания взаимного доверия. Собравшиеся поют "Роту" ["Присягу"] под аккомпанемент оркестра Военного Флота и гданьских хоров. Затем исполняется с магнитофонной записи специально написанное для этой церемонии сочинение Кжиштофа Пендерецкого "Лакримоза" ["Плачущая" (Богоматерь)][1]. Даниэль Олбрыхский прочёл имена павших. Присутствующие почтили их память минутой молчания. От имени семей погибших памятник открыл Тадеуш Насталы. Лех Валенса зажигает факел. Произносит краткую речь. [Краткость речи не помешала её сильно сократить.]

Сегодняшний день, — говорит он, — должен быть днем молчания и размышления. Памятник вызывает вопросы и ответы. К этому памятнику обращено много мыслей, которые мы запомним.

В этом месте [продолжается сокращённое изложение газеты] председатель "Солидарности" сослался на мысли, высказанные о делах Родины папой Иоанном-Павлом II, а также напомнил слова Чеслава Милоша, высеченные на памятнике, и слова акта о воздвижении памятника. [Чеслав Милош — польский поэт, эмигрант с 1951 года, награждённый за несколько дней до того Нобелевской премией; ни слова на памятнике, ни содержание акта не приводились в польской печати.] Он сказал, что воздвижение памятника было долгом оставшихся в живых перед теми, кто придёт после нас. Он должен свидетельствовать о прошлом и указывать путь в будущее. Памятник воплощает право на уважение человеческого достоинства, право на порядок, законность и справедливость. Надо перенести в будущее, — сказал он, — и память о жертвах, которую мы сегодня чтим.

Лех Валенса выразил благодарность всем, чьи руки привели в действие краны, двигатели, всю технику, чтобы этот великолепный памятник возник в столь короткое время. Он выразил радость, что с этим памятником связывается солидарность мыслей и чувств всей нашей Отчизны.

Затем оратор привёл слова из обращения Епископата Польши, выражающие глубокую озабоченность будущим нашей Родины: "Нельзя предпринимать таких действий, которые могли бы поставить под угрозу свободу и государственность нашей Родины [вызвать вмешательство Москвы]. Усилия всех поляков должны быть

---

[1] В тексте ошибка: указ. соч. Пендерецкого написано на слова лат. поэмы 13 в. "Dies irae", а точнее той части её, которая начинается словами "Laciymosa dies. . . " (в рус. переводе — "День плача. . . "); оно является частью планируемого Пендерецким "Польского реквиема" (см. интервью Н. Кениона с К. Пендерецким в газ. "Тайме", 30.07.83).

направлены на то, чтобы способствовать начавшемуся процессу обновления и создать условия для выполнения соглашений между властью и обществом. . . " "Мы должны жить надеждой, что имеет смысл сознательно предпринимать эти усилия во имя лучшего будущего в свободной Отчизне. Нужна решительная воля противодействовать любым попыткам задержать процесс национального обновления, расколоть общество и использовать имеющиеся трудности в целях, чуждых благу народа и государства. Наша страна прежде всего нуждается во внутреннем мире, чтобы заложить основы общественной жизни в атмосфере возрождающегося взаимного доверия".

Поэтому, — сказал Лех Валенса, — я хотел бы призвать с этого места, во имя патриотизма, солидарности и мира, всех присутствующих и всех поляков, людей доброй воли к полной ответственности за судьбы нашей Родины, я призываю вас сохранять спокойствие, порядок, уважать права и достоинство всех. Я обращаюсь к вашему разуму и вашему здравому смыслу и призываю руководствоваться ими во всех начинаниях на благо нашей Родины. Призываю вас хранить бдительность в защите безопасности и суверенитета нашей Родины.

Призываю вас помнить, что этот родной дом, наша Отчизна, зовётся Польшей. Призываю вас к тому, чтобы Польша всё больше становилась жилищем для людей, чтобы в ней одержали победу справедливость, свобода, мир, любовь и солидарность. [Конечно, имеется в виду не только чувство солидарности, но и "Солидарность" в кавычках с большой буквы!]

Затем слово берет Тадеуш Фишбах.

Нас собрал здесь, — сказал оратор, — особый долг. Мы отдаём честь памяти жертв трагических событий декабря 1970 года.

Мы знали, что с мыслью о мёртвых и во имя надежд живых мы должны воздвигнуть символ, выражающий наши чувства, братскую связь и единство целей, освещающих нам создание ценностей, определяющих лицо нашей Родины — Польской Народной Республики.

Напомнив, что этот монумент, переносящий память о павших в настоящее и будущее, воздвигнут по инициативе рабочих верфи, Т. Фишбах сказал: Память о декабрьских событиях, хотя это горькая память, не должна разделять нас. Она должна объединять народ, рабочий класс, государственную власть в общем действии, чтобы никогда больше не было таких трагедий.

Именно поэтому, — продолжает он, — около четырёх месяцев

назад мы сделали правильные выводы из протеста рабочего класса и избрали единственно правильный путь решения августовского конфликта. Это путь соглашения. Трудный, полный напряжений и усилий, но дающий шансы избежать трагических последствий. Мы хотим, чтобы раз навсегда было обеспечено полное согласие между благородной идеей социалистического развития страны и способом выполнения властью лежащих на ней обязанностей, в соответствии с волей граждан.

Поэтому мы устраняем из нашей жизни то, что противоречит принципам социализма, чувству справедливости и нравственности нашего народа. Одновременно мы должны противодействовать всему, что угрожает покою наших домов, что может создать опасность для интересов народа и государства [т. е. не провоцировать “первую страну победившего социализма” напасть на трижды обновлённый польский социализм].

Ещё раз, — сказал Т. Фишбах, — со всей силой проявилась та истина, что присущее нашему общественному строю единство целей тем больше усугубляется и закрепляется, чем сильнее связь между властью и обществом, партийными и беспартийными, верующими и неверующими, между всеми людьми, для которых благо Отчизны составляет наивысшую ценность. Лишь на этой основе могут наилучшим образом проявить себя патриотические силы народа, лишь на этой основе их стремления могут приносить результаты, обогащающие государство и служащие благосостоянию его граждан.

Мы все должны сегодня особенно отчётливо уяснить себе значение этой истины, чтобы быть в состоянии преодолеть препятствия, возникшие перед нами. И когда мы говорим, что Польша нуждается не только в лучших условиях материальной жизни, но и во внутреннем мире, во взаимном уважении и укреплении принципов общественной морали, то мы выражаем этим сущность происходящего процесса обновления.

Необходимость этого процесса вырастает из стремлений рабочего класса, всех людей труда. Программу социалистического обновления наметила и будет осуществлять[1] наша партия — Польская Объединённая Рабочая Партия.

Есть ещё в нашем родном доме, — сказал далее Т. Фишбах, — немало забот и нехваток, но это наш дом. Здесь мы пребываем и останемся, здесь проходит наша жизнь…[2], здесь протекает наш

[1]В тексте пропуск; след. читать “будет последовательно осуществлять”.

[2]Многоточие добавлено нами. — Ред.

труд. Поэтому наш патриотический долг — глубоко понимать всё, что в нем происходит, не прекращать усилий, чтобы дело шло как можно лучше. Чтобы никогда больше не нарушили его спокойствия никакие драматические события, принёсшие нам в прошлом столько боли и горечи.

Мы должны добросовестно выполнить этот долг, хотя есть ещё много нерешённых проблем и неудовлетворённых нужд. Мы должны делать это со взаимопониманием и взаимным доверием, умножая тем самым всё, что нас соединяет, а не разделяет, сближает, а не отдаляет, что составляет сущность дела исправления Народной Республики.

[Тадеуш Фишбах, который был первым секретарём в Гданьске во время революции, производит впечатление человека, уверовавшего в "обновление". Такой человек был удобен на этом посту правящей клике, но уже в июле 1981 года, на IX Съезде, он не был переизбран в Политбюро, а после военного переворота был снят со своего поста.]

ВОЗЛОЖЕНИЕ ВЕНКОВ

После торжественного открытия памятника, под звуки оркестра Военного флота, у мемориальной плиты памятника возлагаются три венка; их возлагают семьи погибших, представители властей и делегация НСПС "Солидарность". Последней частью церемонии была месса во благо Отечества, отправленная архиепископом митрополитом Краковским кардиналом Францишеком Махарским.

Во время мессы епископ Бронислав Домбровский прочёл присланную по случаю церемонии телеграмму Иоанна Павла II.

"Откликаясь на особую просьбу епископа Гданьского и жителей Побережья, — гласит телеграмма, — я присоединяюсь в этот день к вам, дорогие братья и сестры, у памятника, который напоминает о трагических событиях, происшедших десять лет назад, и велит нам думать о всех, принявших тогда смерть. Предаю их милосердию Отца Предвечного и благодарю Бога за то, что нынешние события на Побережье имели совсем иное течение. Прошу Его, чтобы Он даровал моим соотечественникам силы, нужные для достижения общего блага любимой Отчизны в мире и взаимном уважении, непрерывно молясь за Польшу и все её дела. От всего сердца благословляю участников церемонии и всех соотечественников".

Затем секретарь Епископата прочёл письмо примаса Польши, кардинала Стефана Вышиньского.

Говоря о форме памятника, напоминающего о трагедии, примас Польши пишет:

“Этот знак Креста Христова является вместе с тем знаком примирения, прощения и мира, которых мы столь горячо желаем нашей общей и единственной Отчизне.

Все мы знаем, что путём к миру является справедливость, основа мирной жизни и сотрудничества всех слоев народа. Истина в любви, мир в справедливости пробуждают доверие, чувство ответственности и обязательности — эти необходимые условия здоровой общественной и национальной жизни.”

Благословляя — в конце письма — памятник и тех, кто его воздвиг, кардинал Вышиньский пишет:

“Пусть знак тройного креста будет источником вдохновения в труде и в жертве.”

Во время мессы епископ Гданьской епархии Лех Качмарек произнёс проповедь, связанную с местом и духом церемонии.

Во время мессы был освящён Памятник Павшим Рабочим Верфи. Освящено было также знамя НСПС “Солидарность”.

По окончании церемонии собравшиеся спели национальный гимн и разошлись с достоинством и спокойствием. Церемония почтения памяти павших 10 лет назад подтвердила волю поляков к социалистическому обновлению страны, к нормализации жизни, к укреплению сил нашей Родины.

В этот же день в Гданьске открылась выставка фотографий — документов декабрьских дней 1970 г., а в опере и Балтийской филармонии хор из нескольких сот человек с солистами исполнил произведение Вольфганга Амадея Моцарта “Реквием”.

Рождество 1980 года прошло в Польше в обстановке относительного “смягчения напряжения”, в чём публика давно уже нуждалась. Жители Варшавы (а может быть, и других польских городов) получили по введённым к тому времени карточкам некоторое количество мясных изделий: было объявлено точное распределение каждого сорта мяса, колбасы и ветчины. Средняя норма мяса на польского горожанина составляла 3 килограмма в месяц, но промышленные рабочие получали 4 кг, а шахтёры — 5. Польские и иностранные газеты пытались создать впечатление, что в этих трудных условиях поляки могут смотреть в будущее с некоторой надеждой.

Вечером 24/XII, после телевизионного журнала в 19.30, телевидение передало рождественское послание Папы польскому народу, записанное в его личной капелле. Утром 25-го транслировалась

по радио месса, которую служил кардинал Махарский. Послание Папы содержало общие пожелания мира и благополучия. Кардинал Вышиньский выразился в своём послании более определённо. “...Национальное сознание, — сказал он, — пробуждается теперь в польском народе, призывая его к чувству ответственности за нацию, к осознанию всеми ответственности за нацию, своих прав и обязанностей... Нация переживает возрождение и сознает ответственность за своё будущее на этой земле. Никто не вправе думать, что нас может спасти кто-нибудь, кроме нас самих... [Кардинал не заметил цитату из “Интернационала”.] Величайший результат этих последних месяцев, — сказал он в заключение, — состоит в том, что мы смогли выразить любовь к родине, привязанность к родине и ответственность за родину”[1].

По окончании мессы группы молодых людей, выйдя из собора, перевели эту проповедь на совсем уже понятный польский язык. Полуночные улицы Варшавы услышали возгласы: “Да здравствует Польша без Москвы!”, “Да здравствует Иоанн-Павел, король Польши!”.

В это же время в нескольких шагах от собора, в церкви св. Иакова, слушали полуночную мессу деятели КОРа, “Солидарности” и КИКа (Кружок католической интеллигенции) . Верующие и неверующие собрались здесь потому, что у Польши не было другого пути, кроме единства.

Никто не предвидел, каким будет следующее Рождество.

---

[1]Цитата не проверена.

11. Маска анархии

Восемьдесят первый год должен был стать годом борьбы за власть. Это понимали обе стороны, но обе действовали нерешительно: правительство — потому что потеряло всякий авторитет в стране и могло опираться лишь на растерявшихся чиновников и ненадёжную армию; "Солидарность" — потому что опасение вмешательства Москвы не позволяло ей использовать своё преимущество в силе и влиянии для прямого захвата власти. Таким образом, возникло тянувшееся до конца года двоевластие, а по существу — состояние анархии, когда правительство всё больше теряло контроль над жизнью страны, в то время как "Солидарность", не решаясь собрать все свои силы для вынуждения структурных изменений (хотя бы прикрытых от Москвы каким-нибудь партийным маскарадом), растрачивала их на отдельные кампании по частным вопросам. Эта нерешительность, в значительной степени обусловленная осторожными советами и предостережениями церкви, и была главной политической ошибкой Независимого Профсоюза, приведшей его к поражению — несомненно, *временному* поражению.

Подробное последовательное изложение событий этого года заняло бы много места и, более того, при нынешнем состоянии информации свелось бы в большинстве случаев к регистрации отдельных плохо понятных фактов. Летопись польской революции писать рано — она будет написана поляками в свободной Польше. В следующих далее очерках я попытаюсь изобразить главные этапы этой изнурительной борьбы, затянувшейся только из-за внешней причины.

14/I[1] Валенса направился по приглашению Папы в Италию. В действительности его поездка выходила за рамки встречи в Ватикане: Италия наряду с Польшей представляет собой интереснейшее в общественном смысле место Европы, и если Валенса не мог встретиться с политическими деятелями страны (ведь профсоюз "Солидарность" не занимается политикой!), то его ждали с нетерпением итальянские профсоюзы. Посетив вначале места, пострадавшие от землетрясения, Валенса был принят 15/I "польским папой" Иоанном-Павлом II. Провиденциальный выбор этого Папы — или удачное стечение обстоятельств — дали возможность Валенсе говорить с Папой на родном языке. Делегации "Солидарности" были

[1] В тексте ошибка; след. читать "13/I" (ТЛ, 17–18.01.81).

оказаны в Ватикане почести, предусмотренные ватиканским протоколом для глав государств и первоначально введённые для императора Священной римской империи. В 11 часов утра Папа принял Валенсу в своей библиотеке, где они беседовали с глазу на глаз. После этой беседы, длившейся 25 минут, в библиотеку были допущены жена и отец Валенсы, а затем все члены делегации, которых Папа приветствовал с большой любезностью. Вместе с ними Папа прошёл в зал Консистории, где присутствовали многочисленные представители польской католической общественности, официальный уполномоченный польского правительства при Ватикане[1] и свыше ста журналистов. Папа произнёс на этом торжественном приёме речь, призывавшую обе стороны к умеренности и осторожности, к мирному соглашению. "Не должно быть противоречия, — сказал он, — между самостоятельной, самодеятельной инициативой[2] людей труда и общественной структурой, провозглашающей человеческий труд основной ценностью в общественной и государственной жизни". В конце приёма делегация "Солидарности" вручила Папе ларец с землёй, собранной в Вестерплятте, где поляки дольше всего сопротивлялись гитлеровским захватчикам, на месте немецкого концентрационного лагеря Штутгоф близ Гданьска и на месте расстрела рабочих в 1970 году, где теперь установлен памятник. Папа подарил делегации медали своего понтификата, тексты своих речей и в заключение благословил Польшу.

На следующий день Валенса встретился в одном из римских кинотеатров с представителями итальянских профсоюзов всех направлений. Горячий приём, оказанный ему публикой, вызвал у Валенсы слова благодарности: "В этом зале я не чувствую, нахожусь ли я в Риме или в Польше"[3]. В своей речи Валенса сказал: "Было много разговоров о моей религиозной вере. Конечно, я верующий, но это моё личное, интимное дело. Это не имеет ничего общего с «Солидарностью», которая не является конфессиональным профсоюзом и объединяет атеистов и верующих, католиков и людей других исповеданий. Мы представляем собой движение, возникшее от толчка снизу и насчитывающее сейчас 10 миллионов трудящихся из общего числа 12 миллионов. Движение это вышло из заводов и фабрик, остающихся его главной опорой; но затем оно распространилось на целые районы страны, выбравшие членов Национальной комиссии.

---

[1]Казимеж Шаблевский (ЮПИ, 15.01.81).

[2]В тексте ошибка; след. читать "самостоятельной общественной инициативой" (см. "L'Unita", 16.01.81; см. также "Таймс", 16.01.81, ДПА, 15.01.81).

[3]См. "L'Unita", 17.01.81.

Нашей целью стала тогда организация профсоюзов во всех отраслях и специальностях: для служащих, преподавателей, медицинских работников, интеллигентов. Мы изучили иностранный опыт, в том числе итальянский, но не следуем никакой модели: мы хотим приспособить структуры к польской действительности. Например, нам не очень подходят ваши советы делегатов, потому что у нас один хозяин — государство, и мы не хотим, чтобы государство оплачивало профсоюзную работу делегатов. Наши кадры должны оплачиваться самим движением за счёт членских взносов. Иначе попадём в такое же подчинение, как официальные профсоюзы"[1]. Перед вылетом на родину, 18/I, Валенса провёл пресс-конференцию[2]. Он заявил, что "Солидарность" не является и никогда не будет политической партией. Избегая скользких вопросов, он сказал, что его профсоюз высказывается за социализм и, следовательно, нет причин для внешнего вмешательства. Что касается Папы, то нельзя отрицать, что он поляк и что польский народ очень предан католической вере, но "это не значит, что наш профсоюз зависит от Папы и от церкви"[3]. Валенса заверил, что "Солидарность" не требует ничего сверх заключённых соглашений. Эксперт Мазовецкий, директор журнала "Солидарность" и бывший католический депутат Сейма, сказал: "Мы действуем в рамках определённых и длительных политических и географических условий; в пределах этих условий мы хотим изменить представительство трудящихся. «Солидарность» — важный фактор общественного контроля, большая сила, не существовавшая ранее. И лишь в этом смысле можно говорить о смене модели"[4]. В заключение Валенса сказал: "Я — вовсе не альфа и омега: вокруг меня необыкновенные люди. «Солидарность» — это не Валенса. На этой стадии наша цель — иметь законное признание, что существует независимый, автономный профсоюз. А для этого недостаточно обещаний"[5].

В Польше продолжалась борьба. Кроме всё время предъявлявшихся местных требований, выделилось два вопроса общенационального значения. Одним из них был вопрос о "свободных субботах", т. е. гарантированном Гданьским соглашением выходном дне в субботу; второй — наболевший крестьянский вопрос, по настоянию

[1]"L'Unita", 17.01.81.

[2]В тексте ошибка: пресс-конференция состоялась 17.01, делегация "Солидарности" вылетела в Польшу 19.01.81 (там же, 18.01.81, 20.01.81).

[3]Там же, 18.01.81.

[4]Там же.

[5]Там же.

правительства обойдённый в соглашении. В сущности, вся проблема “свободных суббот” была искусственно создана властью. Правительство обязалось постепенно ввести 40-часовую рабочую неделю с пятью рабочими днями, но ввиду тяжёлого экономического положения собиралось делать это постепенно: в 1981 должно было быть 42,5 рабочих часа в неделю, с тремя свободными субботами в месяц. “Солидарность” настаивала на рабочей неделе в 41,5 час. Упрямство, с которым Каня и его аппарат отстаивали этот лишний час работы, никоим образом не отвечало важности дела по сравнению с гораздо более насущными заботами польской экономики. Правительственная пропаганда без конца повторяла обычную в таких случаях арифметику — сколько угля, чугуна, стали и т. д. можно было бы произвести за лишний час или полчаса; аргументация этого рода рассчитана на людей, не отличающих относительной величины от абсолютной. В действительности это был вопрос престижа: Каня и в дальнейшем проявлял бессмысленное упрямство в защите позиций, которые рано или поздно приходилось уступать. Как все бесхарактерные люди, он доводил дело до крайности, пытался запугать людей драматическими угрозами, а затем уступал. Это очень плохая политика: власть, желающая сохранить к себе уважение, не должна связывать свой престиж со случайными вопросами, но выбирает заранее позицию, которую будет решительно защищать, и удерживает такую позицию. Истерическая кампания вокруг “свободных суббот” очень повредила Кане.

Среди аргументов, выдвигавшихся официальной пропагандой, некоторые были очень забавны. Например, приводились сведения о рабочей неделе в западных странах и объяснялось, что там, конечно, давно уже есть и сорокачасовая рабочая неделя, и свободные субботы, но страны эти куда богаче Польши, там лучше умеют работать, а поляки не умеют и не любят работать, не отдавая себе отчёт в собственной лени и распущенности. В то же время польская печать всячески старалась скомпрометировать саму идею забастовки, восхваляя профсоюзы западных стран за их миролюбие, их готовность к переговорам с капиталистами и тому подобные проявления реформизма и оппортунизма. Предельной демонстрацией безмыслия этой пропаганды была перепечатанная из одной австрийской газеты карикатура, появившаяся в “Трибуне люду” в конце января[1]. На ней изображена баржа в открытом море, почти до бортов наполненная водой, с надписью: “польская экономика”; на корме

[1] 24–25.01.81

трепыхается привязанная верёвкой тряпка, почему-то с советским серпом и молотом, а не с польским орлом, а у штурвала стоит по пояс в воде невозмутимый капитан с физиономией Кани. На борту работает несколько босяков, вычерпывающих воду вёдрами, под командой усатого мужчины, похожего на Валенсу. Внизу подписано обращение этого предводителя к своей команде: "Кончайте, ребята! Сегодня суббота, а мы ведь по субботам не работаем!" Такое изображение польской действительности было, конечно, куда вреднее для престижа правительства, чем полчаса рабочего времени, о которых не удалось ещё к тому времени договориться.

Пока общее внимание было привлечено к "свободным субботам", назревал гораздо более важный вопрос о "крестьянском профсоюзе". Польские крестьяне, которым запрещались все формы самодеятельности и взаимопомощи, решили сами себе помочь и организовали "Крестьянскую Солидарность". Во главе её стал очень молодой (двадцатитрехлетний) крестьянин Ян Кулай. Власти ответили робкими, как всегда, репрессиями, мешая этой опасной для них организации, задерживая и опять выпуская её лидеров. Крестьяне, позабывшие к этому времени страх перед начальством, ответили на это хорошо продуманной кампанией. На северо-востоке Польши, в Устжыках Дольных, они устроили сидячую забастовку в помещении сельсовета и позаботились привлечь внимание к этой акции польской и мировой печати. Место было выбрано не случайно: в этих лесах, вблизи советской границы, новейшие польские феодалы устроили себе охотничьи угодья, возвели роскошные виллы, где они, кстати, нередко принимали своих советских коллег. Крестьяне потребовали прекращения преследований, начала переговоров с правительством о признании их организации, а заодно расследования по поводу охотничьих замков и передачи этих помещений детским учреждениям. Поляки вообще невежливы с ворами. Дело Мацея Щепаньского, начальника польского радио и телевидения, было вытащено на страницы мировой печати как раз в те дни, когда Герек пытался сохранить своё положение "конституционного короля". Герек покровительствовал этому деятелю. Не знаю, бывал ли он сам на виллах этого вельможи, но министры его бывали; там происходили разного рода увеселения, не исключая и таких, которые в древности именовали оргиями. Без сомнения, Герек был огорчён столь бесцеремонной критикой своего любимца, ежедневно объяснявшего полякам по радио и телевидению, что хорошо и что плохо. Может быть, от этого и случился с Гереком инфаркт. Вполне возможно, что и Каня охотился в Устжыках Дольных: ввиду его близости к

Гереку он просто не мог этого избежать. А тогда нетрудно понять, какую бесчеловечную травлю затеяли польские крестьяне против миролюбивого Кани, крестьянского парня, раздобревшего на партийных харчах.

Вдобавок ко всему были ещё студенты. Они требовали признания своего независимого Союза и для начала забастовали в вузах Лодзи, заняв 27/I учебные помещения. Это был не стихийный студенческий бунт, какие происходят на Западе, а сознательное политическое движение. Профессора и преподаватели полностью поддерживали студенческое движение: за исключением очень небольшого числа приставленных к вузам партийных надзирателей и начётчиков, в польских университетах и институтах все хотели восстановления естественной академической жизни. К счастью, в Польше традиция была ещё достаточно сильна, и навязанные бюрократами порядки воспринимались как патологические извращения.

Больше всего повредили эти извращения польской школе, где точно так же, как у нас, прямое воспитательное влияние учителя на учеников вытеснялось формальными мероприятиями, а серьёзное изучение предметов — натаскиванием на готовые ответы и зубрёжкой. И всё же, хотя старые учителя, помнившие другие порядки в школе, оставались уже в небольшом числе, влияние их на учительскую среду было, по-видимому, достаточно сильно. В школе также возникло движение протеста против бюрократической регламентации и политического принуждения, и в ряде случаев в этом движении участвовали и ученики. Конечно, правительство использовало каждый такой случай, чтобы обвинить учителей в недопустимом подстрекании школьников к политическим демонстрациям.

Общий паралич власти, падение её авторитета, исчезновение страха перед её представителями привели к тому, что “поддержание порядка” на улицах польских городов стало крайне неблагодарной задачей. Гебисты могли, конечно, переодеться в штатское, но мундиры милиции вызывали при каждом своём появлении бурную реакцию публики. Для милиции стало небезопасным делом не только разгонять демонстрации, что уже было почти невозможно, но даже препятствовать расклеиванию листовок и объявлений различных общественных организаций, выросших повсюду, как грибы после дождя. Стоило прохожим увидеть милиционера, пристающего к каким-нибудь уличным активистам, как собиралась толпа, отбивавшая задержанных и обращавшая в бегство “блюстителей порядка”. На станции Отвоцк, близ Варшавы, избиение в милицейском участке двух задержанных прохожих привело к настоящей осаде участка

многотысячной толпой, непонятно откуда взявшейся в этом крохотном посёлке, и только выступления срочно вызванных из столицы деятелей “Солидарности” и КОРа несколько успокоили население. Задержанных выпустили, толпа разошлась, но на следующее утро неизвестные лица всё-таки сожгли этот участок.

Конечно, таким ослаблением власти воспользовались также уголовные элементы, как это всегда бывает во время общественных потрясений, — а милиция боялась даже задерживать хулиганов и карманных воров. Партийная пропаганда винила во всем этом “Солидарность” и КОР, а те возражали, что не могут отвечать за естественные последствия воровской системы. В некоторых местах “Солидарность” создавала свою службу порядка, и растерявшееся начальство обращалось к ней за помощью. Власть разлагалась на глазах. Для Кани всё это было слишком трудно, и он решил прибегнуть к тому же трюку, на котором сломал себе шею Герек: разыграть конституционного короля, сменяющего непопулярных министров. Козлом отпущения должен был послужить Пиньковский, казалось, нарочно выбранный с этой целью; сам Каня не вмешивался в хозяйство и администрацию, оставив за собой общее руководство, и теперь было на кого свалить вину. Приемы чиновников всегда одни и те же! Но на Западе заметили слабость Кани и начали говорить об упадке его власти.

31/I было достигнуто, наконец, соглашение о “свободных субботах”: остановились на 42 рабочих часах в неделю с тремя свободными субботами в месяц в течение 1981 года. Кроме того, наметился первый шаг в области массовой информации: “Солидарности” предоставили несколько минут в день на телевизионных экранах, разрешили ей издавать еженедельный журнал тиражом 500.000 экземпляров и сохранить газеты, уже выходившие к тому времени в городах. Представитель “Солидарности” Кароль Модзелевский заявил, впрочем: “Если два положительно решённых вопроса могут положить конец напряжённости, то остаётся ещё опасность в связи с отказом в регистрации профсоюза крестьян”[1].

Каня уже придумал, на кого свалить эту опасность. Состоялся пленум ЦК, и 10/II[2] премьером стал генерал Войцех Ярузельский (58 лет) — с сохранением за ним поста военного министра. Ярузельский прочёл свою программу из 10 пунктов[3], где было сказано, что́ надо улучшить в польской экономике, но не было ни слова о том, как

[1] См. “L'Unita”, 01.02.81.
[2] В тексте ошибка; след. читать “11/II” (ТЛ, 12.02.81).
[3] См. там же, 13.02.81.

это сделать. Есть основания полагать, что генерал не имел в этой области собственных идей, но он проявил внимание к нуждам населения. Вскоре генерала можно было увидеть в газетах на фотографии среди покупателей продовольственного магазина; сообщалось, что он решил лично ознакомиться с трудностями снабжения[1]. В другой раз описывалось, как генерал посетил кондитерскую фабрику и благожелательно беседовал с работницами об их жизни и труде. Выяснилось, — пишет корреспондент, — что фабрика не может работать из-за отсутствия каких-то продуктов, корицы или ванили, и генерал обратился к сопровождавшим его офицерам, предложив им заняться этим вопросом. Может быть, в этот момент и пришла ему в голову идея о военном управлении: никаких консультаций, каждый получает приказ!

Конечно, Ярузельский тоже не обременял себя хозяйственными делами: он обзавёлся новыми министрами, проведя очередную реорганизацию кабинета. Мало того, он уменьшил число министерств. Все эти перемены должны были, наконец, сдвинуть с места экономические реформы. До сих пор ничто вообще не двигалось с места; один журналист сокрушался об этом в фельетоне, напечатанном в "Трибуне люду": он сравнивал министерскую бюрократию с кристаллической решёткой, где атомы так плотно упакованы и сцеплены друг с другом, что ни одного нельзя оттуда вынуть. Для экономических вопросов генерал создал особый комитет, а для переговоров с профсоюзами — другой. Этот последний возглавил уже известный нам партийный либерал Раковский, ставший заместителем премьера; ему предстояло сделаться в этой роли самым непопулярным человеком в Польше.

Новому премьеру пришлось пойти на дальнейшие уступки. 19/II[2] окончилась самая долгая в истории забастовка польских студентов в Лодзи (они побили рекорд, ранее принадлежавший французским). Надо было идти на соглашение, поскольку студентов Лодзи поддержали их товарищи в других городах, и видна была перспектива полной блокады польских вузов. Тот же министр Горский, который на словах приветствовал Независимый Студенческий Союз, теперь должен был примириться с ним на деле. Переговоры в Лодзи привели к замечательному соглашению. Было, прежде всего, признано право студентов создать свой независимый союз с национальным руководством и правом на забастовку с занятием учебных

[1] См., напр., там же, ТЛ, 02.03.81.
[2] В тексте ошибка; след. читать "18/II" (ТЛ, 20.02.81).

помещений (для забастовки на факультете требовалось голосование студентов). Была восстановлена “университетская автономия”, т. е. самоуправление вузов, свободные выборы ректоров и деканов, право самостоятельно разрабатывать программы и учебные планы и т. д. Студенты добились тридцатипроцентного представительства в учёных советах (без права участия в присуждении учёных степеней), увеличения стипендий и других видов помощи. Им обещали даже валютные ассигнования на иностранную литературу и оборудование. Наконец, без явной публикации им обещали освобождение от “марксизма” и обязательного русского языка. Польские вузы, сохранившие понимание смысла высшего образования, были теперь свободны и принялись устраивать свои дела — прежде всего выбирать ректоров и деканов, как это всегда делалось со средних веков до “социализма”. К моменту переворота вновь выбранные ректоры уже составляли самостоятельную силу: они созвали свою конференцию. Зачем нужен был после этого министр Горский со своим министерством?

Крестьянский вопрос зашёл в тупик. Каня и Ярузельский понимали, что им угрожает вовсе не “крестьянский профсоюз”, а настоящая крестьянская партия, которая будет находиться под решающим влиянием церкви. 11/II[1] Верховный Суд отклонил апелляцию “Крестьянской Солидарности” и отказался зарегистрировать её в качестве профсоюза. Вместо этого суд постановил, что крестьяне могут организовать свои “производственные ассоциации” в отдельных воеводствах, но без права на общенациональную организацию. У Верховного Суда собралось около 5000 представителей крестьян из всех частей страны. Лех Валенса, присутствовавший на заседании, вышел к крестьянам и произнёс краткую речь, призывая их к спокойствию. Он утверждал, что крестьяне добьются своей цели законным путём. Но ближайшие действия властей показали, что правительство решило проявить твёрдость. В газете было опубликовано предупреждение прокуратуры, что “профсоюз индивидуальных крестьян” не разрешён и что участие в его деятельности будет преследоваться как нарушение закона[2]. Вряд ли это было логично после того, как все требуемые права были уже предоставлены рабочим, но с политической точки зрения упрямство власти можно было понять.

Крестьяне устраивали различные действия протеста, в особен-

[1]В тексте ошибка; след. читать “10/II” (ТЛ, 11.02.81).

[2]Ср.: “Как сообщает представитель Министерства юстиции, всякие действия по созданию крестьянского НСПС нелегальны” (ТЛ, 11.02.81).

ности в трёх небольших городах — Бельско-Бялой, Жешуве и Быдгощи. Долгая история этих демонстраций не может быть здесь рассказана: достаточно сказать, что крестьяне ни разу не прибегали к забастовке в прямом смысле этого слова — к прекращению поставок сельскохозяйственных продуктов, — сознавая положение городского населения. Дело ограничивалось занятием помещений различных учреждений. Уже 11/I власти начали посылать милицию для изгнания протестующих крестьян[1], но, по-видимому, те вели себя достаточно покладисто: не было жалоб на избиения. Тем более потрясло поляков то, что произошло в Быдгощи 19/Ш[2].

В Быдгощском воеводстве были проведены выборы в казённую крестьянскую организацию "Кулка Рольниче" ("Крестьянские Кружки" — нечто вроде сельских кооперативов в руках местного начальства). Поскольку при создавшихся настроениях нельзя было и в этих выборах добиться требуемых результатов, власти применили различные формы мошенничества. Тогда крестьяне, игнорируя "съезд" казённых кооперативов, собравшийся в Быдгощи, устроили новые выборы и созвали в том же городе параллельный съезд, считавший себя единственно законным. Делегаты этого нового съезда пытались занять областное правление "Кулек Рольничих", но безуспешно. Тогда они устроили "оккупационную забастовку" в здании ЗСЛ ("крестьянской" партии официального блока). Такова была обстановка в Быдгощи 19/Ш.

Конечно, "Крестьянская Солидарность" и поддержавшая её рабочая оказывали давление на правительство, добиваясь для крестьян той же свободы, что и для рабочих. Это был *настоящий* "союз рабочих и крестьян"! Вспомните "диктатуру пролетариата", которую не хотел усмотреть в Польше г-н Фалин. "Солидарность" приняла средства протеста, обычные на Западе: оккупационные забастовки, иногда голодовки отдельных групп. На Западе такие действия, не всегда законные, но освящённые обычаем, часто вызывают вмешательство полиции с применением силы. В сущности, то, что было в Быдгощи, не слишком отличалось от этих западных образцов: били так же, как бьют при таких обстоятельствах во многих странах. Но поляки были особенно чувствительны к этому предмету. На Западе бьют всем известные полицейские в мундирах, и их надо ещё до этого довести: чаще всего они это делают для самозащиты или потеряв нервное равновесие, так что и полицейских можно по-человечески

[1]Более подробно об этом см., напр., АП, 13.01.81.

[2]Официальную хронологию событий в Быдгощи с 23.02 по 20.03.81 см. в ТЛ, 23.03.81. В тексте "19/II" — опечатка.

понять. В Польше били переодетые в штатское агенты "безпеки", били намеренно и по тайному приказу; все это знали, а чувства поляков к этим людям заметно отличались от обычного отношения англичан или французов к своим полицейским, тоже трудящимся, входящим в другой профсоюз. Не принимая во внимание эти особые польские чувства, невозможно понять силу реакции, вызванной событиями в Быдгощи. Конечно, эта реакция была очень на руку "Солидарности": она позволила союзу организовать мощную политическую кампанию. Те, кто приказывает бить рабочих и крестьян, не должны жаловаться на такие методы борьбы — даже если это "рабочая" и "крестьянская" партии вместе с "демократической".

Лишь 30/Ш, под угрозой всеобщей забастовки, правительство решилось опубликовать в газетах[1] протест "Солидарности" — в виде замечаний к отчёту правительственной комиссии, расследовавшей события в Быдгощи. Ниже приводятся эти замечания. Что касается правительственного отчёта, то о подходе наёмных юристов свидетельствует удивительное признание: они установили, что лица с телесными повреждениями, т. е. побитые в Быдгощи, *не могли сами себе нанести эти повреждения*! Кто может после этого сомневаться в объективности и доброй воле этих законников?

ЗАМЕЧАНИЯ ДЕЛЕГАЦИИ ККП[2] "СОЛИДАРНОСТЬ"

Ознакомившись с отчётом Правительственной Комиссии, учреждённой для расследования событий 19 марта 1981 г. в помещении Воеводского Правления в Быдгощи, представители ККП "Солидарность" заявляют следующее:

1. Заключение[3] Правительственной Комиссии по поводу событий, предшествовавших сессии ВРН [Воеводской Рады Народовой, аналогичной нашим областным советам], требует следующих опровержений: НСПС[4] "Солидарность" оказывал поддержку стачечному комитету НСПСИК [Независимого Самоуправляющегося Профсоюза Индивидуальных Крестьян][5] прежде всего в том смысле, что от

---

[1]Напр., ТЛ.

[2]Крайова Комисъя Порозумевавча – Национальная Координационная Комиссия. — *Прим. автора.*

[3]В тексте пропуск; след. читать: "1.Содержащееся в отчёте представление о происшедших событиях и их оценка требуют в ряде пунктов исправлений и дополнений. Вот наиболее важные из них: 1.Заключение. . . "

[4]В тексте "1. НСПС" — ошибка.

[5]В тексте пропуск; след. читать "НСПСИК . . . «Солидарность»".

властей воеводства добивались возможно более скорого разрешения конфликта, связанного с занятием здания ВК ЗСЛ в Быдгощи. Внесение в порядок дня проблемы “Оценка общественно-юридического положения сельского хозяйства...[1] и питания народа в свете нынешней ситуации в стране” никого не могло застать врасплох. Тема эта была предложена Президиуму ВРН, и именно для её представления делегация МКЗ [местного правления “Солидарности”] в Быдгощи была приглашена на сессию ВРН. Публичный характер этой сессии давал МКЗ право обратиться к некоторым организациям “Солидарности” на предприятиях, заинтересованным в жгучей проблеме питания, с предложением прислать своих представителей на заседание в качестве наблюдателей. Такого рода действия МКЗ, вполне соответствующие уставу союза, не могли оправдать распоряжения об усилении сил порядка.

2. Закрытие заседания председателем ВРН [по фамилии Бергер] 19 марта 1981 г. в 13.45 не было результатом голосования членов совета по предложению “закрыть первую часть заседания”, но произвольным решением председателя. Голосование на заседании ВРН касалось только предложения — отложить обсуждение плана и бюджета, составлявших лишь один из пунктов порядка дня.

3. Закрытие заседания составляло нарушение соглашения, гарантировавшего обсуждение в рамках свободных предложений проблемы крестьян, заявленной представителями НСПС “Солидарность”. Поэтому МКЗ был вправе заявить по этому поводу протест. Чтобы успокоить общественное мнение и не допустить дальнейшего роста напряжённости, необходимо было выработать и издать соответствующее коммюнике, по возможности с участием части членов ВРН. Выработка коммюнике затянулась примерно на 6 часов, прежде всего из-за препятствий, чинимых воеводскими властями. Вицевоевода Пшибыльский многократно пытался изменить содержание подготовляемого коммюнике “Солидарности”. В отдельное помещение (комната №145) вызвали членов ВРН, в том числе входивших в рабочую группу, вырабатывавшую общее коммюнике. Серьёзные затруднения причинило также вмешательство районного прокурора, а затем сотрудников милиции, требовавших от присутствующих освободить зал и назначавших жёсткие сроки окончания выработки коммюнике.

4. Не соответствует действительности содержащееся в отчёте утверждение, что последнее вмешательство милиции произошло

[1] Многоточие добавлено нами. — Ред.

уже после подписания коммюнике. Представители “Солидарности” были насильно удалены из зала во время подписания коммюнике, что неопровержимо доказывается отсутствием части подписей.

5. В отчёте утверждается, что “местные власти были убеждены, что они стоят перед угрозой занятия конференц-зала Воеводского Правления”. Убеждение это не находит подтверждения в каких-либо реальных фактах. Не было каких-либо технических приготовлений к оккупационной забастовке (запасы продовольствия, одеяла, спальные мешки и т. п.). В этих условиях предположения о мнимом намерении оккупации составляют линию защиты, принятую лицами, ответственными за возникшую ситуацию. [Были звонки в Варшаву. Так и не удалось выяснить, кто давал указания — скорее всего, эту “линию защиты” удерживали весьма высокие лица.]

6. Следует поставить под вопрос юридическое основание решения вызвать силы порядка с целью освобождения зала. Этого решения не оправдывала затягивающаяся дискуссия, поскольку это была дискуссия членов ВРН с приглашёнными представителями их избирателей. Одни лишь члены ВРН могли установить момент окончания дискуссии, в то время как препятствование им в их действиях, связанных с выполнением общественного мандата, по решению служащего, хотя бы и в ранге вице-воеводы, было совершенно недопустимо в юридическом отношении. [Если *считается*, что это выбранные народом представители, то чиновники не вправе выгонять их из здания народного представительства.]

7. Особый вопрос составляет форма выполнения сотрудниками милиции распоряжений вице-воеводы Бонка. [Обоими вице-воеводами пришлось пожертвовать — их выгнали.] В этом вопросе отчёт Правительственной Комиссии обходит молчанием ряд обстоятельств, существенно способствовавших обострению положения. А именно: характерно, что последнее вмешательство сил порядка произошло в тот момент, когда подходили к концу действия, в связи с которыми группа представителей “Солидарности” ещё оставалась в зале. Некоторые представители “Солидарности”, ранее пытавшиеся по собственной воле покинуть помещение Воеводского Правления, не были выпущены из здания. Наряду с милиционерами в мундирах было использовано некоторое число служащих в гражданской одежде. [Вероятно, ГБ не полагаются запасные милицейские мундиры.] По сообщению свидетелей, именно эти служащие избили Я. Рулевского [руководитель МКЗ “Солидарности” в Быдгощи, один из наиболее радикальных руководителей Союза], М. Лабентовича [рабочий, член “Солидарности”] и М. Бартоще [престарелый кресть-

янин, у которого было тяжёлое повреждение мозга. Другие двое также получили серьёзные травмы, потребовавшие госпитализации]. Избиение это произошло уже после освобождения зала, т. е. после достижения цели мероприятия. Избитых Рулевского и Лабентовича сотрудники милиции снова втащили в зал (чему были свидетелями некоторые члены ВРН), а затем, хотя их состояние требовало оказания немедленной медицинской помощи, их вынесли из здания через двор и бросили у ворот. Все эти обстоятельства могут указывать на намеренное действие, направленное на возбуждение общественного негодования. [т. е. провокацию, чтобы создать предлог для большой расправы.]

МКЗ НСПС "Солидарность" в Быдгощи 20 марта 1981 г. представил группе правительственных экспертов под председательством заместителя генерального прокурора ПНР[1] подробное сообщение о действительном ходе событий на сессии ВРН 19.03.81 г. Как видно из отчёта, этот материал не нашёл полного отражения в письменном отчёте Правительственной Комиссии [доложили начальству и получили указания, что надо скрыть].

II. Выводы, сформулированные в отчёте Правительственной Комиссии, требуют отдельного обсуждения:

1. Прежде всего, достойно сожаления поведение некоторых лиц, ответственных за необоснованное прекращение заседания ВРН, а также за введение в действие сил порядка и способ проведения этого мероприятия.

2. Быдгощские происшествия трудно рассматривать в отрыве от подобных же случаев нападения сотрудников милиции на членов "Солидарности", работников городского транспорта в Варшаве. Знаменательно, что эти явления совпали по времени. Такие же случаи, как в Варшаве, имели место и в других местах. Выводы в пунктах 3–5 вполне согласны с позицией "Солидарности" [обещание наказать виновных и всё исправить в милиции]. Что касается выводов 6–7 [обвинение "Солидарности" в намеренном нарушении спокойствия], то мы заявляем, что НСПС "Солидарность" последовательно стремится к повышению культуры общественной жизни посредством отказа от любых методов насилия, что лучше всего доказывается рекомендациями по этому поводу местным организациям и организациям на предприятиях. Нельзя, однако, оставить без внимания тот факт, что со стороны властей не было никаких сигналов, направленных ККП, по поводу якобы неправильного образа действий местных ор-

[1]Казимеж Кукавка (ТЛ, 30.3.81).

ганов Союза в Быдгощи в период нараставших, как сказано в отчёте, общественных напряжений. Напротив — в “самый трудный момент нараставшего конфликта, 19.03.81 г., председателю ККП Леху Валенсе не дали возможности установить телефонную связь с представителями “Солидарности” в здании ВРН. Игнорировали также неоднократное вмешательство д-ра Романа Кукуловича и городских властей, направленное к ликвидации конфликта[1]. Делегация ККП нашла правильным п. 8 выводов Правительственной Комиссии [призыв к ККП предотвращать совместно с правительством такие случаи] и видит потребность найти институциональные формы осуществления этого вывода [юридические права для “Солидарности” по отношению к “органам порядка”].

Комиссия “Солидарности” во главе с Валенсой сразу же прибыла в Быдгощ. Как можно было предвидеть, избиение вызвало бурю возмущения во всей стране, и ещё до отъезда ККП разослал телеграммы всем местным отделениям “Солидарности” с призывом воздержаться от стихийных действий, ждать результатов расследования и действовать только согласованно, в масштабах всей страны. Глупые правители вложили в руки “Солидарности” великолепную политическую возможность, а неуклюжие маневры с целью укрыть виновных ещё ухудшили положение власти. Впрочем, у неё не было выхода. Партийные бюрократы знали, что ГБ — их последний оплот, потому что уж этим наёмникам некуда было деться, и они должны были служить режиму для спасения собственной шкуры. Но наёмники должны быть уверены в том, что их хозяева в трудную минуту не выдадут их на расправу. Конечно, агенты ГБ в штатском, бившие Рулевского с товарищами, имели приказ. Если бы этих людей наказали за выполнение приказа, то ГБ перестала бы выполнять приказы и только делала бы вид, что выполняет их, как поступали уже все другие органы польской администрации. Надо было любой ценой сохранить послушание и исполнительность этого избранного корпуса насильников. Вот почему следствие по Быдгощскому делу, затянувшееся на несколько месяцев, так и не привело к отысканию виновных: оказалось, что на улице было уже темно, когда Рулевского с товарищами вытащили из здания, и нельзя было различить, что за люди их били.

Это была та же глухая стена, что и в случае расстрела на Побережье. Теперь, после военного переворота, *только* ГБ и часть армей-

[1] В получ. копии ошибка; след. читать “Игнорировали... неоднократные обращения... к городским властям, направленным... конфликта”.

ских офицеров поддерживают то, что осталось от режима. Можно понять, почему аппаратчики готовы были жертвовать своими собратьями — первыми, вторыми и третьими секретарями, воеводами и вице-воеводами, — но берегли своих гебистов. Это была их последняя линия обороны.

Делегация "Солидарности" начала переговоры с Раковским. Назревала *всеобщая* забастовка без ограничения времени. Речь шла уже не столько о событиях в Быдгощи, сколько о вызвавших их причинах. 29/III переговоры, казалось, зашли в тупик и были прерваны[1]. Внезапно были прекращены полёты с варшавских аэродромов, и на улицах столицы появились танки. Это была война нервов, и у рабочих нервы оказались крепкими. 30/Ш Раковский подписал с ними соглашение по двум пунктам: признание "Крестьянской Солидарности" и (очень ограниченный) доступ к массовой информации. 4/IV вышел первый номер журнала "Солидарность"[2], тиражом в 500.000 экземпляров.

3/IV[3] заключённый в Варшаве компромисс рассматривался в Гданьске Координационной Комиссией. Заседание шло всю ночь. Валенса, сторонник и участник соглашения, подвергся ожесточённым нападкам со стороны радикалов, негодовавших, как мало удалось извлечь из столь благоприятной ситуации. Ближайшие соратники по августу — Анджей Гвязда, Анна Валентынович и, конечно, Ян Рулевский — ополчились против "харизматического вождя" (корреспондент "Шпигеля" был неправ, Валенса никогда не был "вождём" в этом сомнительном смысле: на него больше всего нападали в собственном Союзе!).

В эту ночь[4] ушёл со своего поста представитель "Солидарности" по вопросам печати Кароль Модзелевский, делегат от Познани и один из лидеров КОРа. Его сменил предельно вежливый, но непреклонный Януш Онышкевич. Ушёл из руководства Целиньский. Люди "Солидарности" были не бюрократы, они дорожили своим делом, а не своим местом. Валенсе удалось добиться своего: компромисс был одобрен. Был ли он прав? Я имею в виду не моральную правоту — умеренность и миролюбие делают его почти неуязвимым в отношении морали, и Нобелевский комитет слишком уж долго колеблется, не решаясь присудить ему премию Мира. Есть и другой

[1] В тексте неточно: 28.03 переговоры были отложены на 30.03.81, т. к. 29.03 состоялся IX Пленум ЦК ПОРП (ТЛ, 30.03.81).

[2] В тексте неточно: дата 1 номера еженедельника "Солидарность" — 03.04.81.

[3] В тексте опечатка или ошибка; след. Читать "31. III" (TJI,02.04.81).

[4] Т. е. 01.04.81 (ТЛ, 02.04.81).

вид правоты: правильно ли было это решение с *политической* стороны? Не был ли это момент, когда для победы необходима была не осторожность, а решительный прыжок? Ответ на этот вопрос зависит от той же неизвестной величины — поведения Москвы. Я думаю, что Москву удовлетворяла любая видимость "польского социализма". Осторожность церкви, к которой Валенса всегда обращался за советом, сослужила, как мне кажется, дурную службу польской революции. Кардинал Вышиньский был в это время тяжело болен и знал, что умирает. Впрочем, нельзя представить себе кардинала, консультирующего революцию. Революция — это всегда прыжок в неизвестность, а церковь не умеет прыгать.

Дело здесь не в одной церкви. Мы живём в мещанском двадцатом веке, считающем главной ценностью — *безопасность.* И в нынешней Польше распространено убеждение, что безопасность отечества — высочайшая ценность, перед которой должны отступить все другие. Самый храбрый человек трепещет, когда надо рискнуть не собственной жизнью, а безопасностью своей страны. Но свобода не даётся безопасно. И рисковать приходится чем-то большим, чем собственная жизнь.

Когда-то в Польше это понимали. И если эти мысли покажутся вам возмутительными, то я скажу в своё оправдание, что нельзя писать польскую историю, не проникнувшись польским духом.

По-видимому, дело в Быдгощи и соглашение 30/Ш были высшей точкой движения; затем энтузиазм постепенно убывал, и нарастала усталость. Партийная верхушка ждала этого момента и рассчитывала одолеть противника измором. Этот противник был польский народ. Простая правда, касающаяся революций, состоит в том, что народ быстро устаёт. Отдельные люди могут сколь угодно долго находиться в состоянии духовного подъёма, могут всю жизнь проявлять нравственную и физическую энергию, но масса после периода возбуждения снова впадает в апатию, приходит в состояние равновесия с внешними условиями жизни. Важнейшим из этих условий является государственный строй. Поэтому главная задача революционеров всегда состояла в том, чтобы использовать волну массового энтузиазма для изменения государственного строя: тогда новое равновесие народной массы уже отлично от прежнего, а это и значит, что революция свершилась. Отличие революции от мятежа заключается именно в том, что после неё устанавливается новое, а не прежнее равновесие: например, массы могут снова повиноваться государственной системе, но это уже *другая* система. Революционное правительство может потребовать от народа

очень продолжительных жертв и лишений, но только небольшая часть нации будет приносить их с прежним энтузиазмом, главная же масса её будет опять пассивна — во власти новой системы. Поэтому успех революции зависит от *достаточно быстрого* изменения системы власти. Как мы видели, Яцек Куронь пытался объяснить корреспонденту "Шпигеля" — и, несомненно, более заинтересованным людям в Польше, — насколько важно создать *как можно скорее* политические структуры, необходимые для построения революционной власти. Такие организации дали бы массам новые линии ориентации, новые навыки повиновения, а это необходимо для общества, потому что общество устроено иерархически. Длительный процесс воспитания может сделать эту ориентацию масс более сознательной, но в условиях польской анархии, когда исчез всякий авторитет власти, когда власть никто не принимал больше всерьёз, надо было дать народу эти новые линии ориентации. Это не мог сделать профсоюз, слишком долго пытавшийся остаться *только* профсоюзом, и не только потому, что пассивная установка требований к правительству не могла решить экономических проблем, но и по более важной причине: профсоюз мог бороться за *материальные* интересы народа, но не мог предложить ему новых *духовных* идеалов. Церковь говорила о честности, нравственности, добросовестном труде, но идеал подразумевает нечто большее, чем добропорядочное поведение. *Свобода* требует жертв, а приносить жертву — значит давать, а не получать. Между тем польская профсоюзная революция была слишком ориентирована на *получение* разных вещей, оказалась слишком материальной. Недооценка духовной стороны революции есть важная практическая ошибка!

Партийная верхушка, все эти ольшовские, грабские и ярузельские понимали, что народный энтузиазм выдыхается, что в условиях анархии время работает на тех, у кого сохранились хранились какие-то орудия власти. Они сознательно изматывали рабочих, а рабочие разочаровывались, видя, что после всех переговоров и соглашений, при всем великолепии их профсоюза, их материальное положение не только не улучшается, но становится всё хуже. И многие отходили от "Солидарности", теряли веру в неё. В Польше было распространено убеждение, что правители организуют голод, ухудшая и без того отчаянное продовольственное положение. Не думаю, чтобы они решились на это: явные доказательства такой политики имели бы убийственный политический эффект. В действительности всё разрушалось само собой, а пассивность власти перед ли-

цом экономической катастрофы была для неё вполне приемлемым (и единственно выполнимым) политическим курсом. Предприятия не могли работать вовсе не из-за стачек: официальная пропаганда всё сваливала на "Солидарность", умалчивая, что главной причиной простоев были не забастовки, а распад промышленной системы, невыполнение запутанных, без конца перекраиваемых планов, вследствие чего ни один завод не мог получить от других заводов необходимые для работы материалы и компоненты изделий, зачастую не мог получить даже достаточно топлива и энергии. Рабочие приходили на свои предприятия и сплошь и рядом сидели там без дела. В это время их жены теряли целые дни в очередях у продовольственных магазинов, где и по карточкам мало что можно было получить, потому что нельзя было обеспечить обещанные нормы. Карточная система, введённая уже почти на все продукты, превратилась в ещё один источник злоупотреблений. Всё это продолжается и по сей день.

Как всегда бывает во время революций, разруха и голод сопровождались бурной политической активностью. Готовились два съезда: IX чрезвычайный съезд ПОРП в июле и первый съезд "Солидарности" в сентябре. Хотя правящая партия состояла на 2/3 из чиновников и лишь на 1/3 из рабочих, в ней было перед съездом большое возбуждение. Молодые члены партии возмутились против бюрократов, и партийные собрания, практически прекратившиеся в начале революции, стали для власти ещё одним источником беспокойства. Партийные организации, выйдя из повиновения ЦК, объединились в "горизонтальные структуры", т. е. возникали фракции. 16/IV[1] состоялась первая конференция этих "горизонтальных" сил в Торуни, и Кане пришлось сделать вид, что такая инициатива снизу может быть полезна для партии. Главной неприятностью было выдвигавшееся повсюду требование свободных выборов в партийные органы: массы членов партии настаивали, чтобы кандидатов можно было выдвигать не только по заранее спущенным спискам, но также "прямо из зала". Это требование пришлось принять, и оно имело сокрушительные последствия: трудно было протащить на съезд старые "руководящие кадры". Хотя, конечно, руководящие товарищи выдвигали свои кандидатуры в нарочно отобранных партийных организациях, удалось провести в делегаты съезда даже не всех членов Политбюро! Главный партийный "консерватор" Грабский (которому была поручена комиссия по расследованию злоупотреблений

[1] В тексте ошибка; след. читать "15/IV" (ТЛ, 16.04.81).

“старого режима”) был решительно отвергнут партийной конференцией в Познани при трижды повторявшемся голосовании. Только нажим и остатки личного влияния Кани, вступившегося за своего личного врага, помогли протащить Грабского на съезд. Долго унижался Ольшовский: он прошёл всё-таки незначительным большинством голосов в Варшаве (в столице чиновники составляли главную часть партийной организации). В общем, это была нелёгкая задача — навязать вдруг ожившей партии “старые кадры”, ввести их в руководящие органы, использовав сохранившиеся привычки и демагогию. Каня справился с этой задачей — как мы увидим, лично для него это была пиррова победа.

IX съезд открылся 14/VII. В предшествовавшей съезду избирательной кампании сменилось 50% руководителей первичных организаций, на уровне райкомов и горкомов руководство сменилось на 70%, а на уровне воеводств — на 90%: из 49 первых секретарей воеводских комитетов уцелело всего 4! Одним из них был гданьский секретарь Тадеуш Фишбах, популярный “реформатор”. Из 1954 делегатов съезда лишь 20% составляли рабочие, а 61% — “служащие”. Это значит, что провалился план аппаратчиков заполнить съезд “рабочими от станка”, которыми легче было бы манипулировать. На съезд попала лишь *пятая часть* членов старого ЦК; впрочем, из 16 членов и кандидатов в члены старого Политбюро удалось провести 12.

При выборах нового ЦК получился такой же скандал: из 16 членов старого Политбюро в ЦК прошли только *четыре*. Это были Каня, Ярузельский, Барциковский и Ольшовский, причём наибольшее число голосов из всех членов нового ЦК (1615 из 1954) получил Ярузельский, а на втором месте оказался никому не известный рабочий[1]. Каня получил 1335 голосов, Барциковский — 1269, а Ольшовский едва прошёл с 1010 голосами. Не прошли в ЦК отъявленные консерваторы Грабский и Мочар, председатель Государственного Совета Яблоньский (что не помешало ему сохранить свой пост), гданьский герой Ягельский (замешанный, как обнаружилось, в злоупотреблениях клики Герека), Жабиньский, Ней, Крук и Фишбах. Варшавский 1 секретарь, “консерватор” Коциолек[2], понёс сокрушительное поражение (его сделали послом в СССР). Фишбах и Ней обвинялись в чрезмерной уступчивости по отношению к “Солидарности” и были предметом особенно ожесточённых нападок “догмати-

[1] Тадеуш Витославский — 1610 голосов (“L’Unita”, 19.07.81).

[2] В тексте “Кочолек” — ошибка.

ков". Но в общем результаты выборов в ЦК были вполне однозначны: "старые кадры" почти не прошли, *90% нового ЦК составляли новые люди, не входившие в старый ЦК*. Это означало, что партия в старом смысле уже не существует, что в новых условиях невозможно положиться на послушание самого партийного аппарата. Если бы не был избран в ЦК Ярузельский, на этом и кончилась бы его карьера: по правилам партийной игры он не мог бы остаться премьером. Но делегаты съезда считали генерала сильным человеком партии, способным провести "обновление"! Большие карьеры почти всегда предполагают лицемерие и предательство. Ярузельский положил конец польской правящей партии, превратив её в жалкий придаток военной диктатуры. "Старые кадры", согласные, разумеется, на любое унижение, сохранили своё привилегированное снабжение, но лишились власти. IX съезд был существенным шагом к устранению партийной бюрократии и замене её военной: партийная перестала действовать, а военная ещё держалась.

Дебаты съезда и его решения не представляют особого интереса: партия в старом смысле была мертва, а в новых общественных процессах должны были возникнуть новые виды организации. Все же делегаты съезда были озабочены "демократизацией". Были "точно сформулированы" права и обязанности первого секретаря, чтобы он ими не злоупотреблял, и выборы первого секретаря были проведены не на пленуме нового ЦК, а необычным способом, непосредственно на съезде. Ясно было, что выберут Каню, но для видимости демократии выдвинули Барциковского в качестве "конкурента", и он получил меньшую часть голосов. Каня мог принять всё случившееся за свою победу и, кажется, впал в это заблуждение: после бурной деятельности перед съездом он почил на лаврах, по-прежнему переложив хозяйственные дела на министров и верного генерала, а на Раковского — неприятную обязанность выслушивать рабочих.

Важнее был съезд "Солидарности", который должен был открыться 5/IX. В центре внимания польской общественности стояли в это лето три законопроекта: закон о цензуре, закон о рабочем самоуправлении и закон о профсоюзах. Все три вызывали ожесточённые споры: "Солидарность" боролась за эти законы так, как если бы власть и в самом деле собиралась их выполнять. Предполагалось, что давление на власть будет достаточно сильным, чтобы заставить эту власть уважать принятые обязательства. Но такое давление могло быть возможно лишь в условиях относительной свободы, завоёванной в августе 80 года, и относительной законности, к которой поляки привыкли с 56 года. По-видимому, деятели

“Солидарности” не представляли себе, что возможно возвращение к полному беззаконию, к грубому насилию, какого вообще не видело младшее поколение поляков. Если бы руководство “Солидарности” это понимало, оно меньше бы занималось обсуждением законов и позаботилось бы о предотвращении переворота, сразу снявшего все эти юридические вопросы. В этом смысле съезд “Солидарности” напоминает наше злополучное Учредительное Собрание, верившее во всесилие принятых им законов.

Закон о цензуре был принят Сеймом 31/VII. Достигнутый компромисс состоял в том, что “Солидарность” получила право издавать без контроля цензуры свои “внутренние профсоюзные бюллетени”. Впрочем, если в каком-нибудь из них “раскрывалась государственная тайна”, то он в течение шести месяцев подлежал цензуре. На практике “Солидарность” свободно распространяла свои бесцензурные издания на предприятиях, хотя их нельзя было продавать вместе с газетами в киосках, раздавать на улице и т. п. Заводские радиоузлы находились, как правило, в руках комитетов “Солидарности”, игнорировавших права дирекции. Для заводского вещания ККП рассылала во все части страны магнитофонные плёнки. Не удалось добиться ответственности цензоров перед судом и права заменять пробелами запрещённые статьи.

Закон о профсоюзах так и не был принят. Правительство хотело ограничить право на забастовку, изъяв из этого права военные предприятия, железные дороги и т. д., пыталось навязать принудительный арбитраж. Оно настаивало, чтобы работники профсоюза оплачивались не самим союзом из членских взносов, а из государственной кассы, что должно было создать условия для подкупа и запугивания. Наконец, оно хотело ещё ввести в закон возможность роспуска профсоюза. Всё это было неприемлемо, и не получилось никакого компромисса.

Перед открытием съезда “Солидарности” был достигнут компромисс по поводу “рабочего самоуправления”. Главным спорным вопросом был здесь порядок назначения директоров: “Солидарность” требовала, чтобы директора назначались в порядке открытого конкурса рабочим самоуправлением, правительство же настаивало, чтобы, при соблюдении видимости консультаций, окончательное назначение их зависело от министерств. Компромиссный закон устанавливал, что директора предприятий, “имеющих особо важное значение для народного хозяйства”, будут назначаться министерствами, а остальные — рабочим самоуправлением. Список “особо важных предприятий” не был включён в закон и должен был состав-

ляться правительством; это значило, что предстоит борьба по поводу каждого отдельного предприятия, так что закон "о рабочем самоуправлении" лишь открывал поле для дальнейших столкновений с властью. Конечно, правительство не принимало этот закон всерьёз и вовсе не думало уступать "Солидарности" директорские кабинеты. Валенса решился на такой компромисс. Члены его делегации большею частью уклонились, так что в ней осталось четыре человека. Три из них поддержали компромисс, один (Рулевский) голосовал против. Проект был представлен на утверждение съезду профсоюза.

Съезд "Солидарности" собрался в Гданьске 5/IX после торжественной церемонии в годовщину Гданьского соглашения. В съезде участвовало 900 делегатов. По замыслу организаторов съезд был разделён на два этапа, между которыми делегаты должны были встретиться со своими избирателями и отчитаться перед ними. Не удалось добиться трансляции съезда по телевидению: правительство, предлагая для вида щедрое время (три с половиной часа в каждый день заседаний), хотело сохранить за собой контроль над содержанием передач.

Валенсе пришлось выдержать трудное сражение с радикальным большинством съезда, считавшим компромисс о "самоуправлении" недопустимой уступкой. Ему удалось всё же добиться одобрения компромисса, и Сейм принял наконец "закон о рабочем самоуправлении" накануне открытия второй половины съезда, 26/IX[1].

В течение первой фазы съезда, продолжавшейся шесть дней, были приняты поправки к уставу с целью укрепления централизованного руководства и создания "промежуточных звеньев"; эти меры должны были упорядочить проведение различных действий и, в частности, помешать "диким" забастовкам. Была принята также принципиальная декларация, которая должна была лечь в основу программы "Союза". Делегаты должны были представить эти документы своим избирателям и вернуться на съезд, выслушав их мнения.

Съезд направил послание народам Восточной Европы[2], где содержалось разъяснение мирных целей "Солидарности" и заверение в том, что она не посягает на систему польских союзов и внешнеполитические интересы союзников Польши. Правительственная пропаганда, и советская вслед за ней, подняли вопль о недопустимом

[1]В тексте ошибка; след. читать "25/IX". Текст закона см. в ТЛ, 29.09.81.

[2]Существует русский перевод.

вмешательстве “Солидарности” во внутренние дела “социалистических стран”; о содержании послания не было сказано ни слова.

1/IX[1] Лех Валенса произнёс одну из своих самых замечательных речей. Выступая в Гнезно, древней столице Польши, по случаю вступления на должность примаса Польши архиепископа Юзефа Глемпа[2], Валенса сказал:

“Мы не хотим брать власть, но должны быть уверены в том, что власть будет нам служить... Перед нами острая борьба. Мы можем победить мирными средствами, если будем едины. Вот почему я сражаюсь за единство, несмотря на расхождение в точках зрения... Наше движение выросло настолько, что мы можем чувствовать себя хозяевами нашей страны. Мы обнажили все ошибки власти и должны поставить вопрос: что делать? Мы не должны позволить обкрадывать нас, не должны позволить снова надеть на себя намордник. Но мы все должны взяться за дело”[3].

По поводу возможной перемены социальной и политической системы Валенса выразился уклончиво: он сказал, что можно построить “хорошую Польшу”[4], и прибавил: “Мы не сторонники ни капитализма, ни какой-нибудь другой системы, потому что мы особенная нация”[5].

По поводу средств массовой информации Валенса заявил: “Надо ясно сказать, что телевидение и радио принадлежат нам, принадлежат нации... ‘Солидарность’ хочет говорить собственным голосом. Если мы не добьёмся соглашения о предоставлении нам раз в неделю телевизионного времени, мы разоблачим это телевидение. Мы устроим собственную станцию, у нас есть свои установки и съёмочные аппараты”[6].

Вторая половина съезда открылась 27/IX[7]. Поскольку не удалось договориться с правительством о трансляции, на съезде действовала собственная телевизионная служба Союза, а корреспонденты государственного телевидения не были допущены в зал заседаний. На съезде присутствовало множество иностранных делегаций, но профсоюзы “социалистических” стран не приняли приглашения, а председатель Американской федерации труда Л. Керклэнд

[1] В тексте опечатка или ошибка; след. читать “12/IX” (ЮПИ, 13.09.81).
[2] Глемп вступил на должность 13.09.81 (ТЛ, 14.09.81)
[3] См. “L’Unita”, 14.09.81.
[4] Там же.
[5] См. “L’Unita”, 14.09.81.
[6] Там же.
[7] В тексте ошибка; след. читать “26/IX”.

не получил визы на въезд в Польшу. КОР объявил о самороспуске организации и влился в “Солидарность”, мотивируя это тем, что рабочие уже не нуждаются в чьей-либо защите. Съезд вернулся к закону о “самоуправлении”. В конечном счёте Валенсе удалось настоять на одобрении закона, поскольку съезд не хотел демонстрировать перед властью свой раскол; но особым постановлением было признано, что действия руководства были неправильны и не должны повторяться в дальнейшем”. Была принята программа “Солидарности”[1], обходившая вопрос о “социализме”: самое слово встречается в программе *один* раз, в косвенной форме: сказано, что “права трудящихся не должны нарушаться в социалистическом государстве”. Политической целью Союза (хотя и без упоминания о политике) программа объявляет превращение Польши в “самоуправляющуюся республику”. Программа требует свободных выборов в Сейм и местные советы, с правом выдвижения независимых кандидатов, и создания второй палаты Сейма — палаты самоуправления, для рассмотрения социальных и экономических вопросов. Самоуправление на предприятиях должно заменить соответствующую бюрократическую систему управления промышленностью; таким образом, предусматривался экономический порядок, не имеющий ничего общего ни с капитализмом, ни с “реальным социализмом”. Наконец, съезд переизбрал председателем Союза Валенсу, но популярность его на самом съезде заметно уменьшилась, и в новый состав Координационной Комиссии вошли в основном радикалы. В конце концов радикалы добились принятия ещё одной резолюции по поводу “закона о самоуправлении”: было решено провести на предприятиях референдум о спорных статьях этого закона, а затем предложить Сейму внести в закон соответствующие поправки. В сущности, это опять ставило под вопрос достигнутый компромисс. Съезд закрылся 7/X речью Леха Валенсы.

Вскоре после съезда “Солидарность”, убедившись, что переговоры с правительством ни к чему не ведут, а экономика быстро разрушается, решилась наконец перейти к более энергичным действиям. Предполагалось провести референдум на предприятиях, о чём уже была речь на съезде, но обсуждался вопрос, не следует ли расширить предмет референдума, включив в него вопрос о реформе избирательной системы. Наконец, на отдельных предприятиях предполагалось провести “активные забастовки”. Это выражение означало фактический захват в свои руки управления предприяти-

[1]Опубликована в приложении к еженедельнику “Солидарность”, 16.10.81.

ем и распределения произведённой продукции. В ряде мест раздражение рабочих достигло такой степени, что они выбрасывали с заводов партийные комитеты, а иногда вывозили на тачках особенно ненавистных партийных бюрократов. Бюрократы вопили о помощи, обращаясь к своему ЦК, и собравшийся 19/X IV Пленум принял очень странное решение, резко противоречившее всем мерам демократизации, выработанным на IX съезде: пленум снял Каню с должности 1 секретаря и назначил на его место Ярузельского[1], сосредоточив в его руках три должности — 1 секретаря, премьера и военного министра. Отставка Кани была принята 104 голосами при 79 против; Ярузельский был избран 180 голосами при 4 против. Всего в польском ЦК было двести человек; отсюда видно, что почти половина ЦК не хотела менять Каню на Ярузельского, несмотря на несомненно существовавшее предварительное решение Политбюро.

Итак, Ярузельский сосредоточил в своих руках всю власть и, конечно, сейчас же заверил страну в своём миролюбии, предложив большую коалицию из трёх партнёров: партии, "Солидарности" и церкви. Ясно, что это был маневр с целью выиграть время. Трудно сказать, решился ли генерал на переворот уже в это время, или позже. Польские партийные бюрократы нашли себе диктатора и в отчаянии вверили ему свою судьбу.

В стране продолжались забастовки, демонстрации и голодные марши.

---

[1]В тексте неточности: Пленум открылся 16.10.81, отставка Кани и назначение Ярузельского — 18.10.81.

12. Их последний бой

"Это будет их последний бой" — таков был лозунг "Солидарности" в последние дни. Лозунг бросил Кароль Модзелевский в Радоме на совещании 3/XII[1]. Совещание руководства было закрытым, но власти ухитрились его подслушать и опубликовали отрывки из дискуссии в доказательство злонамеренности врага.

За день до этого Координационная Комиссия сделала в Варшаве решительное заявление[2].

"События последних недель свидетельствуют, что правительство выбрало путь насилия, отбросив возможность диалога с обществом... Правительство решило сохранить прежнюю систему управления экономикой, вызвав одновременно резкое снижение жизненного уровня населения... Дальнейшие переговоры о национальном соглашении беспредметны... "[3] Если Сейм предоставит правительству чрезвычайные полномочия, ответом будет "24-часовая забастовка протеста... В случае применения этих полномочий правительством все предприятия начнут всеобщую забастовку... Обществу велят платить за реформу, которой нет"[4].

Координационная Комиссия выдвинула "минимальные требования"[5]:

1) Неприменение репрессий.

2) Допущение деятельности Союза в милиции и армии.

3) Немедленное введение самоуправления по принципу "сети".

4) Новый избирательный закон, с выдвижением кандидатов от гражданских групп, и немедленные выборы.

5) Контроль "Солидарности" над хозяйством, особенно над продовольственным делом.

6) Придание "Общественно-экономическому совету" [орган, созданный "Солидарностью"] компетенций, дающих ему реальное влияние на решения правительства и контроль над общественно-экономической политикой государства.

---

[1]См. Teresa Grabczynka, Jerzy Bielecki, "Od «Olivii» do Radomia", ч. 7 (далее "Od «Olivii»... ") (ТЛ, 11.01.82).

[2]Там же.

[3]Закр. кавычки добавлены нами. — Ред.

[4]Откр. кавычки добавлены нами. — Ред.

[5]Там же.

7) Полное и бесконтрольное пользование средствами массовой информации.

Это было объявление войны — к несчастью, без подготовки к войне. А вот что говорили в Радоме на следующий день:

Валенса: "Конфронтация неизбежна и конфронтация будет... Не будем обманываться, это было с самого начала надувательство, и я об этом хорошо знал, но не говорил об этом, потому что хотел играть в эту игру, но теперь у меня уже нет выхода, дело зашло так далеко, что надо кое-что людям открыть и сказать, во что мы играли... Никакая перемена системы не может произойти без мордобоя — ну что ж, надо только его выиграть... "[1]

Антони Копачевский: "Нечего ждать, "Солидарность" слабеет день ото дня, у людей исчезает вера в окончательную победу"[2].

Владислав Фрасинюк: "Надо строить и развёртывать профсоюзный аппарат, который в будущем займёт место в администрации"[3]. Решительнее всех высказался Збигнев Буяк, 27-летний председатель варшавской "Солидарности" (950.000 членов) и первый организатор вооружённых отрядов:

"Подготовить Союз к всеобщей забастовке, а затем найти настолько существенный повод, чтобы это подействовало на людей... Охрана, которую мы создадим, прежде всего атакует Радиокомитет"[4].

(Буяк сумел ускользнуть от ареста и ушёл в подполье.)

5-6/XII в Варшаве было решено провести 17/XII демонстрацию на площади Победы (предложение внёс Северин Яворский)[5].

10/XII в Гданьске состоялось заседание президиума ККП, предшествовавшее последней сессии Координационной Комиссии. Вот что сказал на этом заседании один из молодых лидеров "Солидарности", ассистент университета Гжегож Палка:

"Солидарность" имеет перед собой три пути: во-первых, она может выбрать пассивный путь, ограничиваясь протестами и, самое большее, забастовками. Во-вторых, она может действовать методом совершившихся фактов, например, путём создания рабочей охраны и объявления активной забастовки. В-третьих, может пойти на общее политическое и системное решение — всеобщую забастовку

---

[1]См. Ryszard Swierkowski, "«Solidarno sciowe» Fatezywa karta" (ТЛ, 16.17.01.82).

[2]См. "Od «Olivii» ... ", ч. 7 (ТЛ, 11.01.82).

[3]Там же.

[4]Там же.

[5]В тексте "5–6/I", "17/I", "Северын" — опечатки (см. там же).

под лозунгом свободных выборов в Сейм"[1].

11/XII в Гданьской верфи открылось заседание Координационной Комиссии[2] в составе 107 человек, в присутствии советников и экспертов. Гжегож Палка и Яцек Меркель сделали отчёт о переговорах с правительством: переговоры были бесплодными. Ежи Ястжембовский обратился к Координационной Комиссии с просьбой поддержать забастовки на радио и телевидении и образовать совет для обобществления средств информации. В качестве общественных контролёров он предложил Януша Онышкевича и Ежи Кропивницкого. Последний потребовал "расчёта с властями за хозяйственное и политическое наследство"[3].

Говорит Анджей Словик (Лодзь): "Мы теперь не готовы скомандовать "в атаку", но можем дать власти понять, что сумеем обойтись без неё. Этого можно было бы достичь активной забастовкой. Наш район готов объявить её 21/XII. Это даст нам возможность обойти окаменевшие государственные структуры"[4].

Северин Яворский подчёркивает, что в активной забастовке важную роль должен сыграть Общественный Совет Народного Хозяйства (орган "Солидарности"). "Мы возьмём власть на предприятиях уже не с помощью медлительных самоуправлений «Солидарности», а просто методом совершившихся фактов — активной забастовкой...[5] Ведь экономика — наша, а кто управляет благами, тот и диктует условия"[6].

Выступает Ян Рулевский: "Мы не можем говорить, что устроим всеобщую или активную забастовку, а потом возьмём власть. Мы должны провести референдум, поставив вопрос о доверии нынешней системе представительства. Вооружиться голосом масс — это тоже конфронтация. Надо создать временное правительство, состоящее из специалистов, ввести своего рода временный политический режим, гарантирующий временность этого правления до введения верховной власти представительных органов"[7].

Говорит Лех Валенса: "Мы рассматриваем теперь очень важные политические вопросы. Лишь вместе можем мы обсудить, как обращаться с людьми, чтобы они были с нами, и как с властями, чтобы

[1]См. "Od «Olivii» ... ", ч. 8 (ТЛ, 12.01.82).
[2]Там же.
[3]См. "Od «Olivii» ... ", ч. 8 (ТЛ, 12.01.82).
[4]Там же.
[5]Многоточие добавлено нами. — Ред.
[6]Там же.
[7]Там же.

мы могли победить… Нельзя забывать, что люди хотят есть"[1].

Гжегож Палка предлагает провести референдум о выборах в Сейм, заявив, что, "если партия его не допустит, это будет равносильно ликвидации системы"[2]. В референдум надо включить вопрос, должна ли "Солидарность" гарантировать военные интересы СССР. Палка согласен на такие гарантии.

Слово предоставляется экспертам. Доцент Стефан Куровский считает, что "с коммунистами можно говорить, но нельзя договориться". Он противопоставляет "Фронту Национального Соглашения" (прикрывающая демагогия Ярузельского) идею "независимого самоуправляющегося союза национальных сил, который должен привести, даже в условиях конспирации, к образованию временного правительства"[3].

Ежи Ольшевский полагает, что "«Солидарность» не может победить власть, потому что ей нечем эту власть заменить"[4], и предлагает проводить уличные демонстрации.

Бронислав Геремек рекомендует референдум: "Этим оружием можно было бы постоянно пользоваться, когда нет реакций со стороны правительства"[5].

Профессор А. Стельмаховский советует: "Утвердить радомское постановление как официальный документ Союза, принять программу охраны Союза (например, аварийной системы связи) [только теперь — и одной лишь связи?], принять программу наступательных действий [?] и решение по поводу закона о профсоюзах"[6].

Последнее решение принимается единогласно: эти люди всё ещё надеются, что власть будет соблюдать законы! Постановление должно быть вынесено на следующий день — в субботу 12/XII.

12/XII члены Комиссии спорили, какие пункты должен содержать задуманный ею всенародный референдум[7]. Предлагается обсудить вопросы о сроке образования временного правительства, о новом положении о выборах и о принципах составления избирательных списков.

(Решительно, это — польское Учредительное Собрание! Недостаёт только матросского караула, но за этим дело не станет.)

---

[1] См. "Od «Olivii» … ", ч. 8 (ТЛ, 12.01.82).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Закр. кавычки добавлены нами. — Ред.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Об этом см. . "Od «Olivii» … ", ч. 9 (ТЛ, 13.01.82).

Анджей Гвязда, председатель комиссии по постановлениям и предложениям, рекомендует принять “радомскую позицию” и назначить на 15/I-82 г. профсоюзную кампанию перед выборами в рады народовы (местные советы).

Выступает Яцек Куронь: “Лучше всего — радомский проект, дополненный референдумом и требованием выборов в Сейм. Это конфронтация — и, как каждая конфронтация, она ставит в борьбе за программу жёсткие политические условия. Думая о политике, мы должны предпринять также соответствующие пропагандистские действия... но если должна быть конфронтация, то наша пропаганда не может писать “завтра возьмём Москву”, не надо топать ногой”[1].

Говорят делегаты с мест, выражающие настроения своих людей. Мечислав Лах (Петркув): “Мы не можем быть в положении побитой собаки. Мы должны быть храбрыми. Если не пойдём храбро в бой — Союз потерпит поражение. Не испытанное ещё оружие активной забастовки надо применить... лучше всего в оборонной промышленности или на предприятиях, работающих на экспорт в социалистические страны, это их больнее всего заденет”[2].

Зигмунд Завойский (Прикарпатье) [об активных забастовках]: “Надо же, наконец, попробовать! Лучше всего в типографиях. Заберём у них бумагу и будем печатать, что нам нужно”[3].

Збигнев Янас (“Урсус”, Варшава): “Предприятие на 90% готово к активной забастовке, люди хотят конфронтации. Тактика действия проста, главные требования — образование общественного совета народного хозяйства, референдум о выборах, изгнание комитетов ПОРП с предприятий, выборы в Сейм и местные органы власти”[4].

Антони Пенткевич (Южная Велькопольша): “Официально мы должны говорить, что мы заинтересованы в национальном согласии... Мы должны политически спровоцировать власть; наилучший способ — это изгнание ПОРП с предприятий. Это должно быть сделано как можно скорее. Чем дальше мы отодвигаем конфронтацию, тем больше они выигрывают. Теперь мы должны объединить вокруг себя все слои — средством для этого будут свободные выборы”[5].

Януш Онышкевич (один из лидеров “Мазовше”) говорит, что есть

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Об этом см. . “Od «Olivii» ... ”, ч. 9 (ТЛ, 13.01.82).
[4] Там же.
[5] Там же.

две концепции — либо заключить с ПОРП соглашение на... радомских условиях, либо изолировать её, обращаясь с призывами к членам партии, отрывать массы от руководства, “выдвигать острые политические лозунги”[1]. Одновременно он предлагает начать политические переговоры с ЗСЛ Объединённая Крестьянская партия), СД (Демократическая партия) и с католическими организациями.

Кароль Модзелевский, занятый подготовкой решения Координационной Комиссии, находит время для выступления. Он — за решительные меры, хотя и без формального “объявления войны”: “Мало протестовать — надо приказывать... Что делать в начале января? Если будут выдвинуты требования, ведущие к свержению власти, это будет шаг в направлении войны. Возросли сопровождающие требования, нам нужны сейчас политические гарантии. Надо бить по партии... Решившись начать войну, надо так сформулировать требования Союза, чтобы они были убедительны. Во-первых, уточнить срок всеобщей забастовки в ответ на чрезвычайные меры, заявить, что закон о профсоюзах в нынешнем виде уничтожает и закрывает путь к соглашению, потребовать очередных изменений принципов управления, например, выборов в Сейм”[2].

Ян Лужный (КПН — Конфедерация Независимой Польши, откровенно требующая разрыва с Москвой) говорит на диалекте карпатских горцев: “Мы должны сказать себе: хотим власти! Хотим!.. Коммунисты — это такие редкостные звери, что их надо запереть в золотые клетки и показывать в зоопарках”[3]. Он поддерживает идею временного правительства, призывает отстранить тех деятелей, которые ставят интересы рабочего самоуправления выше интересов “Солидарности”.

Говорит Збигнев Буяк (председатель отделения “Мазовше”) : “Мы должны создать непосредственный фронт борьбы, широкий фронт политической борьбы за структурные изменения. Надо заключить соглашение со всеми... Это нелёгкий путь, союз может не выдержать, может войти в конфликт, но из конфликта он не может выйти разбитым, разбита должна быть власть”[4].

Заключение делает Богдан Лис: “Никаких переговоров. Для возможного нового правительства с нашим участием основой деятельности будет радомская позиция”[5].

---

[1] Откр. кавычки добавлены нами. — Ред. (там же).

[2] “Od «Olivii» ... ”, ч.. 9 (ТЛ, 13.01.82).

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

Лех Валенса не участвует в дискуссии. В этот последний вечер он проводит время в кулуарах. Его отсутствия не замечают.

По данным Центра исследований общественного мнения профсоюза "Солидарность", 51% его членов не поддерживает конфронтации, а около 1/3 членов "определённо отходит от движения "Солидарности" и в принципе принимает взгляды властей". После года возбуждения, разочарований и голода — удивительно боевое настроение! 49% членов Союза *всё ещё хотят "конфронтации"*, а это слово означает на польском политическом жаргоне прямое столкновение с применением силы.

22[1] часа 32 минуты. Постановление, выработанное Рулевским, принимается. Против 5 голосов, 4 воздержались. Теми же голосами принимается "позиция ККП" (авторы Рулевский и Модзелевский). Лех Валенса во время голосования одиноко стоит в боковом зале.

В решении сказано, что радомские постановления стали согласованной позицией Союза. ККП высказывается за проведение общенародного референдума "на принципиальные темы, касающиеся оценки и проверки методов осуществления власти центральными и местными органами государственной администрации"[2]. ККП "рекомендует назначить комиссара для выработки способа проведения референдума и содержания вопросов"[3].

Ещё раз подтверждается и уточняется техника и срок немедленной всеобщей забастовки в случае принятия Сеймом закона о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий.

Заседание оканчивается в 0 ч. 50 мин. 13/XII. Делегаты и наблюдатели направляются в гостиницу, чтобы утром разъехаться по местам и приступить к выполнению принятых решений.

Збигнев Буяк торопится в Варшаву, он идёт с товарищем на вокзал. Гостиница недалеко от вокзала, и он видит, как её окружают внутренние войска.

Они сами начали свой последний бой.

---

[1] В тексте "23" — опечатка . "Od «Olivii» ... ", ч. 9 (ТЛ, 13.01.82).
[2] Закр. кавычки добавлены нами. — Ред. (там же).
[3] Откр. кавычки добавлены нами. — Ред. (там же).

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

◊

Макиавелли и начало национализма[1]

Можно было бы подумать, что вражда между племенами столь же стара, как человеческий род, но племена — это не нации, и чувство принадлежности к племени — ещё не национализм. Само слово "национализм" впервые встречается лишь в 1798 году, после Французской революции. Понятие "нации" тоже появилось сравнительно недавно, в XIII веке. К тому времени сложились будущие национальные языки и представления о племенном родстве, породившие европейские государства. Эти представления не мешали бесконечным войнам между племенами, которые ещё древние греки осуждали как "братоубийственные". Именно эти войны привели к завоеванию Греции "варварами", а впоследствии — к завоеванию Руси азиатскими кочевниками, "татаро-монгольскому игу".

Ощущение родства между людьми имеет глубокую биологическую основу — *социальный инстинкт*, объединяющий людей в группы, открытый и описанный Дарвином в его книге о происхождении человека (1871). У общественных высших животных этот инстинкт определяет численность стада и правила поведения в стаде. В жизни общественных животных, в том числе человека, он играет роль силы притяжения. Динамическое равновесие достигается при взаимодействии социального инстинкта с *инстинктом внутривидовой агрессии*, открытым в середине XX века Конрадом Лоренцем и играющим роль силы отталкивания.

Первоначальные группы наших предков, как и стада всех приматов, насчитывали несколько десятков особей. Внутри такой группы социальный инстинкт запрещал нападать на сородичей, но между группами у *человека* происходили постоянные войны, что отметил ещё Дарвин. В этом отношении наш вид составляет особое исключение среди высших животных: кроме человека, только крысы ведут войны против себе подобных. Эта крайняя агрессивность человека могла бы привести к гибели нашего вида, как погибли многие его предшественники — "гоминиды".

Члены одной группы узнавали "своих" по признакам, сдерживавшим агрессию, и генетически запрограммированным социальным инстинктом человека. Чтобы спасти наш вид от вымирания, эти

[1]Статья написана в 2005 году. Посмертно напечатана в журнале «Идеи и идеалы» №1 (3) т. 1, 2010. — *Прим. Л. П. Петровой*

сдерживающие стимулы надо было распространить на отношение к “чужим” — к представителям других групп. Но наши предки неспособны были на такое изменение инстинкта, поскольку их мышление ещё не развилось. Так как наш вид всё же уцелел, надо предположить мутацию в человеческом геноме, снявшую слишком узкое определение “своих”. Эта мутация сделала возможным образование *племён*, численность и обычаи которых зависели уже не от генов, а от культурной традиции. Группы перестали делиться, достигнув предельной численности, и возникли племена, где узнавание “своих” зависело от языка, татуировки и обычаев. Более крупные племена имели преимущество над первоначальными группами и постепенно вытеснили их. Этот процесс расширения этических правил можно назвать глобализацией социального инстинкта[1].

Внутри племени действовал запрет нападения на “своих”, но между племенами продолжались бесконечные войны. Дальнейшая глобализация привела уже в древности к созданию племенных союзов и государств, объединявших людей не обязательно общего происхождения, но стимулировавших у них развитие общего языка и общей культуры. Таким государством была Римская Империя, охватившая все более развитые племена Европы и Ближнего Востока. К несчастью, эта империя не выдержала натиска варварских германских племён, завоевавших всю Западную Европу. Это была культурная катастрофа, надолго задержавшая развитие человечества. Лишь на исходе средневековья процесс глобализации возобновился, и племена стали соединяться в *нации*, образуя национальные государства. Государство, с его принудительной регламентацией и вездесущей бюрократией, у современного человека не вызывает восторга, особенно у нас в России. Но поддержание внутреннего мира и защита от внешних нападений была столь важным преимуществом, что люди считали большим благом иметь собственное государство и готовы были приносить ему немалые жертвы.

Первым национальным государством, сложившимся в Европе ещё в XIII веке, была Англия, островное положение которой облегчало её оборону. Затем, к XVI веку, образовались национальные государства во Франции и в Испании. Ощущение национального единства поддерживалось в этих странах общностью языка и обычаев, а затем — привычкой к общей системе правления. Но две великих нации Европы — немецкая и итальянская — не имели сво-

[1]Описание процесса глобализации с точки зрения этологии — общей биологической науки о поведении животных и человека — содержится в моей книге “Инстинкт и социальное поведение”.

его государства до XIX века, что привело к тяжким историческим последствиям. Немцы имели, с IX века, так называемую "Священную римскую империю германской нации", но её императоры, выбираемые князьями, не имели реальной власти. Италия же не могла объединиться из-за папского государства со столицей в Риме, поскольку такое объединение не было бы в интересах пап. Поэтому Италия, начиная с XVI века, оказалась под властью иностранных держав — Франции, затем Испании. Это вызвало сильнейшее негодование итальянцев, ощущавших своё культурное превосходство, и породило первый сознательный национализм, глашатаем которого стал секретарь Флорентийской республики Никколо Макиавелли. Это была идеология угнетённой нации, попавшей под власть иностранных держав и стремившейся лишь к своему освобождению. Самое слово "национализм" ещё не было изобретено, и все связанные с ним неприятные ассоциации возникли лишь позднее. И всё же, здесь впервые были выражены взгляды и интересы целой нации — её подлинные взгляды и интересы, а не демагогически поддельные, с какими нам приходится встречаться в наши дни. Если можно говорить о подлинном национализме, в отличие от ложного, то его создателем и был Макиавелли. Ещё в XX веке мы видели столь же оправданный и неизбежный национализм в Индии, возглавляемый Ганди и Неру.

Макиавелли был великий мыслитель, освободивший общественное мышление от религиозных догм и метафизических построений. Как сказал впоследствии Бэкон, он впервые описал, что́ люди в самом деле делают в истории, а не что́ они "должны" делать. Конечно, это и раньше понимали люди, облечённые властью и добивавшиеся власти — каждый в своей сфере деятельности; но об этом не принято было говорить, потому что правила практической жизни резко расходились с предписаниями религии и официальной морали. Поэтому Макиавелли приобрёл репутацию бессовестного циника и неприличного писателя. Но это было не всё. Макиавелли не просто описывал "технологию власти", как наблюдаемое явление природы; эта технология предназначалась им для практического применения. Его небольшой трактат "Князь" был задуман как "учебник" для будущего объединителя Италии, князя, который в самом деле будет добиваться власти над всей Италией и изгонит из неё захватчиков. Эта практическая направленность книги создала ей больше всего врагов: автор не просто перечислял некоторые способы поведения, с какими-нибудь моральными замечаниями, а положительно их рекомендовал! Он учил будущего государя притворяться и лгать, до-

биваться популярности и избавляться от своих противников, вплоть до их тайного убийства или казни по ложным обвинениям. Понятно, что этот трактат, опубликованный после его смерти, сделал имя Макиавелли ненавистным всем добродетельным читателям Европы. Но последняя глава этой книжечки содержит пламенный призыв к освобождению Италии — и настолько отличается по своему тону от предыдущих рекомендаций, что её нередко приписывают другому автору! Макиавелли оставался загадкой для потомства

Прежде всего, Макиавелли был убежденный республиканец. Во дворце Синьории можно видеть его кабинет, рядом с Залом Лилий, где поставлен оригинал "Юдифи" Донателло, символизирующий убийство тирана. Медичи, вернувшие себе власть над Флоренцией, не доверяли Макиавелли и не давали ему поручений, запретив ему жить в городе; он жил в деревне, на положении ссыльного, работая над своими книгами. "Князь" занимает среди его сочинений особое место, выделяясь по своему тону. Можно думать даже (это моё собственное предположение, хотя я и не знаю всей необозримой литературы, сопровождающей эту книгу), что Макиавелли не предназначал её для публикации, а хотел вручить при удобном случае одному из итальянских князей, скорее всего из семьи Медичи. Опытный политик, он, вероятно, убрал бы из этой книги или смягчил бы перед её опубликованием самые откровенные места, чтобы не задевать христианские чувства читателей. Сам он был убеждённый атеист, какими были на практике уже многие итальянцы, ещё не способные привести в систему свои взгляды.

Обращение к "князю" было, несомненно, актом отчаяния: автор отдавал себе отчёт в том, что республиканская форма правления изжила себя, вместе с независимостью отдельных городов. Советуя своему князю опереться на национальные чувства итальянцев, Макиавелли понимал, что подлинным мотивом такого князя будет обычное честолюбие. Последняя глава трактата, столь непохожая по тону на все предыдущие, как будто предназначена для иного читателя и выражает его подлинные чувства. Князь должен был стать орудием объединения Италии, и средства, рекомендуемые Макиавелли, мало отличаются от обычной политической практики; многие из них сохранились до XIX века, когда их применил политический деятель, в самом деле объединивший Италию, — граф Кавур. Да и в наши дни советы Макиавелли не составляют откровения для политического деятеля, хотя, конечно, большинство из них уже не прибегает к крайним средствам — во всяком случае, в обществах западного типа. Остаётся объяснить, как мог рекомендовать эти

средства человек высоких нравственных идеалов, каким был, несомненно, Макиавелли.

Для объяснения этой психологической загадки надо вспомнить, что он жил пятьсот лет назад, в переходное время, когда религиозная мораль утратила свой абсолютный авторитет, а новая гуманная мораль ещё не сложилась. Серьёзная ошибка — отождествление этих двух видов морали, хотя вторая, несомненно, происходит от первой. В XV веке многие итальянцы, и прежде всего образованные, перестали принимать всерьёз абсолютные моральные ценности, поддерживаемые страхом загробного наказания. "Права человека" — отдельной человеческой личности — не были ещё сформулированы и вряд ли рассматривались как высшая ценность. Нарушение их было, конечно, "грехом", но самое понятие греха было скомпрометировано вместе с религией. Но к этому времени сложилась другая ценность, которая могла заменить — для потерявших веру в бога — многие ценности религии, а в угнетённых и униженных странах нередко считалась самой высшей ценностью: "*любовь к родине*". Представление, что "родина" представляет более высокую ценность, чем жизнь и благополучие отдельного человека, стали называть "патриотизмом". Это представление выразилось в евангельском изречении первосвященника Каиафы, что лучше принести в жертву одного человека, чем нанести ущерб всему племени. Эта точка зрения — конечно, не христианская — широко использовалась, с незапамятных времён, для оправдания "государственных интересов" и "реалистической политики", и в той или иной форме используется до сих пор.

Без сомнения, Макиавелли был безбожником и пламенным итальянским патриотом. Самое достоверное описание его личности, как мне кажется, принадлежит Франческо де Санктису, автору известной "Истории итальянской литературы", опубликованной в русском переводе в 1964 году[1]. Де Санктис, сам всю жизнь боровшийся за объединение Италии, писал свою главу о Макиавелли в 1871 году, "под грохот пушек итальянской армии, входившей в Рим". Я позволю себе изложить его идеи на современном языке.

В эпоху Возрождения процесс формирования национальных государств сопровождался глобализацией морали, переносившей понятие "своих" людей с племени на нацию. Итальянцы, никогда не терявшие ощущение языковой и культурной общности, тем не ме-

[1] Ф. де Санктис, "История итальянской литературы", в двух томах, изд-во "Прогресс", 1964.

нее, постоянно вели междоусобные войны, считая себя прежде всего флорентинцами, венецианцами, неаполитанцами и т. д. Именно эти междоусобные раздоры сделали Италию лёгкой добычей для иностранных захватчиков. Объединение осуществилось, как и предвидел Макиавелли, под руководством одного из итальянских государств — Пьемонта, — но через четыреста лет!

У человека — в отличие от всех других видов животных — есть *два* вида наследственности, генетическая и культурная. Генетические изменения зависят от случайных мутаций и занимают сотни тысяч лет. Но существенные изменения культуры могут произойти в несколько столетий. К 1900-му году глобализация морали на уровне наций в Европе в основном завершилась. Национализм, явившийся в эпоху Возрождения как новое, ещё необычное учение, превратился в часть *консервативной* жизненной установки. "Любовь к родине", первоначально относившаяся к месту рождения человека, была перенесена на государство и приобрела в ряде случаев мистический характер, особенно в странах, всё ещё остававшихся под иностранным господством. В Европе было три империи, соединивших и принуждавших к повиновению чуждые друг другу нации: Австро-Венгерская, Турецкая и Российская. В феодальные времена, когда эти нации не сознавали своей особенности — вернее, не сложились ещё в нации — они переносили господство преобладающей нации. Но в XIX веке, после глобализации морали и культуры на уровне наций, между возникшими таким образом политическими единицами проявились противоречия, не разрешимые в рамках одного государства, национализм свёлся к требованию *национального* государства, провозглашавшего национальность как свою высшую ценность.

Глобализация подчёркивает границы между такими государствами, пытаясь захватить бо́льшую территорию и предотвратить смешение языков и культур, что было одним из мотивов обеих мировых войн. Между тем, сам процесс глобализации не останавливается на уровне наций. Французская революция признала *права человека*, общие для всех людей; этика Западного мира, происшедшая от христианства, никогда не забывала об этих правах, а развитие науки и техники превращали всю Землю в единую экономическую систему. Мощные силы растущей цивилизации размывали национальные барьеры и требовали дальнейшей глобализации. Сопротивление этим силам сформировалось в регрессивный, охранительный национализм, сомкнувшийся с остатками феодализма. Выражением этой реакции была философия истории Гегеля.

Эта философия возникла в начале XIX века, когда господствующим мировоззрением был либерализм, написавший на своём знамени “права человека”, и когда представительное правление добилось решающих успехов в Англии и в Соединённых Штатах. Между тем, на континенте Европы, после победы старых монархий над Наполеоном, были восстановлены феодальные порядки, сословные привилегии дворянства, цензура и попечительный надзор духовенства. Этот режим, называвшийся “Священным Союзом”, особенно свирепствовал в Германии, где правление Наполеона означало либеральные реформы: этому чужеземному вторжению был противопоставлен немецкий национализм. Германия всё ещё была разделена на множество государств, но всюду провозглашались германские добродетели, германская доблесть и — более того — превосходство немцев над всеми другими нациями. Гегель, не способный подняться выше этих представлений, придумал историческую схему, подходившую к такому настроению своих соотечественников. Действующими лицами истории были нации, а режиссёром этого театра был господь бог, называемый философским псевдонимом “абсолютный дух”. Бог выпускает на сцену, последовательно, национальные фигуры, называемые “Восток”, “Греция”, “Рим” и, наконец, “Германия”. Для Гегеля отдельный человек не имеет значения: он существует только для национального государства. Впрочем, Ницше дополнил эту схему личностью сверхчеловека-диктатора, и Германия получила свой национализм в виде нацизма. Таков был путь национализма в Европе — от Макиавелли до Гитлера!

К сожалению, этот путь пройден не до конца. После Первой мировой войны победители выкроили из распавшихся империй искусственные государства — Югославию и Чехословакию. Но оказалось, что отсталые нации, даже родственные друг другу, были неспособны преодолеть барьер, предшествующий дальнейшей глобализации, и эти государства распались по национальным границам.

Представление, что “родина” является наивысшей ценностью, которой можно и должно приносить в жертву отдельного человека, весьма живуче, и многие политические деятели строят на нем свою политику, эксплуатируя подсознательные стимулы народных масс. Для верующих этот “принцип Каиафы” является прямым отрицанием учения Христа, потому что Христа принесли в жертву согласно этому лжеучению. Для неверующего гуманиста высшей ценностью является человеческая личность, и — с точки зрения гуманизма — объединение наций в будущую культуру всего человечества означает перенесение понятия “своих” на всех людей. Это вовсе не означает

отрицания отдельных национальных культур, а их сотрудничество и взаимопомощь. Мир враждебных наций, ощетинившихся вдоль государственных границ против своих соседей, уходит в прошлое — как это можно уже видеть в Европе!

Макиавелли, один из первых людей Нового времени, не мог этого предвидеть. Его атеизм, не уравновешенный более глубокой концепцией человека, привёл его к ужасным политическим средствам, которые применялись всегда и везде, и он описал их с искренностью, может быть, заслуживающей наказания. К чему приводят эти средства, научил нас двадцатый век.

Психологические аспекты национальных проблем[1]

I.

Как сказал Декарт, люди избавились бы от половины своих заблуждений, точно определив значение слов. Поэтому первым предметом обсуждения должно быть название моего доклада. Полагаю, всем понятно, что означает прилагательное "психологические", хотя в нашей стране с тридцатых годов не существует научной психологии. Иначе обстоит дело с "национальными проблемами", поскольку нуждается в определении самое понятие "нации". Это понятие связывается обычно с некоторыми признаками, общими той или иной группе людей; в число таких признаков включаются общий язык, общее происхождение, проживание на общей территории, общее государство и, наконец, общая культурная традиция. Мы должны проследить, чтобы наше определение соответствовало интуитивному представлению о нации, поскольку учёные не выдумывают свои определения, а лишь уточняют уже имеющиеся в обращении понятия, что в особенности относится к гуманитарным предметам: по выражению Конрада Лоренца, учёный и есть "профессиональный уточнитель понятий".

Прежде всего, общность территории, государства и даже языка, хотя и существенные для определения нации, не обязательно согласуются с обычным употреблением этого слова. Канадские французы, упорно сохраняющие свой язык и культуру, лишь в очень искусственном смысле могут быть включены в некую "канадскую нацию", точно так же, как два миллиона французских колонистов, еще недавно живших в Алжире, были бы очень удивлены, узнав, что они не французы. В том же положении находятся английские колонисты в африканских странах, и понадобились столетия, чтобы голландцы в Южной Африке ощутили себя особой нацией и придумали себе искусственное имя. Весьма сплочённая, обладающая прочной исторической традицией швейцарская нация говорит на трёх, или даже на четырёх языках, бельгийцы — на двух языках;

[1] Эта статья представляет собой текст доклада А. И. Фета на хельсинском семинаре в Харькове в июле 1991 г. Опубликован в Сборнике материалов семинара Московской Хельсинской группы «Национальные проблемы и права человека», Москва, 1993. — *Прим. Л. П. Петровой*

евреи и армяне, сохраняющие в диаспоре свои традиции, говорят на языках стран, где они живут. Что касается общего государства, то поляки прожили несколько столетий, разделённые между тремя империями, а злополучные курды и до сих пор находятся в таком положении.

Для группы людей, которую мы называем “нацией”, не обязательно также общее происхождение. Народы немецкого происхождения — австрийцы, говорящие по-немецки швейцарцы и жители Эльзаса и Лотарингии — не входят в немецкую нацию; англоязычные народы бывших английских колоний не принадлежат английской нации. Я не говорю уже о том, что *все* нации — смешанного происхождения: например, весьма отчётливо выделенная, существующая около семи столетий английская нация образовалась из смешения кельтов и германцев, с примесью более древнего, доиндоевропейского населения, а резко своеобразный английский язык, ставший теперь языком международного общения, содержит около 40% слов германского происхождения и около 60% — французского. Американцы, по праву считающие себя единой нацией, образовались из смешения различных национальных и племенных групп, русские же, одна из самых смешанных по происхождению наций, сохраняют на огромной территории свою языковую и культурную однородность. Таким образом, указанные признаки наций — общность языка, территории, государства и происхождения — отнюдь не обязательны для тех человеческих сообществ, которые мы называем нациями, хотя имеют к этому понятию очевидное отношение.

Иногда приходится слышать, что “нации” вообще появились лишь в семнадцатом или восемнадцатом веке, а прежде были только “племена” или, может быть, “народы”. По-видимому, такое представление сложилось на материале европейской истории, где очень поздно образовались некоторые “национальные государства”, но и в Европе мы сталкиваемся с такими сообществами, как англичане, обладавшие всеми признаками нации уже с XVI века. Вне Европы мы обнаруживаем древних египтян, несомненно бывших нацией больше трёх тысячелетий, и китайцев, остающихся нацией столь же долго. Новым оказывается только слово “нация”, в некоторых его современных сочетаниях, сами же нации были очень давно, и очень давно существовал, под разными названиями, “национальный вопрос”. Мы переживаем теперь вовсе не начало наций, а начало их конца.

Единственным признаком, неизменно сопутствующим нации, яв-

ляется *культурная традиция.* Поэтому для наших целей можно заменить понятие нации понятием *культуры*, в том смысле, как его применяют этнографы. В самом деле, мы не ставим себе целью исследование понятия нации, а занимаемся “национальными проблемами”, точнее, национальными конфликтами, потому что внутренние проблемы наций и положительные аспекты отношений между ними также остаются вне нашего рассмотрения. Но тогда можно говорить о столкновении культур, используя методы этнографии и, в особенности, этологии. Как мы увидим, этологический подход к “национальным проблемам” приводит к новым точкам зрения, вряд ли доступным обычным историческим и философским рассуждениям. Возможно, вызовет возражения привлечение к этим вопросам этологии, науки о биологических основах поведения, общих животным и человеку. Но великие учёные нашего времени не стеснялись применять этологию к человеку, и чрезмерная гордость нашим особым положением не свидетельствовала бы о нашей мудрости, как и во времена Дарвина. Поистине, нам нечем гордиться перед нашими животными родственниками после всего, что мы видели в этом веке, и что недавно повторилось в Сумгаите и Баку, в Вильнюсе и Риге.

Конечно, можно заметить, что, заменив конфликты между нациями конфликтами культур, мы расширяем наш предмет исследования, поскольку многие племена, ещё не ставшие нациями в обычном смысле, обладают, разумеется, своими культурами, каковы, например, культуры ряда племён Африки и Полинезии. Но столкновения этих культур с европейской культурой, а нередко и между собой, демонстрируют все признаки “национальных проблем”, о которых здесь идёт речь. Кстати, термин “европейская культура”, только что употреблённый, есть собирательное понятие, подходящее для таких конфликтов, где все европейцы могут быть объединены в одну культурную группу. Но, как правило, я буду понимать термин “культура” в более узком смысле, соответствующем обычному представлению о “нации”, так что в дальнейшем речь будет о таких культурах, как английская, русская или китайская, а не о таких, как европейская, индийская и дальневосточная.

II.

Чтобы понять, что такое культура, мы нуждаемся в некотором научном описаний этого явления. Научное описание, в отличие от поэтического изображения или философской конструкции, всегда прибегает к функциональным схемам, или моделям. Учёный, изуча-

ющий некоторую естественную систему, пытается представить себе более простую систему, отражающую в упрощённом виде некоторые структуры и функции изучаемой системы. Для самых простых систем можно строить математические модели, но в более сложных случаях приходится использовать в качестве моделей другие естественные системы. Моделирование и является специфическим образом действий, отличающим науку от всякого другого вида человеческой деятельности. Общие закономерности моделирования были изучены в книге Ю. А. Гастева[1] "Гомоморфизмы и модели".

Психоаналитик Эрик Эриксон предложил в качестве модели человеческой культуры биологический вид. Он даже назвал культуру "псевдовидом" (pseudo-species). Конрад Лоренц, создатель эволюционной этологии, подробно изучил эту модель в своей последней книге "Оборотная сторона зеркала" ("Die Rückseite des Spiegels"), которой я буду руководствоваться в дальнейшем. Разумеется, за применения модели к конкретным вопросам несу ответственность я один. Культура, в интересующем нас смысле национальной культуры, и более общем смысле передающейся по традиции структуры поведения в человеческой группе, сходна с видом в том, что основные черты её воспроизводятся из поколения в поколение. Но способ передачи культурной традиций совершенно отличен от способа передачи видовых признаков. Признаки вида всегда передаются генетическим путём, в том числе свойственные каждому виду способы обучения потомства. Между тем, признаки, отличающие одну культуру от другой, передаются путём культурной традиции, в том числе новые свойства, приобретённые на личном опыте носителем традиции. Лоренц называет это "передачей приобретённых признаков", подчёркивая, что в случае человеческой культуры становится возможным механизм наследственности, безусловно невозможный в дочеловеческом мире. Этот новый механизм привёл к чрезвычайному ускорению эволюции культур. Вид животных возникает в течение миллионов лет, культура же складывается в несколько столетий.

Отсюда понятно огромное разнообразие культур, заполнявших 50 или 60 тысяч лет существования *homo sapiens.*

Подобно виду, культура борется за своё существование в некоторых условиях окружающей среды, природной или человеческой, и в этой борьбе изменяется, приобретая целесообразные приспособ-

[1]Изгнание из отечества помешало этому замечательному логику продолжить свою работу.

ления. Такими приспособлениями могут быть способы собирательства, охоты, животноводства и земледелия, позволяющие выжить в данной природной среде, или средства ведения войны и воинственные установки, позволяющие выжить в данном человеческом окружении. Для сохранения культуры очень важна коллективная деятельность составляющих её индивидов — ещё важнее, чем в животном мире, где стадные способы поведения присущи не всем видам, а в самом интересном случае хищников, с наиболее развитыми формами общения и эмоциями, никогда не проявляются круглый год. Коллективное поведение стадных животных требует узнавания признаков собственного вида, и генетически наследственность обеспечивает все особи одного вида нужными для этого сходными признаками. В случае культуры дело обстоит сложнее. Сплочённость и солидарность между представителями одной культуры, необходимые для коллективных действий, также требуют узнавания и различения “своих” и “чужих”. Деление людей на “своих” и “чужих”, не причастных данной культуре и посторонних ей, настолько фундаментально, что без такого, достаточно отчётливого деления никакая культура не может существовать. Но, в отличие от генетически определённых видовых признаков, признаки “своей” культуры не всегда выражаются в достаточно отчётливой физической форме. Поэтому эволюция культуры вырабатывает служащие для этой же цели *символы*. Поскольку эти символы важны для сохранения культуры, им обычно приписывается сакральное значение. Сюда относятся флаги, значки, национальные одежды и т. д.

Роль символов в человеческой жизни детально изучена психологами. Эрих Фромм считал употребление символов самым важным, принципиальным отличием нашего вида от всех видов животных. Конечно, наша повседневная речь, не говоря уже о литературе и искусстве, была бы невозможна без употребления символов, от условных обозначений и сокращений до философских построений. Символы культуры, в частности, национальной культуры, современное мышление не склонно принимать всерьёз. Но ещё недавно какой-нибудь стилизованный лев или орёл, изображённый на государственном гербе, вызывал у людей достаточно серьёзные чувства, нередко заставляя их умирать за дело, не имевшее прямого отношения к их существенным интересам. Иррациональные в этом смысле символы культуры выполняют, однако, свою немаловажную охранительную функцию, и как раз нынешнее ироническое отношение к ним доказывает падение престижа традиционных культур, стирание границ между ними. Обсуждение в Соединённых Штатах во-

проса об оскорблении национального флага недвусмысленно свидетельствует об этом факте. Хорошо это или плохо — другой вопрос, к которому я дальше вернусь.

Эволюция символов культуры поразительно напоминает эволюцию видовых признаков, как это вытекает из подробных исследований. Если отнестись с доверием к нашей модели, отсюда можно сделать некоторые заключения. Как известно, чем ближе виды или разновидности, тем отчётливее и ярче различающие их сигнальные знаки, например окраска или форма ритуальных движений. Можно ожидать, что чем ближе две культуры, тем сильнее в них проявляется склонность подчёркивать их различия, особенно в символической форме. Там, где уже почти не осталось культурного своеобразия, символы приходится заимствовать из прошлого или попросту изобретать. Поскольку их смысл зачастую непонятен, их носят с вызывающей нарочитостью, как русские мальчики расхаживают со свастикой или неверующие интеллигенты — с крестом.

Отношение индивида к своей культуре — или к той культуре, которую он считает своей — отличается особым демонстративным энтузиазмом, напоминающим соответствующие реакции стадных животных, например, так называемый триумфальный крик гусей. Проявления патриотизма, национального самолюбования и элитарного снобизма по своим формам поразительно сходны с зоологическими механизмами, имеющими целью поддержание тонуса и сплочённости группы животных. Имеются тщательно изученные ряды примеров этого рода, убийственные для модного в наши дни дешёвого энтузиазма; к сожалению, для ощущения таких аналогий требуется чувство юмора, а юмор, как обнаружили этологи, есть одно из позднейших приобретений человеческой эволюции, неравномерно распространённое в популяции и отсутствующее как раз у тех, кому оно больше всего нужно.

Точно так же, как животное не может жить вне своего вида, человек не может существовать без культуры и, по-видимому, испытывает сильнейшее, генетически обусловленное стремление отождествить себя с некоторой культурной группой. В этология такое инстинктивно обусловленное поведение называется “аппетентным”; вероятно, это есть то, что имел в виду отец биологии Аристотель, когда назвал человека “зоон политикон”, что обычно переводится “общественное животное”. Муравей может прожить в одиночку около шести часов; человек, конечно, может обходиться без людей значительно дольше но дело не сводится к тому, что человек нуждается в обществе себе подобных, как это особенно заметно в крайних усло-

виях, на необитаемом острове или в одиночном заключении. Обычно же человек не довольствуется обществом первых попавшихся ближних, а ищет *отождествления* с некоторой культурной группой; на языке индивидуальной психологии это означает, что он должен решить для себя вопрос, кто он такой. По-английски эта предполагаемая сущность человека обозначается словом identity. Поскольку у нас в стране нет психологии и не выходит психологическая литература, я не знаю, как перевести это слово, и пользуюсь неуклюжим буквальным переводом: “тождество”. Следует иметь в виду, что это технический термин.

У животных проблемы тождества вовсе нет, потому что животное не имеет выбора между видами и, более того, рождается в определённом стаде. Для человека с древних времён естественной культурной группой было племя, для древнего грека, разумеется, его полис. В средние века человек воспитывался в давно сложившейся, устойчивой культуре, в определённом сословии, и ощущал себя членом этого сословия почти так же спокойно, как если бы крестьяне, ремесленники и дворяне, живущие бок-о-бок, были разные виды животных, населяющие один ареал. Конечно, *человеческие* свойства иногда вступали в противоречие с этой системой, но, в общем, каждый знал о себе, кто он такой.

В наше время проблема тождества крайне обострилась. В поисках ответа на этот проклятый вопрос люди лихорадочно ищут себе какую-нибудь психологически приемлемую для них группу, откуда происходят шайки малолетних преступников и растущие как грибы после дождя фанатические секты. Сюда же относится так называемый “национализм” и попытки гальванизировать труп давно умершей религии.

III.

Уяснив себе, что такое культура, мы можем перейти к вопросу об *отношениях между культурами*. Несмотря на различие в способах передачи признаков, модель Эриксона — Лоренца позволяет понять многие особенности взаимодействия культур. Следует подчеркнуть, что речь идёт не о простой аналогии, а именно о модели, поскольку наблюдается не простое сходство одной или нескольких характеристик, а повторение целого ряда закономерностей и зависимостей. Можно не сомневаться, что такая модель обладает и некоторой предсказательной силой.

Чрезвычайное разнообразив культур, с очень различными языками, обычаями и образом жизни, можно было бы сопоставить с

разнообразием видов животных; сторонний наблюдатель (пресловутый марсианин), изучая культуры как отдельные объекты, нашёл бы мало сходства между какой-нибудь западной нацией и племенем, обитающим в джунглях Новой Гвинеи. Но наша модель приводит к противоположному выводу: она обнаруживает *близкое родство* всех этих, столь непохожих на первый взгляд культур. В самом деле, на одной территории могут мирно сосуществовать далёкие виды, не находящиеся в конкурентных отношениях между собой; конфликт возникает лишь между близкими видами или разновидностями, претендующими на одни и те же ресурсы. Но известно, что человеческие племена, проживающие на одной и той же территории, с незапамятных времён враждовали между собой. С точки зрения нашей модели, это следует рассматривать как признак *близости* всех человеческих культур, соответствующих, таким образом, не отдалённым видам, а скорее разновидностям одного и того же вида. Следует подчеркнуть что здесь речь идёт не о генетической принадлежности всех людей к одному виду, не вызывающей сомнений и проявляющейся, в частности, в близости *индивидуальных* признаков. Мы рассматриваем здесь, в рамках нашей модели, не отношения между индивидами, а отношения между культурами, которые обладают резко различающимися внешними признаками и могли бы восприниматься как очень различно устроенные системы. То обстоятельство, что эти системы устроены из мало отличающихся элементов, индивидов *homo sapiens*, само по себе ничего не говорит об их функциональном сходстве: вспомним, сколько разных машин можно устроить из одного и того же металла. Но, оказывается, машины, устроенные из человеческих личностей, не так уж сильно отличаются друг от друга; здесь трудно не вспомнить старинную иллюстрацию к Гоббсу, изображающую фигуру Левиафана, сложенную из человеческих тел. Так вот, есть, по-видимому, некоторые неизбежные формы, которые должен иметь Левиафан.

Глубокое родство между всеми человеческими культурами подтверждается тремя исследованиями, независимыми от нашей модели. Первое из них, выполненное Эйбл-Эйбесфельдтом и его сотрудниками, состояло в изучении способов выражения эмоций в разных культурах, проявляемых выражениями лица, жестами и телодвижениями. Это самый древний вид общения между людьми, заведомо предшествующий членораздельному языку, и ещё Дарвин утверждал, что способы выражения эмоций у всех людей по существу тождественны, посвятив этому вопросу отдельную книгу. Группа

Эйбл-Эйбесфельдта пользовалась особым видом киносъёмки, при котором на объектив насаживалась призма, так что снимался не человек перед аппаратом, а люди сбоку от аппарата, не подозревавшие, что на них обращают внимание. Это позволило регистрировать поведение людей в естественном виде. Выводы Дарвина были полностью подтверждены: *все* непосредственные проявления человеческих эмоций оказались не зависящими от культуры.

Второе исследование, выполненное лингвистами школы Хомского, показало, что основные структуры языка обнаруживают во всех культурах одни и те же структуры мышления. Оказалось, что в основе этих структур во всех случаях лежат геометрические конструкции, изображающие пространственные отношения окружающего мира в некотором воображаемом "психолингвистическом" пространстве: относительное положение внешних объектов описывается в нем словами "спереди", "сзади", "справа", "слева", "рядом", "ближе", "дальше" и т. п., везде одинаково встроенными в структуру языка. Эта же школа лингвистов доказывает, что язык неотделим от мышления и, в некотором смысле, составляет его остов; поэтому описанные явления свидетельствуют об одинаковой во всех культурах "пространственной" системе мышления.

Третье исследование, составившее проект Корнельского университета под названием "Ядро правовых систем", обнаружило, что при всех видимых различиях правовые системы всех времён и народов имеют в своей основе одни и те же понятия: если освободить их от случайных наслоений и локальных способов выражения, то оказывается, что во всех культурах выработались одинаковые представления о том, что хорошо и что плохо. Кстати, эти исследования и другие, приведшие к тем же результатам, вернули к жизни наивное, но глубокое интуитивное построение, носившее два века назад название "естественного права".

Таким образом, конфликты между культурами вовсе не свидетельствуют об их чуждости, а, напротив, означают, что они очень близки, аналогично разновидностям одного вида. Если две культуры существуют на одной территории, то они используют одни и те же ресурсы — именно потому, что они близки и имеют близкие потребности. Отсюда неизбежно возникают конфликты, но этим дело не ограничивается: в случае человеческих культур проявляется ещё один фактор, не имеющий аналога в нашей модели.

Конкуренция между особями разных видов обычно не принимает характера физического столкновения, даже если они используют одни и те же ресурсы. Дикая собака динго, ввезённая в Австралию

аборигенами и встретившая там сумчатых животных, охотившихся на ту же добычу, вряд ли могла выдержать схватку с этими более сильными хищниками, но вытеснила их, потому что была умнее: она попросту оставила их без пищи. Агрессия в животном мире проявляется только между особями *одного* вида: это открытый Лоренцем инстинкт внутривидовой агрессии, первоначальной функцией которого является защита охотничьего участка. Этот инстинкт, существующий только у хищников, стимулирует их к нападению и изгнанию *любого* индивида своего вида и сдерживается корректирующими механизмами, защищающими потомство и партнёров во время размножения. Отметим, что между хищником и его добычей нет никаких агрессивных отношений, как между человеком и его пищей (это сравнение Лоренца). Человек, разумеется, является хищником, а потому инстинкт внутривидовой агрессии неизменно действует между каждыми двумя человеческими существами; и поскольку у человека эволюция в значительной степени разрушила естественные механизмы, сдерживающие агрессию, их заменяют культурные ограничения, обычно действующие лишь в пределах данной культуры.

Между тем, все люди, независимо от их культурной принадлежности, образуют один биологический вид и, следовательно, между членами разных культур инстинкт внутривидовой агрессии может действовать без ограничений. Это не только усиливает столкновения между культурами, но и придаёт им характер прямой физической конфронтации, очень редкий в соперничестве животных видов. Надо заметить, что в этих рассмотрениях понятие “вид” выступает в двоякой роли: с одной стороны, вид животных служит моделью некоторой человеческой культуры, так что отношения между видами моделируют отношения между культурами; с другой же стороны, особи, принадлежащие всем культурам, составляют один вид в биологическом смысле, без отношения к модели. При использовании нашей модели надо внимательно следить за семантикой слова “вид”.

Конфликты между культурами происходят, таким образом, вследствие конкуренции в использовании ресурсов и внутривидовой агрессии.

IV.

В природе близкие разновидности могут сохраниться лишь при географической изоляции: на одной территории они попросту смешиваются. Человеческие культуры, как мы видели, имеют тенден-

цию к самосохранению, сопротивляясь смешению и ассимиляции, и вступают между собой в борьбу за используемые ими ресурсы. При этом у индивидов каждой культуры проявляется специфическое аппетентное поведение, привязывающее их к обычаям и символам своей группы, а между индивидами разных культур действует инстинкт внутривидовой агрессии, не сдерживаемый культурными запретами. Каким образом можно надеяться устранить или хотя бы ослабить конфликты между культурными группами?

Когда-то их столкновения смягчались географической изоляцией, хотя и в самые отдалённые времена люди были непоседливы и не сидели в своих экологических нишах. В наше время население земли интенсивно смешивается, и никакие меры изоляции, совместимые с общепринятыми нормами цивилизации, не могут этому помешать.

Когда две культуры начинают совместную жизнь на одной территории, между ними неизбежно начинается конкуренция, поскольку они используют одни и те же ресурсы. В самом деле, отмеченная выше близость всех человеческих культур означает прежде всего близость потребностей. Могло бы показаться, что в южных штатах Америки когда-то мирно сосуществовали культура белых рабовладельцев и культура чёрных невольников, резко отличавшиеся по своему образу жизни и потому не имевшие причины враждовать. В этом и состояла идеология белых хозяев, понимавших, как важно для них удерживать чёрных в их не конкурирующих общественных ролях. Но такое положение не могло долго продолжаться, потому что чёрные не могли и не хотели создать из этой роли культурную традицию. Я не говорю уже об инстинкте агрессии, безудержно вызывавшем конфликты между группами.

Точно так же, не могут составить отдельные культуры эмигранты из Африки, Азии и Вест-Индии, осевшие в странах Западной Европы в последние десятилетия. Они не всегда готовы довольствоваться самыми невыгодными заработками и наименее престижной работой, между тем как известная часть коренного населения, не способная к лучшим видам труда, часто довольствуется ими. Возникает типичная ситуация, аналогичная конкуренции двух разновидностей, зависящих от одних и тех же ресурсов. Кстати, биологическую сторону конфликта умело используют расисты, всячески внушая неквалифицированным слоям рабочих, что “цветные” отбивают у них заработок. Такого рода “защиту национальной культуры” можно сопоставить с тем, как “защищали” немецкую культуру нацисты; её невозможно оправдать ни с моральной, ни с экономической точки зрения. Но биологически обусловленные силы — кон-

куренция в использовании однородных ресурсов в внутривидовая агрессия — продолжают действовать, пока сохраняется культурная изоляция со специфической аппетенцией и высвобождением агрессии на границе культур.

Очевидный выход из такого положения состоит в повышении общей культуры населения — где слово “культура” понимается уже не в этнографическом смысле, а в смысле гуманистической культуры, которую мы надеемся сохранить и возродить. В этой области имеются некоторые успехи, хотя и очень скромные, но заслуживающие внимания. На наших глазах заметно уменьшилась культурная изоляция национальных и расовых групп в Соединённых Штатах, хотя это коснулось преимущественно белых, в то время как чёрные ещё не вышли из своего психологического гетто. Те же процессы идут в Западной Европе, где почти исчезли традиционные “национальные” конфликты, хотя и сохраняется барьер, отделяющий европейцев от “цветных”. Понятно, что интеграция более далёких, экзотических культур остаётся делом будущего, но перспективы её в западном мире выглядят теперь гораздо более благоприятно, чем в годы последней войны, пятьдесят лет назад. Через несколько лет лозунг Соединённых Штатов Европы, ещё недавно казавшийся утопическим, может воплотиться в жизнь. Могло бы показаться, что эти процессы противоречат сделанным выше выводам из модели Эриксона — Лоренца, согласно которой близость культур несовместима с бесконфликтным существованием на одной территории. Но в действительности то, что теперь происходит в Европе и Соединённых Штатах, есть просто разложение национальных культур, стирание граней между ними. Вспомним, что всякая культура может существовать лишь изолируясь от других культур обычаями, запретами и священными символами. Когда обычаи усредняются до общеевропейских или общеамериканских, запреты не вызывают даже насмешки, а священные символы охраняются лишь теми, кому за это платят, тогда культура постепенно отмирает, в частности, отмирают национальные культуры Запада. Без сомнения, за ними последуют все другие. А значит, что приходит конец нациям.

Итак, мирное сосуществование людей предполагает стирание границ между национальными культурами, их взаимное проникновение и, в конечном счёте, ведёт к исчезновению наций.

Парадоксальным образом мы наблюдаем в нашей стране вспышки национального энтузиазма, как будто противоречащие этой тенденции. Дело здесь не только в нашей вечной отсталости, хотя и в этом отношении мы донашиваем моды начала столетия. Люди на-

шей страны переживают теперь необычайно обострившуюся *проблему тождества.* Разрушение традиционных культур лишило советского человека уверенности в принадлежности к какой-либо группе и, тем самым, уверенности в себе. Революция уничтожила сословия и религию, "перестройка" уничтожила коммунизм. Так называемый "кризис идеологий", давно прошедший на Западе, дошёл, наконец, и до нас. Человек не может больше определять себя как пролетарий, коммунист или, даже в чисто отрицательном смысле, как контрреволюционер: всё это стало смешно. По-видимому, эти вещи перестали восприниматься всерьёз в шестидесятые годы.

Проблема принадлежности, или тождества, не ограничивается нашей страной, это одна из главных проблем современного человечества. Я попытаюсь объяснить, каким образом она возникла в истории. Историю делят обычно на три эпохи: древность, средние века и новое время. Как мне кажется, эти эпохи различаются вполне реальным признаком: способом деления людей на культурные группы. В древности люди делились на племена; в средние века они стали делиться на религии, а в новое время возник ещё один, новый способ деления людей — по идейным убеждениям. Каждый новый принцип деления не отменял, разумеется, предшествующие, но в некотором смысле оттеснял их на второй план. Эта схема мировой истории, в сущности, не нова. Её изобрёл еретик двенадцатого века Джоакино да Фьоре. По его учению вначале было царство Отца, затем его сменило царство Сына, а теперь наступает царство Святого Духа. На языке нашего времени это значит, что мы до недавнего времени жили под властью *идеологий.* Слово это приобрело дурную репутацию: грубые идеологии вроде либерализма и марксизма в начале века были дискредитированы — я принимаю здесь исторически обоснованное определение, завершающее прошлый век началом Первой мировой войны. Потрясение, испытанное человечеством в этой войне, привело к развитию социальных явлений, аналогичных тому, что в индивидуальной психологии называется *регрессией.*

Регрессия личности состоит в том, что человек, переживший тяжёлое потрясение, теряет психическое равновесие взрослого и возвращается к чувствам и понятиям своего детства. Так вот, двадцатый век можно назвать веком племенной регрессии или, если угодно, веком национализма. Человечество на время вернулось к племенному способу деления, в ветхозаветное царство Отца. Несомненно, наш век — это время глубокого упадка культуры, и хотя в нашей стране этот процесс принял особенно катастрофические фор-

мы, явления упадка наблюдаются повсюду и вызывают реакции у мыслителей, способных всё это осознать. Не буду повторять всем известные имена.

Белый джентльмен из штата Алабама, потерявший веру в бога, разоряется и не может больше считать себя преуспевающим дельцом. Тогда он вспоминает, что у него осталась белая кожа — сокровище, которое никто не может отнять. В этом весь национализм.

Мы живём в эпоху распада национальных культур. Их нельзя искусственно построить из оставшихся от них фрагментов, из расовых признаков, музейного фольклора и уличного языка. Разрушение племён и религий как раз и привело к нынешней фазе истории, которую Джоакино назвал царством Святого Духа. История, предоставленная самой себе, расточает время и топчется на месте. После Возрождения был кошмарный семнадцатый век, породивший, впрочем, науку. Может быть, и постылый двадцатый век был не так уж напрасен.

Нам нужно разнообразие культур, но мы не можем сохранить нации. Люди будут делиться на культурные группы, объединённые общностью духовных интересов, общностью идей. И если в нашей стране, как в других отсталых частях света, всё ещё продолжается национальный регресс, это никак не может изменить направление времени.

Конечно, нам предстоит пройти через этот регресс. Каждая нация захочет иметь свой отдельный дом, и мы не отрицаем за ней это право. Только добровольно, в условиях свободы и изобилия, может сложиться новое единство людей. Это единство принесёт с собой новые вопросы, но навсегда уйдёт так называемый национальный вопрос.

Тайная вечеря Сталина[1]

В ночь на первое марта 1953 года Сталин устроил своё последнее пиршество на "ближней даче" в Кунцево, недалеко от Москвы. На этой тайной вечере Лжеучитель в последний раз встретился со своими четырьмя Иудами. Наутро — а точнее, на следующий день, потому что он просыпался не рано — он не вышел в обычное время из своих покоев. Охранники встревожились, но не смели войти. В шесть часов наружный охранник заметил, что в столовой зажёгся свет. Верные слуги боялись войти к Сталину. Один, наконец, пошёл и нашёл его лежащим на полу, в луже мочи. Часы его остановились на половине седьмого.

Перепуганные чекисты стали звонить, как было положено — министру госбезопасности Игнатьеву, ответственному за охрану Сталина, но министр не осмелился приехать и не дал указаний, а велел звонить Берии и Маленкову. Это были главные апостолы, пировавшие накануне со своим учителем. Отсюда ясно, в чьих руках была в этот момент реальная власть. Кстати, при Сталине Игнатьев пуще всего боялся связи с Берией. За такую связь его предшественник по министерству Абакумов сидел уже в тюрьме, ожидая расстрела. Игнатьев выжил — первый из всех, кто возглавлял это министерство.

Берия не отвечал, Маленков тоже не мог до него дозвониться. Наконец Берия позвонил и велел никому ничего не говорить. Четверка соратников приехала: Берия, Маленков, Хрущёв и Булганин. Если верить Хрущёву, они тоже боялись войти и послали посмотреть подавальщицу Матрёну. Наконец Берия с Маленковым вошли, вернулись, и Берия, объяснив охране, что Сталин спит, запретил его тревожить. Ученики уехали, оставив учителя умирать в одиночку — попросту говоря, умирать, как собаку.

После повторных панических сигналов охраны четыре апостола явились на следующее утро — наконец, в сопровождении врачей. При Сталине не было не только врача, но даже фельдшера: медикам он уже не доверял. Охране он тоже не доверял, и вообще не доверял никому. Но если верить охране, в последнюю ночь он как будто заговорил иначе. Один из его доверенных стражей, некто Хрустлёв,

[1] Статья написана в 2003 г. для сайта «Современные проблемы. Библиотека». Опубликована под псевдонимом А. Н. Клёнов. — *Прим. Л. П. Петровой*

говорил со Сталиным после отъезда четвёрки и сказал охранникам, что Хозяин больше ни в ком не нуждается, и велел им идти спать. Такого ещё никогда не было, чекисты удивились, но — по их словам — уснули. Хрустлёв оставался до десяти утра и уехал раньше, чем Сталин обычно вставал. Неизвестно, что он делал ночью — вероятно, тоже спал? Итак, в последнюю ночь своей жизни Сталин отказался от охраны — а раньше каждый его шаг охраняли днем и ночью, в несколько эшелонов, следивших друг за другом. Охранники говорили, что Сталин "особенно любил" Хрустлёва. Как только Сталин умер, Берия, торжествуя и торопясь, воскликнул: "Хрустлёв, машину!" Как и следовало ожидать, этот доверенный человек обоих вскоре заболел и умер.

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, что произошло в ночь на первое марта. В таких случаях следы тщательно заметают: потомство так и не знает, отчего умер царевич Дмитрий. Известно только, кому нужна была его смерть. Придётся и нам прибегнуть к этому приёму.

Сталин был окружён людьми, изображавшими преданность ему. В этом нет ничего удивительного, потому что он был тиран. Тираны не выносят другого окружения: им надо поддакивать и льстить. Но они этим людям не верят. Человеку свойственно переносить на других свои собственные качества: Сталин думал, что все люди лживы и коварны. Все, кто знал Сталина, видели, что он не верил никаким человеческим мотивам, кроме страха и корысти. Он чудовищно развратил этим всю страну: при Сталине простая порядочность стала опасной. И сам он, конечно, имел те же мотивы — корысть его состояла в жажде власти, а страх преследовал его неотвязно, потому что он знал, что вместе с властью потеряет жизнь. Это типичная история тирана.

Но не каждый тиран привлекает такое внимание — не каждого считают великим человеком. Один из прислужников Сталина, писатель Эренбург, пережил его и написал мемуары, лживую книгу, где он сравнивает своего хозяина с "блистательными тиранами итальянского Возрождения". Это сравнение смехотворно: Сталин не был "блистательным тираном", и никакого возрождения вокруг него не было. Всё его "величие" состояло в масштабах его тирании, которые и нуждаются в объяснении. Вообще, мир вокруг полон тиранов. Они тиранят всех, кого могут безнаказанно мучить — чаще всего своих несчастных жён, детей или подчинённых. Много есть и таких, кто может позволить себе более свирепые формы тирании — это главари бандитских шаек, отдающие приказы об убийствах. По своим психо-

логическим свойствам они очень похожи на нашего героя, но их не считают великими людьми: масштаб у них не тот. Прилагательное “великий” относится, главным образом, к масштабам деятельности. Эпидемия 1348 года, опустошившая Европу, называется “Великой Чумой”; Наполеона называют великим полководцем; Сталин считается в том же смысле “великим государственным деятелем”.

Но в этом сравнении что-то не в порядке. Чума в самом деле сделала своё дело — вымерло около трети населения; Наполеон в самом деле выигрывал сражения — пока не начал их проигрывать, так что проиграл всё, что выиграл. Чего же *в самом деле* добился Сталин? Чтобы ответить на этот вопрос, надо избавиться от присущей историкам почтительности к “великим людям”. Историки всегда ищут у государственных деятелей глубокие планы и расчёты. Поскольку историки относятся к историческим событиям с глубоким уважением (можно ли иначе относиться к тому, чем занимаешься всю жизнь?), они переносят это уважение на исторические личности, возглавлявшие государства. Авторханов, ненавидящий Сталина, приписывает ему безупречный “прагматизм”, то есть холодную расчётливость — хотя и направленную всего лишь на сохранение власти. Дейчер, в своей книге о Сталине, предполагает у него далеко идущие планы, нечто вроде политической системы, какая была, по-видимому, у Цезаря и Александра Македонского. С кем же надо сравнивать этого человека? Сам он, в разговоре с матерью, определил своё положение, как нечто вроде царя. Сравним же его с царями.

Когда-то историки очень интересовались царями, но относились к ним, как к случайным людям, от которых зависят по воле богов человеческие судьбы. Геродот мог изобразить какого-нибудь восточного деспота, который накануне неизбежной войны перебил, по непонятному капризу, командование собственной армии. Историки нашего времени слишком серьёзны, чтобы допустить такое безобразие. Они ищут во всем объективные причины, тогда как старые историки довольствовались субъективными. То, что сделал Сталин накануне страшной войны, едва не погубившей нашу страну, было просто невероятным субъективным поведением, для которого он имел, впрочем, личные причины. Был ли он безумцем? Многие государственные деятели, особенно наделённые неограниченной властью, в самом деле вели себя как безумцы. Историки могут признать безумцем какого-нибудь Нерона, далёкого от их собственных эмоций, но вряд ли они могут так же отнестись к Ивану Грозному. Сталин очень уважал Грозного и однажды откровенно объяснил,

какие достоинства он ценил в этом царе и надеялся превзойти: “Не дорезал Иван пять боярских семей”. Целью Ивана, как и самого Сталина, было уничтожить всех своих врагов. Но те же цели ставит себе любой безумец, одержимый манией преследования. Что же такое безумец?

Примем самое простое определение: безумец — это человек, имеющий фантастические представления об окружающем мире и ведущий себя в соответствии с этими представлениями. Иначе говоря, представления безумца искажены по сравнению с понятиями “нормального человека”. Классический сумасшедший считает себя, например, зёрнышком и боится петуха, который может его склевать. Таких понятий не бывает у “нормальных” людей, по опыту знающих, чего можно ожидать от петуха. Иначе говоря, нормальный человек получает нормальные реакции окружающего мира и потому остаётся нормальным. Если по какой-то причине некоторые реакции выключаются, человек становится ненормальным — сначала в отношении этих специальных реакций, а потом и других, потому что у него расстраивается оценка действительности. Например, у некоторых людей атрофируется ощущение боли, контролирующее неосторожные движения, и эти люди обычно погибают от какой-нибудь случайности. Такие люди ненормальны лишь в некотором специальном смысле, а в других отношениях кажутся вполне нормальными. Среди нас живёт множество людей с безобидными странностями, которых называют чудаками. Если их странности становятся обидными для окружающих, те начинают реагировать, и их странное поведение ограничивается. Если же механизм этих ответных реакций расстраивается, человек меняется, его странности развиваются, соединяются в устойчивые комплексы поведения, и его считают сумасшедшим.

Когда Сталину сообщили, что пароход привёз несколько сот армян, которым была разрешена репатриация, он вдруг испугался, что они “могут поехать в Баку и подджечь нефтепромыслы”. Когда он узнал, что Молотов, ездивший по его поручению в Соединённые Штаты, получил там отдельный вагон в поезде, ему показалось странным, что американцы предоставили этому государственному мужу такую привилегию, и он вообразил, будто они завербовали Молотова в шпионы; впоследствии он не мог отделаться от этой навязчивой идеи, а его собеседники (и историки в том числе) не могли поверить, что он в самом деле в это верил. Когда Сталину сообщали, что какой-нибудь несчастный признался на пытке, будто готовил на него покушение, он в это верил, хотя все знали, чего стоят такие по-

казания (и хотя не было ни одного доказанного покушения). Значит ли всё это — и многие другие факты того же рода — что Сталин был в самом деле сумасшедший, одержимый манией преследования?

У психиатров есть клиническая картина мании преследования, составленная по наблюдениям обычных пациентов. Но обычные пациенты, видя в окружающих людях коварных врагов, не могут их убивать. Тем самым они получают от окружающей среды нормальные реакции, и болезнь их развивается под действием этих реакций — как правило, такой процесс расстраивает всю их систему поведения. Такой человек может жить только в сумасшедшем доме. Но человек, имеющий возможность убивать всех подозреваемых, получает другие реакции — покорность, подобострастие, и даже восхищение. В этих условиях у него развивается другая история болезни: он становится тираном. В 1951 году Сталин вдруг объявляет своим соратникам: "Несчастный я человек! Никому не верю, самому себе не верю". На что те, разумеется, никак не отвечают. Психиатры не занимаются тиранами, поскольку не могут их контролировать. Если они пишут иногда о тиранах, то пишут с чужих слов, без клинического наблюдения. Тирания есть особый, крайне опасный вид помешательства. И главная особенность тиранов, много раз описанная историками и писателями, состоит в том, что тиран *никому не доверяет*, а потому время от времени меняет своё окружение, до тех пор, пока его очередная свита, спасая свою жизнь, не решится от него избавиться. Всё это нетрудно понять.

Что в самом деле требует объяснения — это условия, позволившие Сталину стать тираном и подчинить себе целую страну. Надо выяснить, что за человек был Сталин, и что представляла собой Россия в ту пору, когда случайность дала ему власть.

Прежде всего, это был самый жалкий из тиранов, наделённый лишь минимальным набором способностей, необходимых для этой роли. История знает блистательных тиранов. Если не говорить об итальянских князьках, привлекавших воображение Эренбурга, и об Иване Грозном, привлекавшем воображение самого Сталина, то прежде всего приходят на ум два подлинно блистательных узурпатора — Наполеон и Кромвель. Первый из них настолько поразил своих современников, что его воспевали поэты — Байрон и Гейне, Пушкин и Лермонтов, и даже в наши дни какой-то иностранец сочинил книжку под названием "Блистательный Бонапарт". Ещё блистательнее был Кромвель, выигравший все свои сражения — больше тридцати сражений — но не сумевший стать королём, потому что англичане не хотели иметь короля Оливера. Теперь у входа в ан-

глийский парламент можно видеть две чёрных статуи — Кромвеля и казнённого им короля. Но русские готовы были довольствоваться царём по имени Иосиф: их устроил бы даже Акакий или Пантелеймон. Они и впоследствии проявили свою нетребовательность.

Сталину очень не повезло в жизни. Ему не повезло, прежде всего, в смысле родителей. Отец его, может быть, даже не грузин, а осетин (осетинов в Грузии не любили), был сапожник и пьяница; о нем известно только, что его зарезали в пьяной драке. Мать, которая в старости стала религиозной, в молодости вызывала нелестные отзывы окружающих: когда Сталин приехал в Грузию после революции, он называл её грузинским словом, означающим шлюху, — что очень удивительно для грузина. Выражались даже сомнения, кто был в действительности его отцом. Достоверно известно только, что Виссарион, считавшийся его отцом, появлялся в жилище его матери редко, а мать била своего сына смертным боем. Когда он стал уже чем-то вроде царя, он при виде матери выпалил: "Ты меня била!", на что та рассудительно ответила: "Зато ты и вырос таким хорошим".

На фотографии своего класса он был меньше всех, и дорос всего лишь до 158 сантиметров. В своих воспоминаниях о Ленине он невольно выдал свои чувства по этому поводу: он ожидал, что Ленин не только важная личность, но и человек высокого роста. Людей выше его роста он просто не выносил, так что их не было в его окружении. На мавзолее, принимая парады, он появлялся в сопровождении своих маленьких соратников, и ему ещё ставили скамеечку, чтобы его возвысить. На другом крыле мавзолея, далеко от Сталина, стояли генералы: этим дозволялось быть любого роста. В одном из фильмов, изображавших нашего героя, актер по фамилии Дикий, рослый мужчина могучего телосложения, загримированный под Сталина, поднимался по кремлёвским лестницам могучим шагом: казалось, под ним прогибались ступени. И это не было смешно. Тогда не было телевидения, теперь оно есть: но ведь мы и теперь не смеёмся.

Медицинская сестра, ходившая за больным Сталиным, видела его голым — и осталась в живых. Она вспоминала: "маленькие ноги, большой животик — паучок". Левая рука у Сталина не действовала, после какой-то болезни — такого называют сухоруким; лицо его было покрыто оспинами — такого называют рябым. У него было от рождения шесть пальцев на одной ноге; мальчик с такой особенностью вызывает неприятные реакции товарищей, да и взрослым не ходит на пляж. Как известно, у Гитлера не вышло одно яичко, что

могло иметь такие же последствия. Это не очень важное лишение, и он не от этого стал импотентом. Наполеон имел половые органы уменьшенного размера, но вовсе не был импотентом. Очень возможно, что подобное уродство делает человека недоверчивым и злым. Во всяком случае, католическая церковь требует, чтобы папа был свободен от телесных недостатков, и это правило не лишено смысла. Вдобавок ко всему, Сталин ещё болел псориазом! Какой-то профессор неосторожно принялся его лечить, но пятно продолжало расти. Естественно, Сталин велел этого профессора расстрелять.

Физические недостатки часто компенсируются умственным превосходством, если из человека вообще выходит какой-нибудь толк. Но у Сталина не было и умственных способностей. Учиться он не любил, духовной семинарии не окончил, языки ему не давались: он пытался выучиться немецкому, но не смог. Он плохо владел даже русским языком, очень нужным ему с самого детства: его неуклюжая речь, с неустранимым кавказским прононсом, не позволила бы ему стать оратором, даже если бы у него были другие нужные для этого свойства. Он завидовал евреям, легко усваивавшим главный язык империи; может быть, это и сделало его антисемитом. Но лучшим свидетельством его умственных способностей являются его сочинения. Это даже не демагогия, не популярная болтовня, как у других "вождей", а мёртвая схоластическая стряпня, по образцу семинарии, где он не доучился. Его рассуждения — пустые силлогизмы, связывающие никогда не определяемые "измы", "ации" и "енции". Определить какое-нибудь понятие он не в силах, да это ему и не нужно: сочиняет он, чтобы как-то оправдать свои поступки. Впрочем, его сочинения большей частью писали за него другие, подражая его манере и угадывая его намерения: например, "сталинскую конституцию" сочинили для него Бухарин и Радек. Сочинителей он, конечно, убивал. Ленин писал за этого "чудесного грузина" первую его теоретическую работу о национальном вопросе; конечно, Сталин убил бы и Ленина, если бы мог; это ему в самом деле нужно было, когда Ленин в конце жизни перестал нуждаться в его услугах.

Страсть к убийству, как и все человеческие страсти, развивается упражнением. Человек вообще очень своеобразный вид, единственный среди высших животных: поведение человека определяется двойной системой побуждений — генетической и культурной. У животных инстинкты действуют почти безошибочно, хотя изредка выпадают. У человека инстинкты, запрещающие убивать собратьев по виду, ограничиваются группой близких людей: кого считать близ-

ким, определяется культурой. Выпадение великого запрета убивать себе подобных — обязательного для каждого волка и каждой кошки — произошло у наших предков очень давно. Вы не удивляетесь, что индеец в романе Купера или Майн Рида с полным удовлетворением убивает людей другого племени. Для бандита — человека, выпавшего из своей культуры — другим племенем могут быть чуть ли не все люди. Если он получил в детстве христианское воспитание, первые убийства могут вызывать у него затруднения, но потом он *привыкает*. Иногда, впрочем, он впадает в религиозное покаяние, как это часто бывало с Иваном Грозным и, кажется, случалось со Сталиным. Говорили, что в конце жизни он замаливал свои грехи, предоставляя разные блага православным иерархам. Он был очень примитивный человек, хотя по-своему изощрённый.

Сравнение тирана с бандитом основано как раз на только что описанном механизме — выпадении *культурного* запрета. Это бывает гораздо чаще, чем выпадение какого-нибудь инстинкта: культурные запреты действуют слабее. Но действие культуры не ограничивается велениями совести: культура создаёт также законы и учреждения. Поэтому, как уже сказано выше, бандиту не дозволяется широко развернуть свои наклонности. Весь вопрос, стало быть, в условиях, дозволяющих такое развитие. Но мы ещё не разобрались в личности Сталина. Остаётся неясным вопрос, во что он верил, — если он вообще во что-нибудь верил. Ведь он до конца жизни провозглашал некую доктрину, произведённую от европейского марксизма и названную истинно русским словом "большевизм" — с приделанным в конце латинским "измом". Вопрос в том, верил ли он сам в эту доктрину, или нет?

Может показаться, что это праздный вопрос, поскольку он истребил всех учеников Ленина, всех большевиков, и выбирал себе в соратники заведомых проходимцев. Могут ли быть у такого человека какие-нибудь убеждения? Это логическое рассуждение предполагает человека со связной системой взглядов, то есть с некоторой логикой поведения: не мог же Сталин, в самом деле, воображать себя единственным настоящим большевиком? Но Сталин был очень примитивный человек, всё более помешанный, а под конец и совсем ненормальный. Последний иностранец, видевший Сталина, — индиец Менон, — вспоминал, что он рисовал на листе бумаги волков и объяснял, что волков надо убивать. Мысль о врагах не давала ему покоя. Однажды, выйдя из уборной, он набросился на охранника, ходившего за ним по пятам, но оставшегося за дверью. По-видимому, он хотел быть под охраной в каждую минуту своей

жизни. Во время важных заседаний он вдруг выходил из комнаты, оставив приоткрытой дверь, и следил через щель, как вели себя и о чём говорили его соратники. Его ночные пирушки с четырьмя Иудами объяснялись тем, что он должен был *за ними следить*, следить лично, потому что никому не мог доверять, должен был угадывать, что замышляют его ближайшие помощники, — подготовляя в то же время их уничтожение и *зная, что они это знают.* Не кажется ли вам, что человек, дошедший до такого маразма, не мог иметь логически связную систему взглядов? Его взгляды и убеждения представляли собой мозаику из восточно окрашенного маниакального властолюбия, бандитских представлений о человеческих отношениях и обрывков усвоенного в молодости схоластического большевизма. И эту схоластику он мог принимать всерьёз, когда сочинял (то есть компилировал из чужих мыслей) свои последние брошюры о "языкознании" и об "экономических проблемах социализма". Иначе трудно понять, почему этот больной, гонимый страхом человек вдруг принялся стряпать всю эту малограмотную чепуху. Конечно, когда он этим занимался, он воображал себя — вдобавок ко всему остальному — корифеем марксизма, великим учёным, всем, что о нем говорили окружающие, и чему он сам каким-то образом *верил.* Иначе он бы этим не занимался!

У большинства людей убеждения представляют такую же мозаику, и лишь немногие всерьёз заботятся о логической связности своих убеждений. Для понимания человека решающее значение имеет его *поведение.* Мы понимаем человека, видя, какие стороны его убеждений одерживают верх в его поведении. Что бы мы ни думали о "большевизме", Ленин принимал его всерьёз в своём поведении, как и его последователи, большевики. Сталин же принимал всерьёз только свою власть или — что было для него то же — свой страх. Так же обстояло дело с другими тиранами, но у каждого из них могли быть свои убеждения. Мао тоже верил в свою китайскую версию марксизма, Гитлер верил в немецкий народ — пока этот народ его слушался, а Иван Грозный, прямой образец Сталина, был, конечно, убеждённый монархист. Вообще, ни во что не верующие люди встречаются очень редко, если такие вообще бывают: человек — верующее животное. Всё дело в том, как это животное себя ведёт.

Поведение человека ограничено общественными условиями. В устойчивых, устоявшихся обществах человек не может делать, что ему вздумается, даже если он египетский фараон или китайский богдыхан. Когда один фараон вздумал ввести новое божество, жрецы старых богов сопротивлялись, и его затея провалилась; когда

один китайский император велел сжечь все книги, учёные их припрятали. Эти древние владыки были ограничены пространством и временем. О смерти Екатерины Второй на Камчатке узнали через полтора года, и можно себе представить, как медленно влияли на русские нравы учреждения, введённые Петром: в сенате не было даже карты России. В прежние времена власть не могла быть вездесущей и мгновенной. Узурпаторы бывали во все времена, и с них начинались династии. Но подавляющему большинству населения это было всё равно, и римские провинции мало ощущали перемены на Капитолийском холме. Происходили гражданские войны, выдвигавшие случайных диктаторов и тиранов, и обычно, после очередного смутного времени, возобновлялся прежний общественный строй. Все эти перевороты не очень нарушали медленный ход истории, и только вековые перемены в хозяйстве, образе жизни и нравах действительно изменяли человеческое общество. Короче говоря, была эволюция, но не было революций.

Революция — это *сознательное* изменение общественного строя действиями людей. Но самое представление, что общественный строй можно изменить сознательным решением, могло возникнуть лишь тогда, когда люди перестали рассматривать этот строй как божественное установление и отнеслись к нему, как к делу рук человеческих. Революции означали, что люди перестали благоговеть перед традицией. Революция может быть успешной, если начавшие её люди представляют себе, чего они хотят, и добиваются примерно этой заранее поставленной цели. Успешными революциями были Английская революция XVII века и Американская революция XVIII. Самое слово “революция” первоначально означало просто “круговращение” и было впервые применено в политическом смысле к Английской революции. Эта революция и гражданская война выдвинули первого революционного вождя — Кромвеля, который присвоил себе государственную власть. Власть его продолжалась чуть больше десяти лет. Он правил умеренно, соблюдая законы и не прибегая к террору. Умеренность его объяснялась не только его государственной мудростью, но главным образом характером английского народа.

Французская революция была по существу неудачной. Она не достигла целей, поставленных её вдохновителями и вождями. После длительной анархии, войны с европейскими державами и внутренних мятежей власть оказалась в руках партии якобинцев, во многом напоминавших большевиков. Встретившись с сопротивлением большинства нации, якобинцы прибегли к террору — и тогда это слово, по-видимому, вошло в обращение. Вождем якобинцев был никому

не известный до революции молодой адвокат Робеспьер, который несколько месяцев пытался управлять Францией, применяя политические убийства, но не сумел стать диктатором и вместе с другими якобинцами был убит. Диктатором стал молодой генерал Бонапарт, корсиканец, в сущности чуждый Франции, циник, лишённый всяких идеалов, но, как кто-то о нем сказал, "наделённый инстинктом власти". Не знаю, кто пустил в оборот это выражение: оно подразумевает не только жажду власти, но и *умение пользоваться властью.* Наполеон в самом деле умел пользоваться властью, но не имел ясного представления, *зачем.* Французам — и другим народам Европы — дорого обошлась карьера блистательного Бонапарта, который, привыкнув одерживать победы, не умел остановиться.

Сталин тоже стремился к власти, но *не способен был* пользоваться ею. Сталин был импотент власти. Для управления государством он был очевидным образом непригоден. Он запоминал чужие мысли и выдавал их за свои, но никогда не был уверен, понимает ли эти чужие мысли. Даже притворство — его примитивная хитрость — часто отказывало ему, и он выдавал себя, обнаруживая свои приёмы. Он часто срывался в неприличные выходки перед иностранцами и панически боялся прямой встречи с народом. А между тем, в его руках была неслыханная, абсолютная власть, несравненно бо́льшая, чем власть любого фараона. Возникает вопрос, каким образом эта власть могла оказаться в руках такого человека.

Прежде всего заметим, что это был отнюдь не единственный случай. Явление, которое можно назвать "вождизмом" и которое называется тоталитарным строем, вообще характерно для двадцатого века. Разложение феодального общества, с его сословными традициями и монархической властью, происходило неравномерно, и подходящий для буржуазного общества государственный строй, именуемый "представительным правлением" или "демократией", успел укрепиться лишь в немногих странах. Там, где он укрепился к началу двадцатого века — прежде всего, в Англии, Франции и Соединённых Штатах — тоталитарного строя не было. Между тем, в Западной Европе развилась идеология социализма, доктрина, отрицавшая не только феодальный, но и буржуазный уклад жизни. Эта доктрина, сильная своей критической убедительностью, но лишённая конструктивных идей для будущего, действовала в отсталых странах как взрывчатое вещество. Возникли всевозможные доктрины немедленного спасения: вместо длительного приспособления и привыкания к новым условиям жизни людям предлагали нечто вроде общепонятной религии, и у каждой такой религии был свой про-

рок. Вождями были не только Гитлер и Муссолини: в Испании был Франко, в Польше Пилсудский, в Венгрии Хорти, и т. д. Часто эти вожди использовали какие-нибудь идеи социалистов, приспосабливая их к настроениям народных масс. Это была, как говорят некоторые историки, *эпоха фашизма.*

Другое направление тоталитаризма, так называемый "коммунизм" имело своими вождями Сталина и Мао. Отличие "коммунизма" от фашизма в том, что фашизм присоединял к своим демагогическим лозунгам какой-нибудь национализм, а "коммунизм" держался ближе к интернациональной установке первоначального социализма, лишь постепенно сползая к шовинизму. Методы пропаганды и управления во всех тоталитарных государствах были разительно сходны, но коммунистическая идеология была радикальнее фашистской. Она упразднила не только остатки феодализма, но и начатки буржуазного строя, уничтожив частную собственность и передав всё управление производством в руки партийных чиновников; она упразднила также религию, заменив её культом партийного вождя.

Переходным периодом к этому строю была власть большевиков, длившаяся в России около десяти лет. Эти фанатики коммунизма, во главе с Лениным, верили в свою идеологию и пытались провести её в жизнь. В Китае аналогичный период олицетворял Сунь Ятсен. В других "социалистических" странах, где власть установили русские и китайцы, переходного периода не было, и везде завелись "вожди". Этот период (который в России назывался "советской властью"), важен для нашей темы: только в этой обстановке и мог выдвинуться Сталин.

Дело в том, что партийное руководство, оставшееся после смерти Ленина, было весьма своеобразной группой людей. Эта группа состояла из нескольких десятков человек, и единственным сколько-нибудь выдающимся деятелем среди них был Троцкий — да и тот был больше оратор и организатор, чем политик. Ленин не выносил возле себя сильных лидеров — эта черта могла сделать его диктатором, если бы он прожил дольше. "Старых большевиков" и всего было мало — в 1913-ом году членов партии числилось 1300! Остальные партийцы пришли во время революции и гражданской войны и, конечно, не входили в руководство. Но среди них были сотни тысяч верующих, искренних коммунистов, потому что первоначальная доктрина этой партии привлекала людей благородными целями — братством всех трудящихся, освобождением труда, устранением эксплуатации человека человеком. Эти убеждённые большевики совер-

шили все подвиги гражданской войны, "индустриализации" и "коллективизации"; Сталин и его палачи перебили их почти всех, так что теперь люди не верят в их существование. Так вот, эти большевики — большей частью молодые и энергичные люди — ревностно исполняли партийную программу, истолкование которой принадлежало Ленину и его ученикам. В партии была установлена чёткая военная дисциплина: большевики, как и можно было ожидать от русских подданных, верили во всемогущество власти. И государственная машина, устроенная большевиками, вначале действовала необычайно эффективно; должны были пройти годы, чтобы энтузиасты превратились в чиновников.

Ленин отдавал себе отчёт в том, что большинство населения не поддерживает его идеи и предпочитает свой привычный образ жизни. Следуя логике насилия, усвоенной в самодержавной России, большевики устроили карательную систему под названием ЧК, которая тоже была вначале весьма эффективным механизмом. В руках большевистского руководства была жизнь и смерть каждого человека, и очень скоро оно стало этим злоупотреблять. В распоряжении этой власти были новые средства транспорта и связи, недоступные никакой прежней революции. Конечно, такая власть не могла долго длиться, потому что люди, стоящие у власти, перестают быть энтузиастами; более того, произвольно применяя насилие, они неизбежно превращаются в бандитов. Иначе говоря, "советская власть" была переходным явлением — и мы знаем теперь, к чему. Но в то время большевики могли верить в своё "революционное насилие", и они верили в него, хотя и препирались между собой, как им лучше "строить коммунизм".

Между тем, советская власть превращалась в бюрократию. Новая власть должна была управлять *всем*, в том числе всеми деталями хозяйственной жизни, потому что вся собственность — кроме вещей личного обихода — стала "государственной собственностью". Возник небывалый в истории спрос на *чиновников*. Поскольку управлять, даже под контролем большевиков, было выгоднее, чем быть управляемым, этот спрос легко удовлетворялся, за счёт молодых людей мещанского и крестьянского происхождения. Невозможно было заместить все возникшие должности верующими большевиками: впоследствии подсчитали, что по сравнению с царской бюрократией, приводившей в отчаяние русских интеллигентов, "советская" бюрократия уже в 1921 году стала в четыре раза больше. Новые бюрократы не беспокоились о строительстве коммунизма, а попросту устраивались поудобнее и делали карьеру. Ленин заметил

это лишь в самом конце жизни, но мог бы предвидеть заранее, если бы был столь великим мыслителем, как его изображают. Между тем он полагал, что "пережитки капитализма" в сознании людей можно вытравить в 10–15 лет. Люди с такими понятиями нередко встречаются, но в обычных условиях их держат подальше от власти.

"Новые кадры" тяготились опекой большевиков. Интерес чиновника в том, чтобы вымогать взятки и красть, но большевики были в этом смысле честны: за взятки и кражи они расстреливали. Конечно, чекистов тоже стало слишком много, и не все они были "чужими" для чиновника, как железный Феликс, но новые кадры хотели спокойной жизни. Это выразил поэт Маяковский, по мнению Сталина, лучший, талантливейший поэт той эпохи:

"В наши дни даже мерин сивый
Хочет жизни изящной и красивой".

Чиновникам нужен был *хозяин*, потому что чиновники могут только "служить", и хозяин этот должен был быть "свой". Большевики были чужие, непонятные, в каком-то смысле бесчеловечные и даже не русские люди. И хозяин нашёлся. Французы нашли себе Бонапарта, который, к несчастью, ничего не боялся. Русские нашли Сталина, который боялся всего.

На фоне большевистского руководства он выглядел странно. Те кто делал с Лениным революцию и гражданскую войну, вовсе не были люди высокой культуры, но всё же это были интеллигенты. Сталин выделялся среди них не только своей необразованностью, но ещё и грубостью, примитивностью мышления и, главное, полной беспринципностью: он был свободен от всех ограничений, связывавших настоящих большевиков. Да он и не был настоящим большевиком, хотя они его в этом не подозревали, да и сам он этого, вероятно, не знал. Но это как раз и было его решающее превосходство: его не связывала программа партии, не беспокоили решения съездов, не сдерживала личная лояльность. От всего этого он был свободен; иначе говоря, в этой среде, где он научился действовать, он был разительно *асоциален.* Он обладал свойствами бандита, но, в отличие от обыкновенных бандитов, не был среди других бандитов: в житейском смысле большевики были для него простаки, наивные болтуны, возившиеся с ненужными мелочами. Конечно, Сталин не мог бы стать главарём обыкновенной бандитской шайки, потому что для этого нужна была бы храбрость — а он был трус. Но в большевистском руководстве физическая храбрость была ему не нужна: он был единственным человеком, непринуждённо выбиравшим

свои пути и средства. Как только Ленин умер, пробил его час.

Биологическое преимущество Сталина состояло как раз в том, *чего он был лишён.* Физиолог Эрих фон Гольст поставил опыт на рыбах, — речных гольянах — демонстрирующий это явление. Эти рыбы плавают стаями, и стадный инстинкт заставляет их держаться вместе. Действие этого социального инстинкта ещё непонятно, но известно, что органом его является передний мозг. Фон Гольст взял первого попавшегося гольяна и удалил у него этот орган. Безмозглый гольян выглядел, ел и плавал так же, как все другие, но обычаи стаи были ему безразличны: если ему чего-то хотелось, он плыл, куда ему вздумается, не обращая внимания на своих собратьев. И, представьте себе, *вся стая плыла за ним*, — он стал фюрером! Именно так определил его роль великий физиолог, видевший всё это в своей стране.

Разрушение традиционного уклада жизни, происшедшее в двадцатом веке, лишило простого человека привычных ориентиров. Общество, утратившее свои вековые структуры, деградировало до уровня "анонимной стаи", без привычных правил руководства и руководителей. Это и была историческая среда, породившая "тоталитаризм". Россия пережила самую радикальную и самую неудачную из всех революций. Этим несчастьем и воспользовался Ленин, который *мог бы* стать диктатором. Во всяком случае, он уже стал "вождём", возглавил государство и построил аппарат партийного управления. Но мне кажется, что он всё-таки не мог бы стать диктатором, потому что сохранил некоторые социальные черты: в отношении членов партии у него была особая мораль.

В отличие от других вождей, Сталину не надо было создавать партию, захватывать власть и строить систему правления. Всё это сделал за него Ленин. Сталин мог использовать удивительную пирамиду абсолютной власти и слепую лояльность составлявших её новых большевиков. Старые большевики не смогли его удержать. Они вначале не принимали его всерьёз, препираясь друг с другом — как им казалось — по важным вопросам. Между тем, Сталин захватывал аппарат власти.

Вероятнее всего, вначале ему и не приходило в голову, что он может захватить государственную власть. При Ленине он исполнял служебные функции. Ленин, по-видимому, хотел использовать его как "национальный кадр": на Кавказе, особенно в Грузии, преобладали меньшевики. Он помог этому "чудесному грузину" состряпать книгу по национальному вопросу, а после революции ввёл его в правительство в роли "наркома по делам национальностей". Молодой

человек был малограмотен, но казался преданным, и от него нельзя было ожидать теоретических ересей. В октябрьские дни Сталина не было видно: он просто не высовывался, ожидая, как повернутся события; так же он вёл себя и в других рискованных ситуациях. Но Ленину и не нужны были особые подвиги этого человека: для подвигов были более выдающиеся люди, особенно Троцкий, подлинный организатор октябрьского переворота и Красной Армии. Троцкий был очевидным образом вторым человеком в партийном руководстве. Вряд ли Ленин боялся Троцкого как конкурента, но диктаторская жилка в нем была, и исполнительный порученец это почувствовал. Ленин сталкивал его с Троцким, которого Сталин ненавидел. Конечно, Сталин смолоду и сам умел сталкивать конкурентов: в сущности, способность к интригам и была его единственным талантом. Мысли он заимствовал у других — правильные или нет.

В некотором смысле он был и организатором. Хорошая память на людей и знание человеческих слабостей позволяли ему манипулировать чиновниками, а единственной приятной ему работой была возня с бумагами. Партийный аппарат чрезвычайно разросся, и этим хозяйством заведовала особая канцелярия: надо было назначать чиновников на разные посты, перемещать их и хорошо их помнить. Партийные лидеры брезговали этой работой, и Каменев посоветовал Ленину поручить это Сталину. Сталин потом его по-своему отблагодарил: чего бы он не дал, чтобы расстрелять Ленина!

Должность Сталина назвали на английский лад — “генеральный секретарь”. В политических организациях Англии и Соединённых Штатов General Secretary означало “секретарь по общим вопросам”: это был вовсе не лидер, и даже не один из лидеров партии, а распорядитель, ведавший партийным хозяйством — регистрацией членов, наймом помещений, публикациями и т. п. Политику партии определяли её настоящие лидеры, например, у партии мог быть председатель, политический совет и т. д. Но в русском языке слово “генеральный” ассоциируется со званием “генерал”, и это сыграло важную роль. Это была не парламентская партия, а правящая партия, а в *такой* партии подбор местных кадров важнее всего. И Сталин понял открывшиеся перед ним возможности, когда стал работать с кадрами. Вскоре он выразил это понимание формулировкой: “В период реконструкции кадры решают всё”. Вероятно, впрочем, что он украл эту формулировку у кого-то другого, как делал всегда. Ленин заметил перед смертью, что скромный молодой грузин, взявший на себя неблагодарную чёрную работу, “присвоил себе необъятную власть”, — он заметил это слишком поздно. Другие большевики про-

сто не принимали Сталина всерьёз. Они были слабые политики, и их нетрудно было обмануть.

Конечно, такая власть над местными кадрами — в то время как партийные лидеры спорили о высокой политике — представляла большой соблазн. Очень скоро Сталин понял, как легко этих лидеров дурачить и стравливать друг с другом. Но была ещё другая причина, подстегивавшая его властолюбие: этой причиной был *страх.* Сталин *боялся за свою жизнь*, и этот страх с годами усиливался. Можно было бы подумать, что ему нечего было бояться таких олухов власти, как старые большевики, которых он скоро научился водить за нос. Но в одном отношении большевики были опасны: они не прощали предателей своей партии. В этом они были беспощадны, и Сталин это знал. Был ли он до революции полицейским агентом?

Было много слухов на этот счёт. Его злейший враг Троцкий этому не верил, но Троцкий и в других отношениях был идеалист. Шесть или семь успешных побегов Сталина из ссылки вызывали вопросы. Спрашивали, как он избежал виселицы по делу об экспроприациях на Кавказе. Говорили, что он с какого-то момента перестал "сотрудничать", и после этого не пытался больше бежать из ссылки. Всё это ещё не составляет доказательства. Люди, видевшие документы, могли лгать, а подлинные документы охранки тщательно уничтожались после революции — слишком тщательно, чтобы это могло быть случайным.

Сталин болезненно реагировал на любой интерес к его прошлому. Кавказский период его жизни получил каноническое изложение, и все попытки выяснить историю его молодости беспощадно подавлялись. Писатель Булгаков, надеясь заслужить расположение Хозяина, принялся писать пьесу о его геройском прошлом. Когда он поехал на Кавказ собирать материалы, его вернули с дороги, объяснив, что тема не актуальна; к счастью для него, он не доехал до своей темы. Хуже получалось с теми, кто в таких вещах преуспевал. Некий Москалёв, профессор марксизма-ленинизма, сделал карьеру на якутской ссылке вождя: он объездил места, где помнили Сталина, собрал нужные сведения и написал докторскую диссертацию, разумеется, восхвалявшую выше облака ходячего своего героя. Он с блеском защитил эту диссертацию, стал заведующим соответствующей кафедры в Московском университете, а затем... бесследно исчез, и о нем нельзя было говорить. Личная жизнь Сталина, его отношения с родственниками составляли величайшую государственную тайну. Сталин, при всём его демонстративном антисемитизме, хорошо относился к еврейскому артисту Михоэлсу и

не раз беседовал с ним. Как видно, он не выносил еврейских интеллигентов, но интересовался еврейским фольклором. Когда ему донесли, будто Михоэлс расспрашивал о его семейных отношениях, он распорядился его убить. Он перестрелял родственников своей первой жены. Он преследовал родственников своей второй жены, Аллилуевой. Когда дочь спросила его, за что наказали её тёток, Сталин сердито ответил: “Слишком много знали”. Болезненная реакция Сталина на всё, связанное с его личной жизнью, заставляет подозревать некоторое скрытое прошлое. Но есть более весомое свидетельство, самое ужасное.

Из всех деяний Сталина самое ужасное и непостижимое — это “большой террор”. Миллионы людей, арестованных, загнанных в лагеря, расстрелы, пытки в подвалах и бесконечные признания в немыслимых преступлениях. Историки без конца спорят, зачем нужны были эти мучения. Они выдумывают политические планы, предполагают заговоры — и ничего не могут найти. Историки меньше всего могут поверить, что причиной всего этого было безумие одного человека. Пример такого же безумия в Германии их не вразумляет, они ищут глубокие причины. Опять-таки, всё это лучше понял бы какой-нибудь бесхитростный древний историк вроде Геродота: он описал бы, как некий восточный царь, впав в безумие, приказал вылавливать и казнить всех рыжих или всех заик. Древние понимали, как опасна неограниченная власть, власть одного человека. Не случайно у спартанцев было *два* царя, у римлян *два* консула, в Карфагене *два* суфета! Мало того, спартанцы поставили для контроля над царями семь эфоров, а в Афинах устроили целый ареопаг, что было уже началом демократии. В сущности, эта мудрость была у всех народов, и в Библии пророк Саул объяснял евреям, как опасно иметь царя. Поэтому монархия всегда ограничивалась аристократией, иерархией жрецов или чем-то в этом роде. Из истории известно также, к чему может привести неограниченная власть. Нерон, Иван Грозный, разные шахи и султаны могли бы научить историков не слишком полагаться на объективные причины. Причины иногда случайны. Иван Грозный боялся бояр, Гитлер боялся евреев. Кого же боялся Сталин?

Посмотрим, кого он прежде всего истреблял. Большой террор начался с большевиков и продолжился, захватывая по инерции всех занимавшихся какой-нибудь общественной деятельностью, или проявлявших какую-нибудь самостоятельность. Но всё дело было в большевиках. Почему же Сталин так боялся большевиков? Почему его жертвы изображались как шпионы, диверсанты, чьи-то агенты

— и непременно *предатели*? Почему их обвиняли в тех же злодеяниях, которые совершал он сам — державший в НКВД лаборатории для приготовления ядов, а во всех учреждениях доносчиков? Почему он истреблял всех, кто что-нибудь знал о его прошлом? Единственное объяснение — что в его прошлом было предательство, и что он боялся возмездия: предатель убеждал себя в том, что все предатели. Десятки примеров свидетельствуют, что он *верил* признаниям, полученным на пытках, и хотел получить как можно больше таких признаний. Так ли уж важно, во что верили исполнители его приказов?

Большевики были, конечно, наивны, но кое в чём они были серьёзны. Сталин знал, что если они узнают нечто о его прошлом, они его убьют. А затем его страх, как это часто бывает, распространился на всех, кто казался ему похожим на большевиков — на всех слишком идейных, слишком грамотных или слишком умных. Нетрудно понять, каких людей он истребил в России. Он задержал развитие России на несколько поколений. И один из пунктов его доктрины как раз отрицал роль личности в истории! Конечно, надо было бы ещё объяснить, почему ему позволили всё это сделать — и часто видят причину в особых свойствах русского народа. А почему немцы повиновались своему фюреру, а итальянцы — своему дуче?

Общее объяснение таких явлений я уже привёл, и примеров более чем достаточно. Надо ли винить хорватов в том, что у них был Павелич, а румын в том, что у них был Антонеску? Разрушение оставляет пустоту, а пустота наполняется случайностью. И всё же — Сталин был самой худшей из возможных случайностей. Не знаю, верно ли, что Бехтерев нашел у него паранойю, но впоследствии он мог уже не опасаться психиатров. Даже иностранные деятели, вынужденные вести с ним переговоры, не знали, с кем имеют дело. Черчилль воображал, что он отдаёт отчёт некоему “совету комиссаров”, а Рузвельт непременно хотел лично встретиться с ним, чтобы объяснить ему “долговременные интересы России”. Оба они, столь разные люди с большим жизненным опытом, не понимали, что этот человек боится остаться без охраны в уборной.

Но вернёмся к нашей теме — к его смерти. Если мы хотим узнать, в чьих руках была фактическая власть перед его смертью — вспомним, что Игнатьев направил охранников к Берии и Маленкову, а сам побоялся даже приехать на “ближнюю дачу”. Известно, что в последние недели Сталин вообще не занимался делами, а все бумаги посылали Маленкову, в том числе распоряжения о расстрелах. Известно, что Маленков и Берия были связаны тесным союзом, и что Сталин

это знал. Союз этот держался на общем интересе: сильной личностью был Берия, но Маленков контролировал партийный аппарат. Жорес Медведев и другие говорят глупости, ссылаясь на официальную подчинённость. Игнатьев боялся Сталина, но ещё больше — Берии, да и вообще в таких системах всё зависит от реальной власти, а не от формальной. Прав, конечно, Авторханов, лучше понимавший этот аппарат: Сталина блокировали люди, знавшие, что он хочет их уничтожить. Тиран всегда боится, что его слуги заберут слишком много власти, и вынужден время от времени менять своих фаворитов. Сталин успел уже устранить большевиков и дважды переменить персонал НКВД. Без сомнения, его соратники понимали, к чему идёт дело. Маленков был уже однажды, после войны, отставлен от дел и ждал ареста, а на Берию собирали показания в Грузии, пытая его ставленников. Сталин готовил не только "дело врачей", но ещё и мингрельское дело: он прямо говорил следователям: "Ищите большого мингрела". Вспомните, что Маленков произнёс отчётный доклад на XIX съезде в сталинском френче и воспринимался всеми как намеченный преемник. Тиран больше всех ненавидит возможных преемников и провоцирует их, суля им своё место. Потом Сталин так же провоцировал Жданова, Кузнецова и Вознесенского.

Эта "ленинградская группа" нужна была ему, чтобы столкнуть её с группой Берии и Маленкова. Сталкивание противников было главным приёмом Сталина. Сначала он сталкивал идейных большевиков, Зиновьева и Каменева с Троцким, Бухарина и Рыкова с Зиновьевым и Каменевым. Перебив большевиков, он начал сталкивать таких же как он ренегатов и карьеристов. Ленинградцам он сулил своё место, и уже назначил Жданова главным партийным пропагандистом. Жданов неосторожно принял на себя роль второго человека и стал говорить: "Я и товарищ Сталин". В 1948 году он умер, и Сталин вскоре обвинил врачей в его смерти. Может быть, Жданов и в самом деле умер от болезни. Но если правда, что нашли кардиограмму с очень серьёзным пороком, то лечившие его профессора не увидели того, что увидела доносчица, некая Тимашук. Это было бы очень странно — если им только не *сказали*, что́ они должны были видеть. Медицинские убийства были в порядке вещей. Возможно, что Сталин стал опасаться Жданова и велел кому-то его убрать, скорее всего Берии. Но другим "ленинградцам" Сталин поручает ведущие роли: Вознесенскому в правительстве, а Кузнецову в ЦК партии, где тот назначается куратором КГБ, между тем как Берия давно уже был отстранён от этого опасного дела. Ясно, что "ленинградцы" ведут себя честно и прямолинейно, готовясь принять

от товарища Сталина эстафету власти. Реакция не заставляет себя ждать: этих людей пытают и расстреливают без всякого суда. Делает это, по приказу Сталина, министр КГБ Абакумов, занявший после Берии это ключевое место. Но потом Сталину доносят, что этот человек поддерживает связь с Берией, и Сталин сажает его в особо устроенную тюрьму, подчинённую не КГБ, а лично ему.

Теперь Сталин снова остаётся перед лицом Берии и Маленкова, которых очень трудно убрать. В отличие от "ленинградцев", это всем известные младшие соратники: они произносили речи на съезде, подписывали вместе с ним все документы, их портреты несли на демонстрациях. Сталин должен был через кого-то управлять и не знал, кем их заменить. На XIX съезде он ввёл в "президиум" кучу никому не известных партийных чиновников, но не мог придумать, как убрать прежних. В отличие от "блистательных тиранов Возрождения", он опирался на партийную демагогию, куда вошли уже имена его соратников, и он не знал, *под каким предлогом* их убрать. Здесь он прямо загнал себя в угол, сам себя перехитрил, играя в свою партийную игру. Но этим дело не исчерпывалось. Берия с Маленковым забрали *такую* власть, что тронуть их Сталин боялся. Он не знал, что сделают люди из его охраны, кому они в самом деле служат. Он сменил Поскребышева и Власика, своих многолетних слуг, потому что они поддерживали связь с Берией, и лишился своей старой охраны, но не мог доверять и новой. И он знал, конечно, что Берия осторожен, но в случае смертельной опасности способен на всё. Именно поэтому, готовя ему мингрельское дело, он приглашал его на свои ночные пирушки: чтобы за ним следить. Таково положение тирана.

Одновременно он готовил "дело врачей". Если мингрельское дело было прямо направлено против Берии, то в "деле врачей" был оставлен в некотором смысле пробел, который можно было заполнить любыми именами. В публикации о "врачах-убийцах" говорилось, что эти врачи намеревались убить Сталина и некоторых генералов, но в перечне не было Жукова и других маршалов, которых Сталин опасался, а главное, в нем отсутствовали все четыре участника ночных пирушек — Берия, Маленков, Хрущёв и Булганин. Это было однозначным указанием, кого Сталин хотел устранить. Невольное признание Сталина сразу же заметил опытный "советолог" Авторханов. И вообще, всё это дело почти буквально копировало измышления 1938 года, когда Сталин обвинил в убийствах врачей Плетнёва, Левина и других. Авторханов, вообще переоценивающий хитрость Сталина, в этом случае не может удержаться от замечания, что ста-

рый тиран разучился своему ремеслу. Конечно, соратники Сталина лучше него знали, что это значит. Знали и старшие соратники, которых Сталин меньше боялся. Жену Молотова, Полину Жемчужину, перевели на Лубянку, готовили к “суду”, и Молотов это знал.

Чтобы избавиться от соратников, Сталину нужно было громкое дело, вроде истерии 1937 года. Можно было тайно расстрелять малоизвестных людей вроде Вознесенского и Кузнецова, но уже Жданову — как прежде Орджоникидзе и Куйбышеву — пришлось умереть “от болезни”. Как сказал Мефистофель, “даже ад имеет свои законы”. И вот, Сталин попытался разыграть свою последнюю идеологическую кампанию, используя латентный в народе антисемитизм. В некотором смысле, это было роковое для него решение. Прежде всего, при всей растяжимости сталинской идеологии трудно было перестроить на этот лад доктрину, идущую от еврея Маркса, так долго провозглашавшую пролетарский интернационализм и клеймившую преступления нацистов. Опять-таки, можно было обвинить и депортировать малые нации окраин, но евреи были особенной малой нацией, они жили в больших городах, ассимилировались и смешались с русскими, а кроме того, имели соплеменников за границей, влиятельных в Соединённых Штатах и в Европе. Последнее обстоятельство, по-видимому, пугало Сталина. В 1948 году он пытался использовать в своей политике возникшее тогда государство Израиль, и это вызвало наивный энтузиазм некоторой части еврейского населения. Увидев, впервые за долгие годы, проявление независимых от него эмоций, Сталин перепугался и ответил на них единственным известным ему средством — расстрелами. Он уничтожил Еврейский национальный комитет, созданный им самим во время войны: все служившие ему должны были знать, на какую награду они могли рассчитывать. Но Сталин не решился устроить широкую кампанию вокруг этого дела: членов комитета “судили” тайным образом и расстреляли без публикации. Точно так же были убиты ленинградские партийцы: после 1938 года Сталин никогда больше не устраивал публичных процессов. Он боялся скандала. Несколько раз ему удалось купить “сотрудничество” подсудимых, обещав им жизнь, но потом все знали, чего стоят его обещания. Сталин избегал публичных процессов, и трудно поверить, что он готовил такой процесс по “делу врачей”: скорее всего, он собирался расстрелять их тайком, как членов еврейского комитета. Но тогда возникает вопрос: зачем было затевать вокруг этих врачей всю эту громкую кампанию, намеренно окрашенную антисемитизмом? Знал ли Сталин, как продолжить и завершить эту неумную затею?

Все писавшие об этом не сомневаются, что у Сталина были заранее обдуманные планы, и стараются их угадать. Никому не приходит в голову, что вечный, ежеминутный страх подточил холодную хитрость этого человека, что в последние годы жизни он не умел уже сдерживать свои поступки. Знал ли он сам, чего хотел? "Дело врачей" должно было открыть кампанию против "соратников", старых и новых. Но знал ли Сталин, что делать дальше?

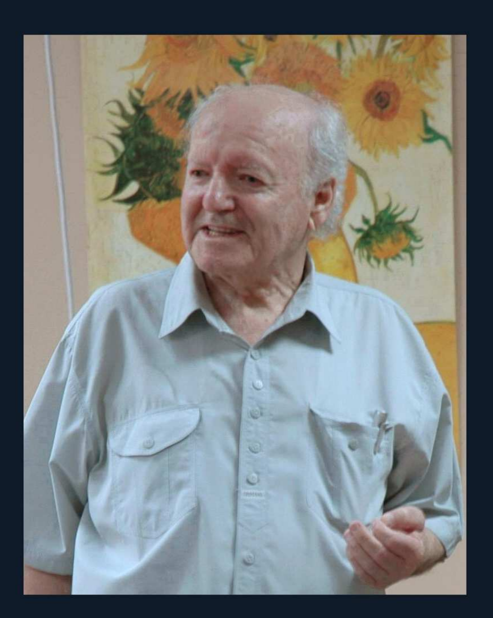
Массовые кампании имеют свои правила. Психология толпы — черно-белая, без намёков и оттенков. Гитлер это знал, и в еврейском вопросе не вёл двойной игры. Но Сталин не мог прямо выдвинуть антисемитскую идеологию, не разрушив всю словесную конструкцию своей доктрины. Официально ему приходилось поддерживать "дружбу народов", вместе с другими подобным фикциями. Он и так уже весьма деформировал марксистскую доктрину, а в старости вряд ли способен был придумать новые софизмы. Но в частных разговорах с "соратниками" он откровенно выражал свои эмоции. Так можно говорить с чиновниками, но с народом так говорить нельзя. Двойная игра приносила Сталину выгоды в его аппаратных интригах, но в этом случае он запутался в своей игре. Его соратники пытались понять, что он в самом деле собирается делать, пересказывали его разговоры своим подчинённым, и по Москве ползли слухи. Готовил ли он процесс врачей? Откуда пошла версия, будто он собирался повесить их на Красной площади? Готовил ли он депортацию евреев? Очень возможно, что он вёл такие разговоры в своём окружении. Булганин впоследствии похвалялся, что Сталин хотел поручить ему депортировать евреев. Мог ли сам Булганин такое выдумать? Скорее всего, такие разговоры были. В последние годы жизни Сталин был крайне небрежен в разговорах. Говорят, что не было приготовлений к депортации, что не строили бараков, не собирали теплушек. В таком случае, — говорят нам — Сталин не готовил депортацию. Может быть, не готовил, но вполне мог о ней думать и говорить. На старости он был болтлив.

Была и другая сторона дела. Сталин панически боялся всякой самодеятельности снизу. Его методом было канцелярское удушение, он умел работать только через аппарат. После войны его испугал разгул антисемитизма на Украине. Без сомнения, народная реакция на "дело врачей" его испугала: он хотел такой реакции, но боялся её. Он не предвидел, во что она может вылиться. Последней его затеей оказалось "заявление" еврейских деятелей, которое должно было послужить началом какой-то массовой кампании. Первую, очень грубую редакцию этого заявления (под которой уже собра-

ли подписи послушных евреев) Сталин не принял, и остановил его печатание в последний момент; ему предложили другую редакцию. Он сидел на своей даче, ничего не делал и не знал, на что решиться. Он сам загнал себя в тупик и мог только умереть. Ученики несомненно помогли ему умереть. Если бы не было инсульта, они бы его прикончили: его смерть нужна была всем.

Именной указатель

“Я ставлю себе в этих заметках очень ограниченную задачу: рассказать о польских событиях моим друзьям. Информация, имеющаяся в моем распоряжении, очень неполна, ее было бы недостаточно, чтобы составить последовательную летопись происшествий. Моя цель состоит скорее в истолковании того, что произошло, хотя бы в самых общих чертах. Каждый день приносит новые события — следовательно, многое произойдет за время, когда я буду писать.”

Абрам Ильич Фет (5 декабря 1924, Одесса — 30 июля 2007, Новосибирск) — известный российский математик и физик. Работал в Сибирском отделении Академии Наук.

Абрам Ильич много размышлял о человеческом обществе, о биологической и культурной природе человека. Предлагаемое Собрание сочинений в 7-ми томах — это первая серия публикаций философско-публицистического наследия А. И. Фета.

Книга “Польская революция” написана по горячим следам польских событий 1980–1981 г., которые автор воспринял как начало развала социалистического лагеря и советской системы, а в организации сопротивления увидел одну из возможных моделей для России.

American Research Press, 2015
Printed in the USA

